

ГОУ ВПО «ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Г.Р. Державина»

На правах рукописи

РЯБЫХ Екатерина Борисовна

**МЕТАФОРИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**
(на материале русского и немецкого языков)

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических
наук, профессор
Т.А. Фесенко

Тамбов - 2006

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	4
 ГЛАВА I. Онтология метафор и актуальные проблемы их изучения..	14
1.1. Изучение метафоры в рамках семантического (традиционного) подхода.....	14
1.2. Рассмотрение метафоры с точки зрения когнитивной лингвистики....	25
1.3. Концептуальная метафора и средства ее реализации	33
1.4. К проблеме концептуальной и языковой картин мира.....	39
1.5. Роль метафоры в создании языковой картины мира.....	49
1.6. Метафора в поэтическом дискурсе.....	54
1.6.1. К вопросу о понятии «поэтический дискурс».....	54
1.6.2. Функционирование метафоры в рамках поэтического дискурса.	60
Выводы по главе I.....	73
 ГЛАВА II. Метафорическая репрезентация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе	75
2.1. Метафорическая концептуализация природных явлений в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах.....	75
2.1.1. Монометафорическая антропоморфная модель.....	75
2.1.2. Монометафорическая зооморфная модель.....	91
2.1.3. Монометафорическая фитоморфная модель.....	103
2.1.4. Монометафорическая натуроморфная модель.....	109
2.1.5. Монометафорическая артефактная (предметная) модель.....	113
2.2. Полиметафорические модели в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах.....	135
2.2.1. Полиметафорическая инкорпорирующая модель.....	135
2.2.2. Полиметафорическая коррелятивная модель.....	139
2.3. Проблемы перевода метафоры в поэтическом дискурсе.....	147

2.4. Фонетическая, грамматическая, графическая метафоры как вспомогательные способы репрезентации знаний о концептах природных явлений в русско- и немецкоязычном поэтических дискурсах.....	155
2.4.1. Фонетическая метафора.....	155
2.4.2. Грамматическая метафора.....	158
2.4.3. Графическая метафора.....	162
Выводы по главе II	166

ГЛАВА III. Особенности метафоризации концептов природных явлений представителями русского и немецкого лингвокультурных сообществ.....

3.1. Экспериментальное изучение метафоризации концептов природных явлений в русском социуме.....	173
3.2. Экспериментальное изучение специфики метафоризации концептов природных явлений в немецком лингвокультурном сообществе.....	179
Выводы по главе III	186

Заключение.....	187
------------------------	------------

Список использованной научной литературы.....	191
Список использованных словарей и справочной литературы.....	209
Список источников фактического материала.....	210

Приложение I	214
Приложение II	222
Приложение III	232

ВВЕДЕНИЕ

Метафора остается достаточно сложным и важным явлением в процессе познания мира, несмотря на тот факт, что в течение долгого времени ей в лучшем случае отводилась второстепенная роль риторической фигуры, предназначенной для усиления психологического воздействия ораторской речи на слушателей, а в худшем случае – вообще не оставалось места в системе языковых средств, способных к отражению истинных знаний об окружающем человека мире. В контексте появления новых парадигм знания она начинает чаще рассматриваться как один из важнейших мыслительных механизмов человека, во многом определяющий его отношение с действительностью.

Метафора относится к тем объектам научных исследований, природа которых дает постоянный импульс для разработок в разных областях знания. Она оказывается центральным объектом философского (М. Black 1962; К.К. Жоль 1984; Х. Ортега-и-Гассет 1990 и др.), психологического (Н. Clark, Р. Lucy 1975; А. Раivio 1979 и др.), литературоведческого (Е.Г. Эткинд 1970; G. Lakoff, M. Turner 1989; И.В. Толочин 1997; В.М. Жирмунский 1999; М.В. Тростников 2000 и др.), лингвистического (Е.Т. Черкасова 1968; Л.Ф. Тарасов 1980; В.П. Москвин 1997, 2000 др.) и когнитивного осмысления (G. Lakoff, M. Johnson 1980; E. Kittay 1987; J. Carbonell 1988; Е.О. Опарина 1988, 1990; В.В. Петров 1990; Е.С. Кубрякова 1996 и т.д.).

За последние десятилетия появилось большое количество публикаций о роли метафоры в различных типах дискурса, речи больных афазией и т. д. Вышло две монографии, которые содержат аннотированную библиографию по метафоре [Shibles 1971; Norppen 1985]. Многообразие возможных подходов к пониманию сущности метафоры отражают сборники «Метафора в языке и тексте» [Метафора в языке и тексте 1988] и «Теория метафоры» [Теория метафоры 1990]. Детальный обзор публикаций по теории метафоры

отечественных и зарубежных авторов представлен в монографиях О.Н. Лагуты [Лагута 2003а, 2003б].

Распространение метафоры в различных областях нашего знания указывает, с одной стороны, на всемогущество, всеприсутствие метафоры и ее практическую ценность, а с другой – на то, что метафора способствует более тесному взаимодействию различных направлений научной деятельности и обладает большим эвристическим и консолидирующим потенциалом. И хотя «объем литературы по метафорике вполне сопоставим с той ролью, которую играет метафора в языке и в нашей жизни» [Баранов 1991: 184], «в этой золотой жиле – метафоре – осталось еще много самородков и самые крупные еще не найдены» [Петров 1990: 146].

Актуальность данной диссертации заключается в том, что в ней исследуются когнитивные основы метафорического осмысления концептов природных явлений на материале русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов с учетом их лингвокультурологической характерологии. Вместе с тем об актуальности нашего исследования свидетельствуют отсутствие работ комплексного характера по заявленной проблематике, а также привлечение современных переводческих концепций и данных психолингвистического эксперимента для детального изучения репрезентативных вариантов метафорического осмысления концептов природных явлений в структурах языкового сознания представителей русской и немецкой лингвокультур.

Объектом исследования являются вербализованные концепты природных явлений русской и немецкой лингвокультур в метафорическом осмыслении, репрезентируемые субстантивами *ОБЛАКО / ТУЧА (die WOLKE)*, *МЕСЯЦ / ЛУНА (der MOND)*, *СОЛНЦЕ (die SONNE)*, *ЗВЕЗДА (der STERN)*, *БЕТЕР (der WIND)*, *ШЕГ (der SCHNEE)*, *ДОЖДЬ (der REGEN)*, *РАДУГА (der REGENBOGEN)*, *МОЛНИЯ (der BLITZ)*, *ГРОМ (der DONNER)*.

Предмет исследования — лингво-когнитивная специфика метафорического осмысления концептов природных явлений в поэтическом дискурсе немецкой и русской лингвокультур.

Цель работы заключается в изучении когнитивных и лингвокультурных особенностей метафоризации рассматриваемых концептов природных явлений в русском и немецком языковых сообществах на материале поэтического дискурса, а также специфики их переводных вариантов с учетом когнитивного и лингвокультурного подходов.

Цель диссертационного исследования обусловила постановку следующих **задач**:

1. Выявить и описать возможные способы метафоризации концептов природных явлений на материале русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов.

2. Составить типологию концептуальных метафор в зависимости от вида области-источника. Установить степень продуктивности каждой из выделенных метафорических моделей. Выявить свойства областей-источников и областей-мишеней, на основе общности которых осуществляется метафорический перенос, а также частотность употребления того или иного типа метафорической структуры.

3. Выявить особенности функционирования и взаимодействия концептов природных явлений, выраженных субстантивами *ОБЛАКО* / *ТУЧА* (*die WOLKE*), *МЕСЯЦ* / *ЛУНА* (*der MOND*), *СОЛНЦЕ* (*die SONNE*), *ЗВЕЗДА* (*der STERN*), *ВЕТЕР* (*der WIND*), *СНЕГ* (*der SCHNEE*), *ДОЖДЬ* (*der REGEN*), *РАДУГА* (*der REGENBOGEN*), *МОЛНИЯ* (*der BLITZ*), *ГРОМ* (*der DONNER*), в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах.

4. Установить способы и возможные варианты перевода метафоры в поэтическом дискурсе в рамках изучаемого нами практического материала с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, так как перевод метафоры способствует как выделению общего, так и обнаружению частного

смысла при метафоризации концептов природных явлений в различных лингвокультурах.

5. Экспериментально обосновать специфику репрезентации концептуальных метафор в сознании носителей русского и немецкого языков, детерминированную их личным опытом и знаниями, где область-мишень представлена концептами природных явлений.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней:

- проведено комплексное изучение способов метафоризации концептов природных явлений на материале русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов с учетом когнитивного и лингвокультурного подходов;
- рассмотрены как монометафорическая, так и полиметафорическая модели, последняя из которых включает выявленные нами коррелятивную и инкорпорирующую модели;
- уточнен репертуар концептуальных метафор, функционирующих в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах, где область-мишень представлена концептами природных явлений;
- метафоризация концептов природных явлений рассмотрена как на лексическом, так на фонетическом и грамматическом уровнях, а также с учетом графической метафоры, ибо все уровни поэтического дискурса являются средствами репрезентации его когнитивного содержания, что объясняется компрессией и интенсивностью поэтической речи;
- выявлена устойчивость / неустойчивость смыслового содержания концептов природных явлений в метафорическом осмыслении, а также структуры рассматриваемых метафор при трансляции из культуры-донора (ИК) в культуру-реципиент (КК);
- экспериментально осуществлена верификация специфики метафорического осмысления концептов природных явлений и их вариантов, закрепленных в практическом сознании носителей русского и немецкого языков.

Теоретической базой исследования послужили основные положения когнитивной лингвистики и литературоведческой науки, разрабатываемые в трудах зарубежных и отечественных ученых (М. Джонсон, З. Кёвечеш, Дж. Лакофф, М. Тернер, А. Н. Баранов, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, В. В. Петров, М. В. Тростников, И. В. Толочин, А. П. Чудинов, Е. Г. Эткинд и многие другие), а также работы лингвокультурологического направления (Н. А. Красавский, В. А. Маслова, В. Н. Телия и другие), исследования по теории (поэтического) текста и (поэтического) дискурса (Н. Ф. Алефиренко, М. Л. Гаспаров, В. И. Карасик, В. В. Красных, С. Б. Кураш, Ю. М. Лотман, В. Е. Чернявская и другие), исследования по переводоведению (В. Вилс, Е. А. Огнева, Ю. А. Сорокин, Т. А. Фесенко и другие).

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из русско- и немецкоязычных поэтических текстов XVIII-XX веков, а также их переводные варианты на немецком и русском языках общим объемом около 3500 развернутых примеров (более 22000 страниц). Необходимо отметить, что поэтические тексты не разделяются нами по эпохам, а рассматриваются как единый материал для репрезентации существующих метафорических моделей в сознании носителей указанных языков, так как при всей вариативности и динамичности той или иной языковой картины мира сегодня важно выделить определенную инвариантную основу, некие константы, обеспечивающие идентичность нации. Учет последовательности развития выявленных метафорических моделей в диахронии не является задачей данного диссертационного исследования, однако при текстовом анализе принимаются во внимание также мифологические и религиозные воззрения представителей рассматриваемых лингвокультур на природные явления.

Достоверность и обоснованность полученных результатов подкреплены теоретической базой, включающей в себя широкий круг работ по данной проблематике, комплексным использованием различных методов

исследования, а также убедительно аргументированы собственными теоретическими рассуждениями и проиллюстрированы языковым материалом.

Методы исследования наряду с общенаучными методами синтеза и анализа включают также дефиниционный, этимологический, контекстно-ситуативный и концептуальный анализы, а также элементы статистического подсчета. Психолингвистический эксперимент позволяет верифицировать полученные результаты экспериментальным путем.

Гипотеза настоящего исследования заключается в следующем: особенность метафоризации концептов природных явлений в поэтическом дискурсе отражается в специфике их моделирования, проявляющейся в использовании как монометафорической, так и полиметафорической моделей, в последней из которых нами выделяются коррелятивная и инкорпорирующая модели, что обусловлено особенностью взаимоотношений области-мишени и области-источника.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту:**

1. Концептуальные метафоры, в которых области-мишени репрезентированы вербальными концептами природных явлений, основываются на личном опыте и знаниях носителей русского и немецкого языков, полученных в результате их взаимодействия с окружающими физическими предметами и другими людьми, наблюдений за феноменами живой и неживой природы. Выделенные концептуальные метафоры, формирующие образные составляющие концептов природных явлений, группируются в полиметафорические и монометафорические модели, а именно антропоморфную, зооморфную, фитоморфную, натуроморфную и артефактную (предметную). Артефактная (предметная) метафорическая модель является самым продуктивным способом концептуализации природных явлений и, соответственно, получает большую детализацию как на уровне коллективного, так и на уровне индивидуального сознания.

2. Полиметафорическая модель включает коррелятивную и инкорпорирующую модели, что обеспечивает как создание целостного объемного образа природного явления, так и уточнение представления о нем за счет привлечения различных областей-источников для его расширенной характеристики в рамках отдельно рассматриваемого стихотворного произведения.

3. Доминирующей из всех структурных типов в монометафорической и полиметафорической моделях оказывается субстантивная метафора. Это объясняется тем, что для представителей данных лингвокультур релевантным является весь «пакет» знаний об области-источнике, а не только характеризующие его признаки, свойства или действия.

4. Метафоризация концептов природных явлений осуществляется как на лексическом, так на фонетическом и грамматическом уровнях. Для репрезентации знаний о концептах природных явлений используется также графическая метафора, помогающая в ином ракурсе подходить к осмыслению концептов природных явлений в рамках поэтического дискурса.

5. Смысловые параллели метафорического осмысления концептов природных явлений в русском и немецком лингвокультурных сообществах объясняются универсальным культурным фондом и энциклопедическими знаниями носителей этих языков, что проявляется при переводе. Для трансляции метафоры из культуры-донора в культуру-реципиент продуктивным является использование концептуального перевода, при котором переводу подвергаются не слова, а вербальные концепты.

6. Смысловое содержание концептуальных метафор на коллективном и индивидуальном уровнях сознания у представителей лингвокультурного сообщества во многом совпадает, что обеспечивается общим фондом знаний. Репрезентативные различия, обусловленные возрастной ступенью, разным уровнем теоретических и профессиональных

знаний, а также индивидуальной творческой активностью и проявляемые, прежде всего, на индивидуальном уровне сознания, верифицируются экспериментальными данными.

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшем развитии теории метафоры, в частности в установлении способов метафоризации концептов природных явлений с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии; дополняются теоретические представления о дискурсе, поскольку в диссертационном исследовании конкретизируются положения, касаемые метафоризации концептов природных явлений в рамках поэтического дискурса. Уточняется область применения концептуального перевода.

Практическая ценность данной работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке лекционных и практических курсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, литературоведению, переводоведению, спецкурса по теории метафоры, а также на практических занятиях по русскому и немецкому языкам, при написании курсовых и дипломных работ, в лексикографической практике (при создании словарей метафор).

Апробация работы. Основные теоретические положения и практические результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (2003-2006 гг.), а также представлены на научных конференциях: международных («Языки и транснациональные проблемы» – Москва-Тамбов, 2004; «Филология и культура» – Тамбов, 2005), вузовских («Державинские чтения» – Тамбов, 2004). По теме диссертации опубликовано одиннадцать работ.

Структура диссертации. Настоящая работа состоит из Введения, трех Глав, Заключения, Списка использованной научной литературы, Списка использованных словарей и справочной литературы, Списка источников фактического материала и Приложения.

Во Введении определяется общее направление исследования, дается обоснование его актуальности, формулируются цели и задачи диссертации, ее основные проблемы, указываются материал и методы исследования, устанавливаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также приводятся сведения об апробации основных положений.

Глава I «Онтология метафор и актуальные проблемы их изучения» посвящена обзору семантического (традиционного) и когнитивного подходов к исследованию метафоры. Здесь рассматриваются научные понятия «языковая картина мира», «концептуальная картина мира» и изучается роль метафоры в создании языковой картины мира; обосновывается обращение к понятию «дискурс», дается определение поэтического дискурса, описывается функционирование метафоры в рамках поэтического дискурса.

В **Главе II** «Метафорическая репрезентация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе» осуществляется описание выявленных способов метафоризации концептов природных явлений *ОБЛАКО / ТУЧА (die WOLKE)*, *МЕСЯЦ / ЛУНА (der MOND)*, *СОЛНЦЕ (die SONNE)*, *ЗВЕЗДА (der STERN)*, *ВЕТЕР (der WIND)*, *СНЕГ (der SCHNEE)*, *ДОЖДЬ (der REGEN)*, *РАДУГА (der REGENBOGEN)*, *МОЛНИЯ (der BLITZ)*, *ГРОМ (der DONNER)*, характеризуются их когнитивные и культурные особенности. Рассматривается как монометафорическая, так и полиметафорическая модель, включающая коррелятивную и инкорпорирующую модели. Находит свое отражение описание способов перевода метафоры в поэтическом дискурсе.

В **Главе III** «Особенности метафоризации концептов природных явлений представителями русского и немецкого лингвокультурных сообществ» экспериментально верифицируются особенности метафоризации указанных концептов, то есть определяются области-источники, привлекаемые для метафорической репрезентации концептов природных явлений, закрепленные в обыденном сознании носителей русского и немецкого языков.

В **Заключении** подводятся итоги теоретического, практического и экспериментального исследований, намечаются перспективы продолжения работы в данном направлении.

Библиография содержит список использованной научной литературы по проблематике исследования, состоящий из 200 наименований, список использованных словарей и справочной литературы, список источников фактического материала.

ГЛАВА I. ОНТОЛОГИЯ МЕТАФОР И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

1.1. Изучение метафоры в рамках семантического (традиционного) подхода

В настоящее время общепризнанным является мнение о том, что первую известную теорию и определение метафоры предложил Аристотель: «Метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии...» [Аристотель 1984: 669]. Процесс метафоризации представляется им как перенос одного термина на другой, говорящий может (а) сдвинуться вверх по иерархии, чтобы найти более общий терм, (б) сдвинуться вниз по иерархии, чтобы найти более специфичный терм, (в) совершить перемещение внутри одного уровня иерархии для поиска нового термина того же уровня специфичности, (г) использовать классическую аналогию пропорции $A/C = B/D$, в которой комбинация терминов $A:D$ заменяется термином C , а комбинация $B:C$ заменяется термином A .

На идее метафорического переноса, идущей от Аристотеля, основываются современные исследования метафоры. Традиционно метафора определяется как «троп, перенесение свойств одного предмета (явления) на другой на основании признака, общего для обоих сопоставляемых членов» [СЭС 1987: 796]. В связи с этим О.Н. Лагута отмечает, что любое определение метафоры всегда является тавтологичным, поскольку содержит толкование по кругу: как известно, метафора – это «перенесение свойств», но толкование «перенесение свойств», собственно говоря, само является метафорой и требует дополнительных пояснений, так как не ясно, что представляет собой это «перенесение свойств» [Лагута 2003а: 5].

Е.Т. Черкасова обращает внимание на то, что в самом употреблении слова метафора обнаруживается тенденция к отождествлению понятия,

выражаемого этим словом, с понятием, выражаемым словом «перенос». Нетерминологическое применение слова «перенос» в отношении метафоры, по мнению автора, крайне затрудняет выяснение существа самого этого явления и не только потому, что понятие «перенос» слишком общее и неопределенное (одно неизвестное – «метафора» – определяется с помощью другого неизвестного, еще более неясного и расплывчатого с терминологической точки зрения, – «перенос»), но также и потому, что оно слишком внешне по отношению к понятию, обозначаемому словом метафора [Черкасова 1968: 29].

Разграничение процессов и явлений, в отношении которых терминологическое применение слова «перенос» с лингвистической точки зрения представляется в той или иной мере оправданным, от тех процессов и явлений, в отношении которых понятие «перенос» неприменимо, а также уточнение конкретного содержания понятия, обозначаемого словом метафора, и тем самым «обезвреживание» его использования в качестве термина бесспорно важно [Черкасова 1968: 29–31]. По мнению В.В. Виноградова, недифференцированным употреблением термина «перенос» затрудняется отграничение метафоры не только от смежных явлений (термин, номинация по общности функции, символ и т.д.), но также и от явлений более близких к метафоре и в то же время более сложных, чем перенесение свойств. Речь идет о других видах тропов (метонимия, синекдоха и т.д.), в возникновении и развитии которых собственно языковым факторам принадлежит решающая роль [Виноградов 1953: 12].

С нашей точки зрения, принципиальным в отношении метафоры является установление того, что и как переносится. Детализация этой идеи лежит в основе многочисленных подходов к метафоре, в том числе и в основе рассматриваемого нами семантического (традиционного) подхода, сущность которого заключается в том, что «механизм и результат переноса хорошо описывается посредством концепции значения» [Петров 1990: 135].

Изучение метафоры в рамках семантического подхода берет свое начало с работ А. Ричардса и М. Блэка. А. Ричардс обогатил теорию метафоры такими терминами, которые обозначают составные части метафоры: «содержание» (tenor) и «оболочка» (vehicle). Разбирая механизм функционирования двух частей метафоры, А. Ричардс подчеркивает, что «их взаимодействие не ограничено чертами сходства соответствующих объектов. Различия также важны» [Ричардс 1990: 64]. Подобное понимание открывает новую грань в механизме метафорообразования, поскольку внимание уделяется не только поиску сравнения, считающегося формальной основой переноса, но акцентируется внимание и на различиях, которые имеются между сравниваемыми объектами. Последнее помогает увидеть метафору в ином свете и является не менее значимым и информативным, чем вычленение сходства.

В отличие от А. Ричардса, М. Блэк указывает на то, что в процессе метафоризации участвуют два разнородных референта: основная сущность (primary, principle subject) – обозначаемое в процессе метафоризации, и вспомогательная сущность (secondary, subsidiary subject) – уже существующее в языке наименование.

М. Блэк вводит также понятие «система общепринятых ассоциаций». Автор исходит из того, что за каждым концептом следует ряд общепринятых ассоциаций. Во время метафоризации происходит актуализация системы ассоциаций, которые в сознании говорящего связаны со вспомогательным субъектом. Эти ассоциации применяются к главному субъекту метафоры. При этом в системе ассоциаций одни признаки выходят на передний план, а другие затемняются. Таким образом, метафора действует как фильтр (в более поздних работах М. Блэк говорит о «проекции»), который структурирует систему ассоциаций и отбирает те, которые могут быть соотнесены с главным субъектом в данной ситуации или высказывании. М. Блэк полагает, что система общепринятых ассоциаций может содержать полуправду и даже ошибочные сведения, но для метафоры важна не истинность этих ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании. Этим объясняется то, что метафора,

действенная в рамках одной культуры, может оказаться абсурдной в другой.

Нераскрытыми в теории остаются принципы отбора релевантных для данной ситуации признаков из всего набора, которым обладает концепт. В.Н. Телия, развивая идею ученого, отмечает, что любая метафора основана на «принципе фиктивности» – допущении, что некоторые гетерогенные сущности могут иметь что-то общее (признаки, свойства, форму, функцию и т. д.). Важным моментом в работе В.Н. Телия можно считать также и то, что она раскрыла связь между принципом фиктивности и другим принципом – антропометричностью, который присущ процессу метафоризации. С данным тезисом нельзя не согласиться: метафора всегда синтезируется конкретной языковой личностью. Таким образом, метафорический процесс всегда несет долю субъективности, ведь во время процесса метафоризации создатель метафорического выражения базируется на своей собственной, индивидуальной и неповторимой картине мира, основывается на своих ассоциациях (которые, впрочем, во многом стереотипичны, стандартны для ряда представителей того или иного лингвокультурного сообщества) [Телия 1988].

М. Блэк также уделяет внимание взаимодействию метафоры с неметафорическим контекстом. Для обозначения данных аспектов вводятся соответствующие термины: «фокус» (focus) – собственно метафора, и «рамка» (frame) – буквальное окружение метафоры, минимальный контекст. М. Блэк совершенно справедливо отмечает, что метафора вне контекста не существует.

Сходное понимание механизма метафоры как контекстуально зависимого образования можно найти у Л.Ф. Тарасова [Тарасов 1980], Г.В. Колшанского [Колшанский 1980], Х. Вайнриха [Вайнрих 1987], а также ряда других исследователей. Так, Л.Ф. Тарасов полагает, что метафора – семантический троп, сущность которого состоит в образовании контекстуально-речевого переносного значения на основе сходства некоторых признаков двух предметов, один из которых уже обозначен, и значение, содержащее его признаки, закреплено за словом в речевой практике, а второй получает обозначение в данном конкретном случае словоупотребления [Тарасов 1980:

64]. Г.В. Колшанский подчеркивает, что «тропы – дитя контекста» [Колшанский 1980: 106]. Х. Вайнрих отмечает, что метафора вне коммуникативной ситуации или лингвистического контекста не существует, так как «голая семантика слова, не дополненная семантикой текста, в лучшем случае дает лишь полуправду» [Вайнрих 1987: 66].

Теория метафоры, предложенная Дж.Р. Серлем, исходит из теории речевых актов и напрямую связана с теорией имплицитных смыслов и контекста. В этой теории каждое высказывание содержит два уровня: подразумеваемое значение высказывания (ПЗВ) и буквальное значение высказывания (БЗВ). Подразумеваемое значение высказывания – это значение, которое говорящий хочет передать слушателю, а буквальное значение высказывания – это то значение, которое слушатель получает, анализируя истинное строение высказывания, без учета намерений говорящего. Метафорическое высказывание демонстрирует разрыв между ПЗВ и БЗВ, что нейтрализуется слушателем путем интерпретации. Таким образом, метафорическое значение – это всегда значение высказывания говорящего [Серль 1990: 308]. Как и Дж.Р. Серль, Д. Дэвидсон придерживается точки зрения, что определение ложности высказывания – это ключевой шаг в восприятии метафоры, если в нем имеется какое-то «скрытое значение», а буквальное значение заключено в «обычном значении слова», которое, впрочем, зависит от контекста [Дэвидсон 1990].

Беря в качестве примера метафоры простейшей структуры «субъект – предикат» (например, «Салли – ледышка», «Ричард – горилла» и т. д.), Дж.Р. Серль фактически сводит объяснение процесса метафорообразования к тому, что, произнося «S есть Р», говорящий на самом деле имеет в виду «S есть R». Выявленные Дж.Р. Серлем принципы не проясняют вопрос о том, на каком основании из множества характеристик Р вычленяются те характеристики R, которые проецируются на S (например, почему в примере Дж.Р. Серля «Салли – ледышка» из всех многочисленных свойств льда выбирается именно его температурная характеристика), так как вывод Дж.Р.

Серля о том, что выбираются именно те R, которые повышают значимость определенных свойств S, не представляется убедительным из-за его неопределенности.

Сходными в этом отношении с точкой зрения Дж.Р. Серля, но более обоснованными представляются теории Д. Ротбарта [Rothbart 1984] и А. Ортони [Ортони 1990], объяснение механизма образования метафор в рамках которых потребовало привлечение теории семантического поля – «принципиально иной концепции значения», по утверждению В.В. Петрова [Петров 1990: 137]. По мнению рассматриваемых авторов, в метафорическом переносе «задействовано» не все буквальное значение, а только его отдельные фрагменты. Так, Д. Ротбарт выделяет в структуре понятий семантические переменные и семантические постоянные, последние из которых являются необходимым условием успешности метафорического переноса. Неудачные метафоры, следуя данной теории, образуются, как правило, в случае участия в переносе семантических переменных. Следовательно, метафора «книга - сокровищница» представляется более удачной, чем метафора «книга - раковина», так как способность книги (как и раковины) открываться и закрываться в данном случае не является семантической постоянной.

С точки зрения Э. Ортони, интересные метафоры возникают тогда, когда говорящий желает подчеркнуть какие-то несильно выраженные свойства обозначаемого в процессе метафоризации (основной сущности), проводя сравнение с уже существующим в языке наименованием (вспомогательной сущностью), в котором эти свойства кажутся более выраженными. Например, метафора «Шоссе вьется как змея» делает акцент на относительно невыраженных свойствах дороги – на том, что они часто могут быть кривыми и коварными. Метафора сравнивает дороги с таким объектом, в котором эти качества выражены – со змеями. Таким образом, в теории Э. Ортони более значимым представляется выделение семантических

постоянных в рамках «вспомогательной сущности» и семантических переменных в рамках «основной сущности».

В рамках семантического подхода нам представляется также важным рассмотрение вопроса о соотношении метафоры и сравнения, так как в основе ряда определений метафоры лежит постулат об их принципиальном различии / схождении.

Традиция противопоставления метафоры и сравнения была заложена Аристотелем, полагавшим, что между этими структурами существует лишь незначительная разница, хотя он и относился с большим предпочтением к первой из них [Аристотель 2000: 276-278].

Отношение к метафоре как к эллиптическому или сжатому сравнению находит отражение и в работах наших современников. Анализируя фразы «картина печальна» («a picture is sad») и «картина напоминает печального человека» («a picture is like a sad person»), Н. Гудмен заключает, что «разница между сравнением и метафорой крайне незначительна. Употребляются ли в них слова is like 'похоже' или is 'есть' – не так важно. Главное, что и в том, и в другом случае утверждается сходство между картиной и человеком, вычленяется какая-то определенная общая черта...» [Гудмен 1990]. По мнению А. Миллера, метафора – утверждение сравнения, в котором что-то опущено [Миллер 1990: 260]. Несомненно, отмечает М.В. Никитин, что в основе метафоры лежит мыслительная операция сравнения, а сама метафора – отработанное скрытое сравнение [Никитин 1979: 94].

По мнению Е.Т. Черкасовой, нельзя признать точным положение о том, что метафора – это «сокращенное сравнение». Далеко не каждая сравнительная конструкция может быть «сокращена» в метафору, и далеко не каждая метафора может быть развернута в сравнительную конструкцию. Понятия «сравнение» и «метафора» – понятия близкие, но далеко не тождественные. Близость этих понятий обусловлена общностью только тех психических процессов, которые лежат как в основе первого, так и в основе второго явления. В то же время необходимо подчеркнуть, что в собственно

лингвистическом аспекте сравнение – это синтаксически членимая конструкция или морфологически членимая структура, метафора же, это – не конструкция и даже не слово, а его новая семантическая функция. В метафоре сравнение выражается нерасчлененно, собственно семантическими средствами – взаимодействием «предшествующего» и «последующего» значений одного и того же слова, то есть его семантической двуплановостью [Черкасова 1968: 34].

Д. Дэвидсон, в свою очередь, считает, что наличествующие различия между метафорой и сравнением обусловлены способом нашего мировосприятия, и, следовательно, они не могут быть абсолютно идентичными. Наиболее очевидное семантическое различие между сравнением и метафорой заключается в том, что все сравнения истинны, а все метафоры ложны [Дэвидсон 1990].

Являясь сторонником рассмотрения метафоры с точки зрения интеракционистской теории и подвергая критике теорию сравнений, М. Блэк также разграничивает метафору и сравнение [Блэк 1990]. По мнению автора, самой распространенной точкой зрения вплоть до недавнего времени была субституциональная теория, под которой понимается любая теория, в которой «метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения». Сравнительная точка зрения на метафору, по мнению М. Блэка, имеет место в том случае, если в основе метафоры лежит демонстрация сходства или аналогии [Блэк 1990: 158-159].

Основное различие между субституциональной концепцией и ее разновидностью М. Блэк демонстрирует на примере *Richard is a lion*. Согласно первой точке зрения это предложение означает приблизительно то же, что и *Richard is brave*, согласно второй точке зрения – приблизительно то же самое, что *Richard is like a lion (in being brave)*, причем стоящие в скобках слова только предполагаются, но эксплицитно не употребляются. И в первом, и во втором случаях предполагается, что метафорическое утверждение употреблено вместо некоторого буквального эквивалента. Но при

сравнительной точке зрения требуется более детальная перифраза, поскольку утверждение сделано как о Ричарде, так и о льве [Блэк 1990: 160].

Следуя субституциональной точке зрения на метафору, говорящий использует фигуральный способ изложения мысли вместо того, чтобы выразить свою мысль прямо, без использования метафоры. Под таким взглядом на метафору подразумевается следующее – метафора не более чем простое украшение (за исключением тех случаев, когда она покрывает лакуну в лексиконе), ее цель – развлечение, доставление эстетического удовольствия, и, следовательно, метафоре нет места в тех текстах, где требуется точность и четкость. Основное возражение против субституционального взгляда заключается в том, что метафорическое выражение, как правило, нельзя или сложно заменить эквивалентной парафразой, так как оно намного богаче в смысловом и функциональном планах.

Относительно сравнительной точки зрения можно сказать, что метафора может не только основываться на реально наличествующем сходстве, фиксируя его вербально, но может и сама создавать его (в случае, когда между двумя классами объектов нет реально существующего сходства).

Н.Д. Арутюнова высказывает предположение, что именно метафора «статична; она отражает остановившийся, лишенный внутренней динамики мир – мир сущностей», а «сравнение подвижно» [Арутюнова 1999: 279].

А. Вежбицкая отмечает, что метафора и сравнение различаются не поверхностными, а глубинными структурами. «Мы говорим «метафора и сравнение», как будто имеем дело с двумя четко противопоставленными на практике категориями явлений, как будто речь идет только о необходимости подыскать для них две адекватные семантические формулы. Но в действительности ситуация иная: по существу, мы имеем дело с целой семьей языковых явлений. Ставится задача четко определить родственные связи внутри всей семьи, а не только ее самых известных представителей – классической метафоры и классического сравнения» [Вежбицкая 1990: 143].

А. Вежбицкая предлагает следующий способ моделирования семантических отношений между сравнением и метафорой на фоне сходных языковых явлений:

Сравнение – ‘можно сказать, что это могло бы быть ...’

Метафора – ‘можно сказать, что это не... а...’

Метафорическое сравнение – ‘можно сказать, что это могло бы быть не..., а ...’ [Вежбицкая 1990: 144].

Таким образом, существуют два определяющих признака метафоры: один – семантический, а именно одна из составляющих ее глубинной структуры ‘можно сказать, что не..., а...’; второй – формальный, а именно полный или, по крайней мере, частичный эллипсис этой формулы в поверхностной структуре [Вежбицкая 1990: 149].

Для нашего исследования важными в рамках семантического подхода представляются положения, высказанные в отношении метафоры и сравнения Р.А. Будаговым и Ф. Уилрайтом, так как они нейтрализуют противоречия между этими понятиями. Так, Р.А. Будагов отмечает, что связь метафоры и сравнения проявляется в том, что сравнение не только подготавливает метафору, но и дает ей возможность раскрыться на фоне широкого контекста, на фоне целого [Будагов 1973: 28].

Ф. Уилрайт в своей работе «Метафора и реальность» игнорирует знакомое грамматистам разграничение между метафорой и сравнением [Уилрайт 1990: 82]. Что действительно важно в метафоре, по мнению автора, так это духовная глубина, на которую объекты внешнего мира, реального или вымышленного, перемещаются при помощи «холодного жара воображения». Процесс перемещения, который в этом случае имеет место, может быть описан как семантическое движение. Представление о таком движении скрыто в самом слове «метафора», поскольку движение, включенное в значение этого слова, есть именно семантическое движение – тот происходящий в воображении двойной акт распространения и соединения, который обозначает существо метафорического процесса. Распространение и

соединение, представляющие собой два главных элемента метафорической деятельности, наиболее действенны в сочетании. Возможно, на самом деле они всегда в той или иной степени соединены друг с другом, по крайней мере, в неявном виде. Но, чтобы понять роль каждого из них, их можно рассматривать по отдельности и дать им отличные друг от друга названия – «эпифора» и «диафора», – первое из которых обозначает распространение и расширение значения посредством сравнения, а второе – порождение нового значения при помощи соположения и синтеза [Уилрайт 1990: 83].

В следующем пункте нашей диссертационной работы мы подробно рассмотрим когнитивные основы процесса метафоризации, так как в рамках семантического подхода не было дано однозначных ответов на ряд вопросов о природе метафорического переноса и механизме выделения проецируемых характеристик. Придерживаясь мнения А. Вежбицкой о том, что необходим синтез двух традиций, так как противопоставление семантического (традиционного) и когнитивного взглядов ничего не сможет дать лингвистической науке [Вежбицкая 1997: 201], мы считаем, что когнитивный подход не только содержит принципиально новые моменты, но и является попыткой обобщения концепций метафоры, рассматриваемых в рамках семантического подхода. Преимущество когнитивного подхода заключается в обращении к контексту, в том числе к фоновым знаниям, без которых невозможна верная интерпретация метафоры. С другой стороны, очевидна связь когнитивной теории метафоры с семантическим подходом, которая просматривается в том, что оба подхода развивают положение о креативной функции метафоры, о том, что метафора организует и регулирует наше мировосприятие, «высвечивая» и подчеркивая одни черты, «затемняя» при этом другие. Следует также отметить, что теория семантического поля значительно прояснила механизм метафорического переноса и внесла вклад в развитие когнитивного подхода.

1.2. Рассмотрение метафоры с точки зрения когнитивной лингвистики

Согласно одному из основных положений когнитивной лингвистики обработка новых знаний осуществляется на основе старых знаний, уже имеющихся в памяти человека. Именно поэтому столь важное место в когнитивной лингвистике занимает изучение метафоры, так как последняя – инструмент, при помощи которого мы используем информацию о хорошо известном для описания малоизученного. А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов отмечают, что с когнитивной точки зрения процессы метафоризации – это специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания» [Баранов, Караулов 1991: 186], а следовательно, когнитивный подход базируется на превалирующей роли «знания» [Петров 1990: 135, Алексеев 1998].

Дж. Лакофф и М. Джонсон в рамках когнитивной теории метафоры представляют процесс метафоризации следующим образом: «А» - «В» или «А» как «В», где «А» – область мишени (target domain, в других переводах: «область цели»), а «В» – область источника (source domain, в других переводах: «исходная область») [Лакофф, Джонсон 1990]. Таким образом, основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «мишени». В процессе метафоризации некоторые области мишени структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция».

Область источника и область мишени неэквивалентны в отношении направления метафоризации. Область источника – это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта, взаимодействия с действительностью. Область мишени – менее ясное, менее

конкретное, менее определенное знание, это, скорее, «знание по определению», а не «знание по знакомству» [Баранов 2003: 75-76].

Дж. Фоконье и М. Тернер дополняют пару рассматриваемых Дж. Лакоффом и М. Джонсоном областей (пространств – в терминологии Дж. Фоконье и М. Тернера) двумя дополнительными: родовым пространством, которое содержит фоновые знания, общие для входных пространств, и выходным смешанным пространством, которое содержит продукт концептуальной интеграции, что, по сравнению с двумя пространствами, представляет большую степень вариативности. Авторы выделяют пять условий оптимальности, не являющихся онтологическими, которые описывают, чем отличается структурно правильное использование схемы концептуальной интеграции: 1) интеграционное условие требует, чтобы смешиваемые элементы легко представлялись в виде единого концептуального объекта; 2) условие переплетенности требует, чтобы интеграционное условие не разрывало связи между заново смешанными элементами и их оригинальными входными прототипами; 3) условие расшифровки требует, чтобы тот, кто осмысливает смешанный результат интеграции, мог бы реконструировать сеть пространств, из которых она была произведена; 4) топологическое условие обеспечивает семантическую законность интеграции, требуя, чтобы соответствующие друг другу смешиваемые элементы соотносились с другими элементами своих пространств сходным образом; 5) условие полезности требует, чтобы концепты, участвующие в смешении, были достаточно значимыми в смысле их обширной связанности с другими элементами смешения [Turner, Fauconnier 1995; 1996].

Несмотря на перечисленные условия оптимальности М.В. Никитин отмечает, что «зона смешения как область интеграции концептов – самый уязвимый пункт построений Дж. Фоконье и М. Тернера. Если довести их мысль до логического завершения и не скрывать конечный вывод, то надо признать, что метафора всякий раз, хотя бы на время и в операциональном

плане, порождает противоестественных концептуальных уродцев» [Никитин 2002: 266].

По мнению В.В. Петрова, чтобы отобрать из известной области полезную для понимания новой области информацию, необходимо установить, какие из аспектов известной области останутся при переносе инвариантными, а какие вообще будут проигнорированы [Петров 1990: 139]. Предположение о повторении структуры источника в структуре мишени получило название «гипотезы инвариативности». Среди типов отношений, которые сохраняются инвариантными при метафорическом переносе, Дж. Карбонелл выделяет: совокупность целей, стоящих перед субъектом, функциональные атрибуты, порядок следования во времени, естественные тенденции, социальные роли, структурные отношения, конкретные характеристики. Следует также отметить, что концепция автора предполагает перенос от одних четко структурированных областей знания к другим [Carbonell 1981, цит. по: Петров 1990: 139].

Примером четкого выстраивания структуры определенной области знания является, по нашему мнению, раскрытие содержания и внутренней упорядоченности концепта *ДОЖДЬ* В.П. Васильевым в статье «Концепт *ДОЖДЬ* и особенности его организации». В рамках рассматриваемой работы отмечается, что содержание концепта раскрывается следующими когнитивными аспектами (субасpekтами) и формирующими их когнитивными признаками [Васильев 2003: 184-229]:

1. Признак «капли», представляющий аспект «составные частицы осадков».
2. Признак «вода», реализующий аспект «агрегатное состояние».
3. Признак «выпадать», проявляющий аспект «способ существования осадков». Непосредственными носителями признака являются: а) глаголы движения и образованные от них причастные и деепричастные формы – сеял, сеялся, хлестал, хлыстал; б) глаголы физического воздействия на объект (нанесение удара) – дождь ... бил, сек, лупил, колотил, долбил, капли дождя били по крыше. Опосредованно идею движения выражают слова,

обозначающие его интенсивность и скорость, фазисные номинации и номинации, указывающие на время прохождения фаз действия, а также межчастеречный класс слов, обозначающих звучание – барабанил, шелестел, стучал, шуршал, лопотал и др.

4. Признак «тучи», принадлежащий аспекту «источник образования осадков».

5. Признаки «очень незначительный по величине», «незначительный по величине», «значительный по величине», иллюстрирующие аспект «величина частиц осадков», например, бисерный.

6. Признаки «близко расположенные друг к другу», «далеко расположенные друг от друга», «расположенные без промежутков», раскрывающие аспект «плотность расположения частиц осадков при их выпадении», выявляются из различных сочетаний метеонима и его перифразы – пряди, копыя, стена, лавина ... дождя, частое сито, густая сетка, тугая полоса ... дождя.

7. Признаки «ахроматические цвета»: «цвет молока, мела...», «цвет пепла»; «хроматические цвета»: «цвет яичного желтка», «цвет радуги», отражающие «колористический аспект» восприятия явления, передаются цветовыми прилагательными в словосочетаниях простой и сложной структуры – белый, седой, серебристый, свинцовый, серый, желтый, золотой, золотистый, радужный ... дождь, пепельно-серое полотнище дождя, жемчужно-серые копыя дождя, серые веревки дождевых струй.

8. Признаки «имеющие яркий свет», «не имеющие яркого цвета», характеризующие аспект «яркость освещенных частиц осадков», обуславливаются световыми и цветовыми прилагательными, включенными в разнообразные сочетания имени – алмазная сетка дождя, серебристый, золотой, золотистый и др.

9. Признаки «относительно низкая температура», «низкая температура», «относительно высокая температура», принадлежащие аспекту «температура осадков», раскрываются ключевыми словами простых и сложных

словосочетаний, образованных на основе метеонима – парной, холодная пыль и др.

10. Признаки «небольшое количество», «большое количество», представляющие аспект «количество выпавших осадков», раскрываются различными фрагментами текста – лавина дождя, щедрый дождь и др.

Исследуемый концепт включает в себя 29 когнитивных субаспектов, группирующихся в 10 аспектов, и комплекующие их когнитивные признаки. Такой способ представления концепта, показывая, «как обобщаются понятием признаки реалий и как они освоены языковой системой, не противоречит стихийно складывающейся практике поаспектной характеристики признаков концепта» [Васильев 2003: 223].

Так, в примере *ДОЖДЬ – РЕБЕНОК* инвариантной при метафорическом переносе остается характеристика «источник образования», так как «источник образования» ребенка – чрево матери, а дождя – туча. Следует заметить, что все же мы не всегда воспринимаем реальность в виде четко структурированных областей знания.

Одним из наиболее распространенных в рамках когнитивного подхода является положение, что основой метафоризации служит аналогия. По мнению П. Рикера, метафора первоначально создается силой воображения, в котором ведущую роль играет способность видеть или устанавливать подобия (анalogии): «видеть подобное – видеть одинаковое, несмотря на имеющиеся различия. Такое напряжение между одинаковостью и различием характеризует логическую структуру подобного», но это – необходимый этап в создании всех новых единиц знания. При этом каждое новое, установленное силой воображения подобие (каждая аналогия) «нарушает предшествующую категоризацию» [Рикер 1990а: 422].

М.В. Никитин отмечает, что связь между двумя концептами устанавливается в сознании, но отражает не какие-либо реальные связи, отношения, взаимодействия соответствующих сущностей, а общность – различие обнаруживаемых признаков (анalogии). Поскольку в сознании

отражены не только сущности объективного мира, но и их связи, один концепт может предполагать и «вызывать» (имплицировать) другой. Импликация может быть отражением единовременных и разновременных, статических и динамических, жестких и вероятностных, слабых (например, пространственных и временных) и сильных (например, причинно-следственных) и других взаимодействий [Никитин 1979: 95].

В.А. Пищальникова разделяет мнение многих сторонников когнитивного подхода о том, что главную роль в повседневных семантических выводах играют не формализованные процедуры, а аналогия, В.А. Пищальникова замечает: «При восприятии метафорического контекста повышается креативность мышления, поскольку возникает необходимость усиления интегративной функции его для обнаружения неосознаваемых, но наличествующих в каждом метафорическом поле имплицитных доминантных компонентов смысла. Эта интегративная функция проявляется в образовании аналогий как основы метафоризаций, ибо аналогия – один из видов бессознательного обобщения» [Пищальникова 2001: 96]. Интересным представляется мнение относительно аналогий, высказанное Г.Н. Складневской. Врожденное чувство аналогии, по мнению автора, заставляет человека отыскивать сходство между самыми отдаленными сущностями: не только между предметами чувственно воспринимаемого мира, но и между конкретными предметами и отвлеченными понятиями [Складневская 1987: 59-60].

В соответствии с концепцией В. Гертнера, позволяющей прояснить внутреннюю структуру метафоры, отмечает В.В. Петров, выделяются следующие характеристики аналогий: 1) определенность базовой системы – степень нашего знания исходной содержательной области. Предполагается, что чем глубже мы знаем исходную область, тем легче нам определить, какие отношения считать важными при переносе; 2) ясность – степень точности задания соответствия между сопоставляемыми областями; 3) насыщенность – число переносимых предикатов; 4) широта охвата [Петров 1990: 141].

По мнению О.Н. Лагуты, метафорический перенос происходит на основе общности (анalogии) перечисленных ниже свойств области источника и области мишени: формативных («величина», «высота», «глубина», «длина», «полнота», «размер», «рост», «форма», «ширина»); одоративных («запах»); цветовых («масть», «окраска», «тон», «цвет»); вкусовых («вкус»), весовых («вес», «масса», «объем»), звуковых («громкость», «диапазон», «тембр»); временных («возраст», «время», «длительность»); температурных («температура»); тактильных («твердость», «мягкость»); консистенциальных, отражающих организацию, консистенцию объекта в широком понимании («заполненность», «система организации», «состав», «состояние», «строй», «сущность», «уклад», «материал»); функциональных («предназначение», «цель», «причина использования»); реализационных, отражающих представление о характеристиках проявлений объекта («активность», «значение», «интенсивность», «реакция», «режим», «результат», «сила», «следствие»); динамических, характеризующих протекание действия («ритм», «темп»); количественных, указывающих, являются ли соотносимые объекты дискретными объединениями единиц («доза», «калибр», «мера») или они синкретичны («количество»); реляционных, отражающих представление об общности отношений сопоставляемых объектов с другими объектами («место», «положение», «соотношение», «направление», «близость», «порядок», «предел», «расположение»); субъективно-психологических, отражающих представление об общности тех чувств, переживаний, состояний, ощущений, которые вызываются у субъекта контактами с соотносимыми объектами («чувство», «переживание») [Лагута 2003в: 125].

Следует также отметить, что в большинстве исследований, посвященных описанию метафоризации, метафорообразование и декодирование метафор специально не разводятся, хотя очевидно, что их нельзя смешивать. Так, М.В. Никитин обращает внимание на то, что когнитивные процессы метафорического осмысления, формируемого сознанием концепта, существенно различаются у адресанта и адресата речи.

Для говорящего это поиск моделирующих аналогов зародившейся мысли, оптимально высвечивающих ее содержание и структуру. Напротив, слушающий в начале когнитивного процесса целиком зависит от имени, его значения и контекста, в котором имя употреблено. Концепт же формируется вслед за именем в результате мыслительных усилий преодолеть неуместность имени при прямозначном его осмыслении [Никитин 2002: 261-262].

Возвращаясь к вопросу соотношения метафоры и сравнения, отметим, хотя большинство ученых в рамках семантического подхода придерживаются точки зрения, что в метафорические конструкции не входят предикаты подобия, оформленные при помощи словоформ: «похож», «напоминает», «подобен», а также компаративных союзов «как», «как будто», «как бы», «словно», «точно» и др., в науке есть и несколько иная позиция. В последнее время исследователи склонны принимать сочетания с союзом «как» в качестве метафорических, где «как» является маркером «сравнительной метафорической конструкции» [Глазунова 2000: 165]. Так, для когнитивной теории характерен широкий подход к выделению метафоры по формальным признакам. Например, если в других теориях среди компаративных тропов отчетливо разграничиваются сравнение, то есть троп, в котором имеется формальный показатель компаративности, и метафора, признаком которой считается отсутствие указанных показателей, то при когнитивном подходе обе рассматриваемые разновидности относятся к числу широко понимаемых метафор [Чудинов 2004: 92].

Итак, с точки зрения когнитивной лингвистики процесс метафоризации представляет собой отображение специфических операций над знаниями. Важным для нас представляется утверждение о том, что метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «мишени», а в процессе метафоризации некоторые области мишени структурируются по образцу источника, то есть происходит «метафорическая проекция». Бесспорно, для

отбора из известной области полезной для понимания новой области информации в рамках когнитивного подхода важной является предложенная Дж. Карбонеллом последовательная иерархия инвариантности. Проблема заключается в том, что реальность не всегда воспринимается в виде четко структурированных областей знания. Значимым для нас также является выделение О.Н. Лагутой свойств области источника и области мишени, на основе общности (анalogии) которых происходит метафорический перенос. В рамках диссертационной работы было сформулировано следующее определение метафоры, под которой понимается вербально-ментальный конструкт, обозначающий некоторый класс сущностей или явлений для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, обусловленный сопоставлением двух сущностей, явлений на основании аналогии или сходства между ними, то есть нахождения их общих признаков.

В связи с тем, что в теоретических разработках последних лет метафора интерпретируется не только как вербальный, но скорее как ментальный конструкт, перейдем к рассмотрению концептуальной метафоры и средствам ее реализации.

1.3. Концептуальная метафора и средства ее реализации

В соответствии с общей целью когнитивной лингвистики – изучение когнитивной функции языка во всех ее проявлениях – центральными для семантической теории, как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, становятся понятия концептуализации и категоризации и изучение этих двух важнейших познавательных процессов, связанных с формированием системы знаний (картины мира) в виде концептов и категорий в сознании человека. В рамках когнитивной теории семантика языковых единиц (когнитивная семантика) рассматривается как результат определенного способа осмысления мира на основе соотнесения языковых значений с конкретными концептами и

категориями, то есть как отражение процессов концептуализации и категоризации в языке [Болдырев 2004: 24].

По мнению Е.В. Рахилиной, под процессом концептуализации понимается «определенный способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в данном высказывании. Ситуация может быть одна и та же, а говорить о ней человек умеет по-разному, в зависимости от того, как он ее в данный момент представляет. Эти представления и называются концептуализацией» [Рахилина 2000: 7]. Т.В. Симашко отмечает, что термин «концептуализация» обозначает процесс и результат креативной деятельности субъекта, выделяющего и оценивающего свойства объектов [Симашко 2003: 55].

Вслед за рядом исследователей мы понимаем под концептуализацией осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов или других ментальных структур [Кубрякова и др. 1996: 93; Болдырев 2000: 22; Архипов 2001: 13 и т.д.]. Концепты все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям и, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются.

Одним из способов концептуализации мира является метафора. Говоря о метафорическом принципе концептуализации, следует отметить, что метафорически выражаемый концепт должен быть зарожден в сознании (как впрочем и любой концепт). Только при этом условии, по мнению М.В. Никитина, возможен направленный поиск и отбор признаков, конгруэнтный метафорически обозначаемому концепту. Роль и действие концепта, привлекаемого для сравнения, в данном случае подобны тем, что выполняет фотопроявитель. В принципе в структуре светочувствительного слоя необработанной пленки уже содержится все то, что оставил на ней свет, отраженный от объекта съемки, но изображение надо сделать еще доступным и явственным глазу» [Никитин 2002: 261].

Под *концептуальной метафорой* подразумевается понимание одной концептуальной области (области-мишени) посредством другой концептуальной области (области-источника). До появления теории концептуальной метафоры считалось, что в языке функционирует множество несвязанных между собой метафорических выражений. Благодаря теории концептуальной метафоры, можно утверждать, что метафоры связаны между собой и образуют определенным образом организованную систему, так как являются языковым проявлением той или иной концептуальной метафоры. Таким образом, можно предположить, что концептуальная метафора – это свободная от контекста некая абстрактная вербально-ментальная модель, которая реализуется каждый раз заново посредством «наполнения» ее конкретными метафорическими выражениями. Следовательно, само понятие «метафора» отличается систематической многозначностью: оно может относиться как к конкретному метафорическому выражению (варианту), так и к стоящему над ним концептуальному типу (инварианту). Так, следующие примеры репрезентируют концептуальную метафору *ДОЖДЬ – СЛЕЗЫ*: *И засияла вся дубрава / Молниеносным блеском слез (Н. Заболоцкий); Удары молнии сквозь слезы / Ломали небо на куски (Н. Заболоцкий); Проплясал, проплакал дождь весенний (С. Есенин); И ветер ночи к нам донес / Впервые слезы грозовые (А. Блок)*. Дж. Лакофф и М. Тернер, рассматривая в работе «More than cool reason» такое понятие, как путешествие, называют концептуальный тип «схемой», а наполняющие ее элементы (конкретные метафорические выражения) «слотами». Концептуальные схемы организуют наши знания. Они вводят когнитивные модели некоторых аспектов мира – модели, которые мы используем для постижения нашего жизненного опыта и размышления над ним [Lakoff, Turner 1989].

А.П. Чудинов отмечает, что концептуальная метафора представляет собой своего рода систему взаимодействующих зеркал, состоящую по меньшей мере из трех элементов. В первом зеркале отражается ментальный мир человека и общества в целом: метафора дает великолепный материал для изучения

КОГНИТИВНЫХ «МЕХАНИЗМОВ» В СОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ. Во втором зеркале можно увидеть обыденные представления человека о понятийной области-источнике метафорической экспансии: начало метафоре дают именно элементы «наивной» картины мира. В этом случае, подчеркивает А.П. Чудинов, важно уже не то, как человек мыслит, а то, что именно он думает об области-источнике, как он представляет себе ее строение. В третьем зеркале отражаются наивные человеческие представления о понятийной области, к которой направлена метафорическая экспансия: человек метафорически концептуализирует и структурирует эту область, выделяя в ней самое важное и необходимое, давая эмотивную оценку ее элементам. Автор отмечает, что в данном случае уже важно не то, как человек структурирует область-источник, а то, как он структурирует область-мишень, как он воспринимает окружающую реальность.

Вслед за автором мы придерживаемся точки зрения, что каждое конкретное метафорическое словоупотребление отражает только индивидуальные представления отдельного говорящего, но в результате анализа множества таких словоупотреблений появляется возможность выделить типовые концептуальные метафоры, отражающие специфику национальной ментальности на данном этапе развития общества и социальные представления о концептуальной организации области-источника и области-мишени метафорической экспансии [Чудинов 2001: 45-46, 54-55].

Исходя из того, что концептуальная метафора синтезирует познавательные процессы и языковую компетенцию, эмпирический опыт отдельного индивидуума и целого лингвокультурного сообщества, а также его культурное наследие, можно интерпретировать метафору как когнитивное и лингвокультурное образование, «сплав» ментальных, вербальных и культурных характеристик (индивида и сообщества) [Телия 1988].

В связи с тем, что термин «концептуальная метафора» в трактовке Дж. Лакоффа и М. Джонсона позволяет разделить языковые средства выражения

и лежащий в их основе когнитивный процесс, а именно понимание одной области знаний в терминах другой, обратимся к рассмотрению языковых средств реализации концептуальной метафоры.

Для удобства изложения материала мы вслед за Н.А. Красавским используем следующие сокращения: N(пр)1 – номинант природного явления в именительном падеже; N(пр)2 – номинант природного явления в косвенном падеже; Sub1 – существительное в именительном падеже; Sub2 – существительное в косвенном падеже; V – глагол; Ad1 – прилагательное в именительном падеже; Ad2 – прилагательное в косвенном падеже; Part – причастие, деепричастие [Красавский 2001]. По частеречной принадлежности можно выделить следующую структурную классификацию метафор [Левин 1998; Москвин 1997, 2000; Тарасов 1980 и др.]:

А. Глагольные метафоры – N(пя)1 + V, напр., *Солнце смотрит и смеется, / Гребни травок золотя (В. Брюсов)* и т.д. Встречаются также примеры, в которых глагол в прямом значении в роли сказуемого соотносится с метафорой в деепричастном обороте – N(пя)1 + Part, напр., *Солнце, улыбаясь в светлой дымке, перламутром розовым слепило (И. Бунин)*.

В. Адъективные метафоры – Ad1,2 + N(пя)1,2, напр., *Двигается нахмуренная туча, / Обложив полнеба вдалеке (Н. Заболоцкий)* и т.д.

С. Субстантивные метафоры. К ним относятся, к примеру, метафоры, выраженные генитивной синтаксической конструкцией (Sub1,2 + N(пя)2), напр., *В светлом жемчуге росинок / Чаши бледные кувшинок (В. Брюсов)*. В связи с тем, что метафоры используются как один из способов номинации и в этом качестве соотносятся с прямыми обозначениями реалий, выделяются также метафоры-замещения – Sub1,2 (или метафоры-загадки – метафоры, в которых описываемый объект замещен другим объектом). В некоторых случаях метафора-замещение не нуждается в расшифровке, поскольку характер ее традиционен, а контекст указывает на ее предметное соотнесение вполне однозначно, напр., *На белом небе все тускней / Златится горная лампада (И. Анненский)* или *Среди полуденной истома покрылась ватой*

бирюза (И. Анненский). Небольшой контекст часто организует переход от метафоры-замещения к прямому названию, напр., *Золото, золото падает с неба!* / - *Дети кричат и бегут за дождем (А. Майков)*. Формулу образования метафоры-приложения, один из членов которой, как правило, представляет собой обозначение одушевленного существа, можно выразить следующим образом: N(пя)_{1,2} - Sub_{1,2} или Sub_{1,2} - N(пя)_{1,2}, напр., *Отрок-ветер по самые плечи / Заголил на березке подол (С. Есенин)*.

Отношение метафоры к ее контекстному окружению двойственно. В ряде случаев метафора стремится распространить свое влияние на непосредственное словесное окружение, подчиняя себе относительно широкий контекст. В самых простых случаях субстантивная метафора согласуется с глагольной (N(пя)₁ + Sub₂ + V) или адъективной (N(пя)₁ + Sub₂ + Ad₂), адъективная метафора с глагольной (Ad₁ + N(пя)₁ + V или V + Ad₁ + N(пя)₁), напр., *Идут, идут испуганные тучи (А. Блок)*, либо наблюдается согласование всех трех типов (N(пя)₁ + Ad₂ + Sub₂ + V).

Достаточно часто метафора накладывается на сравнение. Основание для сравнения, будь то признак или действие (прилагательное – Ad или глагол – V), совмещает в себе прямое и переносное употребление слова. Метафорическое употребление соотносено с предметом сравнения, прямое – с образом сравнения. Сравнительный оборот как бы мотивирует необычные связи между словами, отсылая к обычным, напр., *Вот месяц, как паяц, / Над кровлями громад / Гримасу корчит мне (А. Блок)*.

Метафора накладывается и на перифразу. Здесь обычное сочетание накладывается на необычное – перифраза образует с глаголом - V или прилагательным - Ad обычное сочетание, перефразируемое слово с тем же глаголом - V - необычное сочетание, метафору: ... *ветер, пес послушный, лижет / Чуть пригнутые камыши (А. Блок)*, *Там солнце – блещущий фазан / Слетит, пурпурный хвост развеяв (А. Белый)*.

Следует также отметить, что для вербализации знаний об определенной области-мишени, где область-источник детализируется за счет

дополнительного осмысления и нахождения общих точек соприкосновения с исходной областью-мишенью, привлекаются стилистические и словообразовательные метафоры, формулы образования которых выглядят следующим образом: $N(\text{пя})1 + Vslov/stil$, $Ad1,2slov/stil + N(\text{пя})1,2$ или $Sub1,2slov/stil$. Как правило, все примеры словообразовательных или стилистических метафор являются уникально-авторскими неологизмами (которые, следует заметить, укладываются в рамки четко определенных и структурированных моделей), часто только дополняющими и оттеняющими основную мысль. Однако в целом ряде случаев они становятся содержательной основой, создавая образность, «проливают свет» на тот или иной предмет, раскрывая его с неожиданной стороны [см.: Тростников 2000].

Итак, концептуальная метафора понимается нами как некая абстрактная вербально-ментальная модель, реализующаяся каждый раз снова в результате ее «наполнения» определенными метафорическими выражениями (инвариант - вариант). Необходимо учитывать, что ассоциативно-аналоговая деятельность человека реализуется по строго определенным, ограниченным в своем числе моделям. В противном случае эта деятельность была бы хаотична и бессистемна, а теория концептуальной метафоры базируется на признании того, что метафоры связаны между собой и образуют определенным образом организованную систему. Сумма представлений человека о мире образует целостную картину мира, которая отражается в языке, формируя языковую картину мира. Рассмотрению проблем концептуальной картины мира и языковой картины мира, а также роли метафоры в формировании языковой картины мира будут посвящены следующие параграфы.

1.4. К проблеме концептуальной и языковой картин мира

В последнее время понятие «картина мира», которое относится «к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его

бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире», используется исключительно активно отечественными представителями различных наук: философии, лингвистики, психологии, культурологии [Постовалова 1988: 11]. Картина мира есть процесс и результат восприятия действительности, а значит, она выполняет интерпретационную функцию. Картина мира регулирует жизнь человека, способствует тому, чтобы человек яснее представлял, осознал свое место в этой жизни, и таким способом она выполняет регулятивную функцию.

Следует отметить, что ученые предлагают как различные интерпретации картины мира, так и всевозможные классификации «миров» [Булыгина, Шмелев 1997 и т.д.]. Чаще всего принято выделять концептуальную картину мира и языковую картину мира.

Термином «концептуальная картина мира» в современной отечественной лингвистической науке обозначается совокупность знаний, представлений, мнений о мире, отражающих познавательный опыт человека [РЧФЯ 1988]. Основной единицей концептуальной картины мира выступает концепт - «оперативная, содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы, всей картины, отраженной в психике человека» [Кубрякова 1996: 90].

Как большинство научных понятий, отмечает С.Г. Воркачев, концепт вводится и через когнитивную метафору: это и «многомерный сгусток смысла», и «смысловой квант бытия», и «ген культуры» [Ляпин 1997: 16-17], и «некая потенция значения» [Лихачев 1993: 6], и «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 1997: 40], а также «эмбрион мыслительной операции» [Аскольдов 1997: 273] [Воркачев 2004: 42].

Исследователи демонстрируют «большой разницей» в понимании термина «концепт». Очевидно, что возможными причинами являются следующие: 1) сложность самого понятия; 2) виртуальность понятия – отсутствие его в мире «Реальное» и наличие лишь в мире «Идеальное»; 3) национальная самобытность; 4) индивидуальность формирования, которая

зависит от уровня интеллектуального развития, воспитания, предполагающего формирование ценностных установок личности, жизненного опыта индивидуума, идеологии общества [Сафонова 2003: 33].

Как отмечает В.И. Карасик, в лингвистике существует несколько подходов к пониманию концепта: лингвокогнитивный и лингвокультурный, которые не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, то есть в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию [Карасик 2002: 139].

Согласно многим научным дефинициям с когнитивной точки зрения концепт понимается как мыслительный многомерный конструкт, который отражает результаты деятельности человека, его познавательный опыт и информацию о мире, а также процесс познания мира [Кубрякова 1996: 90-93; Аскольдов 1997: 269; Ляпин 1997: 11-35; Скидан 1997: 36-68, Болдырев 2000: 24 и др.]. В интерпретации Р. Павилениса, концепты – это «смыслы, составляющие когнитивно-базисные подсистемы мнения и знания» [Павиленис 1986: 241].

С позиции культурологии Ю.С. Степанов определяет концепт как своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 40-41]. Совокупность концептов, в которых концентрируется культура нации, составляют национальную концептосферу языка [Лихачев 1993: 5], то есть то пространство концептуальной картины мира носителей данного языка, которое вобрало в себя и универсальные для всего человечества, и специфические для данного языкового сообщества черты.

Следует также отметить, что в концептуальной картине мира субъекта можно выделить уникальные концепты, характеризующие его индивидуальность, и концепты коллективные, определяющие идентичность субъекта и коллектива [Гольдберг 2003: 38].

При описании сущности концептов релевантным представляется вопрос о формах их репрезентации, в том числе об обязательности их вербализации. Многие исследователи сходятся во мнении, что концепты «как правило, оязыковлены, но их вербализация не обязательна» [Карасик 1997: 157; Ляпин 1997: 11-35 и др.], причем концептам свойственны различные техники оязыковления, например, однословная, словосочетательная номинации. Бесспорно, что содержание базовых концептов значительно объемнее, чем содержание одноименных языковых сущностей [Фесенко 1999: 4].

Концепты могут вербализоваться не только лексически [Бабушкин 1996; Вежбицкая 1999], но и грамматически [Фурс 2004].

Традиционно наряду с концептуальной картиной мира различают языковую картину мира. Та часть концептуальной системы, которая получила языковую привязку, в современной отечественной лингвистической традиции обозначается термином «языковая картина мира» [Булыгина, Шмелев 1997; Кубрякова 1999 и др.]. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что язык отражает опыт человека по взаимодействию со средой, и именно такой объективированный в языке опыт в своей совокупной целостности образует языковую картину мира [Кубрякова 2003: 32].

Языковая картина мира не равна концептуальной, последняя неизменно шире, поскольку названо в языке далеко не все содержание концептосферы, далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации. Язык лишь фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире. Поэтому судить о концептуальной картине мира по языковой картине мира можно лишь в ограниченном масштабе. Концептуальная

картина мира существует в виде концептов, образующих концептосферу народа, языковая картина мира – в виде значений языковых знаков, образующих совокупное семантическое пространство языка. Языковая картина мира лишь частично отражает концептосферу и лишь фрагментарно позволяет судить о концептосфере, хотя более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо нет. Важным элементом выявления языковой картины мира является сопоставление языка с другими языками. В. Гумбольдт был первым, кто обратил внимание на национальные особенности, отражаемые в языке. Важной является мысль ученого о том, что «в становлении человеческой личности, образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [Гумбольдт 1984: 109].

Таким образом, концептуальная картина мира и языковая картина мира связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение, как содержание сознания и средство доступа исследователя к этому содержанию. Также следует отметить, что языковая картина мира как способ хранения знаний о языке и знаний о мире не самостоятельна, она неотделима от концептуальной картины мира. Обобщая опыт современных лингвистов, Е.А. Соловьева отмечает, что языковая картина мира зависит от концептуальной системы, поэтому изменение в последней, например, в связи с приобретением нового или отказом от старого знания, влечет за собой соответствующее изменение в языковой картине мира [Соловьева 2005: 15]. Являясь вербально выраженным результатом духовной деятельности человека, языковая картина мира меняется вместе с развитием самого человека и его представлений об окружающей действительности [Туранина 2000: 228].

Как подчеркивает Г.А. Брутян, знание, зафиксированное в «понятийном аппарате познающего субъекта, называется мыслительной моделью, а знание, выраженное посредством слов, называется языковой картиной мира» [Брутян 1976: 58]. Г.В. Колшанский под языковой картиной

мира подразумевает «вторичное» существование картины мира, и сама языковая картина мира не есть «собственно языковая, она – выражение познавательной деятельности различных групп людей – деятельности, обусловленной историческими, географическими, культурными и другими факторами в пределах единого объективного мира (но не языкового)» [Колшанский 1990: 31]. Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития [Попова, Стернин 2002: 3].

Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора. В реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира. Она обусловлена национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [Маслова 2001]. Взгляд на языковую картину мира как искусственный феномен пока остается некоторым научным фантомом (ср. со следующим интересным для психологии научного лингвистического творчества высказыванием Е.В. Рахилиной: «Конечно, языковая картина мира – это метафора. В науке часто бывает, что метафоры, возникая, как бы «получают обратную силу», перестраивая всю, так сказать, идеологическую базу науки. Язык как структура – это ведь тоже метафора. Она заставляла воспринимать суть языка как сложнейшее взаимодействие отдельно взятых деталей, из которых собирается что-то общее. Метафора же языковой картины мира подразумевает сходство языка с другой системой – зрительной. Зрительный образ объекта – целостный, он не складывается из отдельных параметров (например, формы или размеров); но то же самое верно, как выясняется, и

для языкового образа, в котором размеры и форма «слиты» [Рахилина 2000: 11-12]. Не давая последовательного определения целого, многие исследователи, тем не менее, успешно изучают «фрагменты языковой картины мира» определенного народа / народов.

В то же время есть и другой взгляд на эту проблематику. Как отмечает Т.В. Симашко, понятие «языковая картина мира» можно понимать буквально, освободив его от той метафоричности, которая заметна в современных публикациях. С данным понятием связывается наличие в языке корпуса семантических единиц, отражающих совокупный опыт людей, то есть, по сути, это – картина мира, представленная в виде разнообразных языковых единиц, которые поддаются некоторому объединению и предъявлению их в виде определенных фрагментов [Симашко 2003: 34].

В наибольшей степени на формирование неповторимой языковой картины мира национального языка влияет среда обитания этноса и обыденное национальное сознание [Корнилов 2000].

Среда бытования этноса включает в себя природную среду и национальную материальную культуру. Решающую роль в формировании черт национального характера и национального менталитета внешняя среда обитания (климат, рельеф, растительность и т.п. факторы) играет на этапе становления этноса и его языка. Эти черты запечатлеваются в «матрицах» национального языка (прежде всего в лексике). На более поздних этапах развития социума роль внешней среды уменьшается или сходит на нет. Язык становится основным фактором преемственности национальных особенностей характера и менталитета, выполняя роль «когнитивно-этнической вакцины» (по О.А. Корнилову). С ее помощью более поздним поколениям «прививаются» сформированные ранее национально-специфические черты ментальности и характера.

Под *обыденным сознанием* понимается совокупность представлений, знаний, установок и стереотипов, основывающихся на непосредственном повседневном опыте людей и доминирующих в социальной общности,

которой они принадлежат. Обыденное сознание отличается от сознания, основу которого составляют научные знания, полученные при применении объективных методов исследования, и обладает парадоксальной природой. Оно, как отмечают исследователи, содержит искажения, неточности, противоречия и вместе с тем обеспечивает человеку эффективное приспособление к действительности, успешное решение жизненных проблем. Атрибутив «обыденные» подчеркивает, что эти знания человек получает в результате обыденного, а не специального, научного познания мира. Анализируя отечественные и зарубежные источники, Е.В. Улыбина подчеркивает, что для феномена обыденного сознания характерными являются следующие особенности: его содержание обладает внутренней противоречивостью, иррациональностью, обыденное сознание имеет социальную природу, разделяется большой группой людей и тесно связано с языковой картиной мира [Улыбина 2001: 104].

Следует подчеркнуть, что в построении национальной языковой картины мира участвуют все компоненты сознания: сенсорно-рецептивный компонент (связан с чувственным восприятием), эмоционально-оценочный компонент, логико-понятийный компонент, нравственно-ценностный компонент. Однако их роль в формировании национальной специфики семантического универсума не одинакова. В наименьшей степени на неё влияют сенсорно-рецептивный и эмоционально-оценочный компоненты, в наибольшей – логико-понятийный и нравственно-ценностный [см.: Корнилов 2000].

Наряду с обыденным сознанием также традиционно выделяют мифологическое сознание и религиозное, которые обладают своими особыми «призмами», через которые человек видит мир, однако обыденное сознание является основанием для возникновения всех остальных форм.

Мифологическое сознание – особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретичное представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма

коллективного мировоззренческого сознания. Мифологическое восприятие мира древним человеком характеризуется его полным слиянием с окружающей средой. Человеческое мышление на ранних этапах его развития одушевляло весь окружающий мир, отождествляло живое и неживое (анимизм). Человек переносил на окружающие его объекты свои собственные свойства, приписывая им (объектам) жизнь, чувства. Именно поэтому человек всегда с осторожностью относился ко всем действиям, исходящим от него или на него извне: он пытался описательно выразить те предметы, качества, которые были по тем или иным причинам табуированы, персонифицировал все, что было недоступно его сознанию. Интеллект древнего человека оперировал сознательно создаваемыми иллюзиями, метафорами. Полное слияние с окружающей средой выражалось и в тотемических представлениях древних: вера в родство с растениями и животными, реже – с явлениями природы, предметами, слитность внешней природы и человеческого общества [Кононова 2001]. Наличие мифологического сознания, которое нельзя воспринимать как примитивное, присуще всем народам.

Следует отметить, что мифы многих народов (не только европейских) часто схожи. Это не удивительно, если вспомнить, что «народы эти вышли из одной колыбели, наблюдали из одинаковых пещер одни и те же картины, широко общались между собой и пребывали на близких уровнях развития». Говорить о единой мифологической системе опрометчиво, но то, что разноречивые мифы дополняют и уточняют друг друга, – бесспорно. Следовательно, в древности у всех народов планеты должен был существовать какой-то «общий фонд» культур, причем различия в его структуре касались только деталей и в целом никогда не были особенно велики [Снисаренко 1989: 103]. «Загадочность» же славян, действительно выделявшая их из общей семьи древних племен, заключается лишь в том, что они никогда не отказывали в праве на естественное развитие своим соседям,

– тогда это не было принято, и миролюбие принималось за слабость [Снисаренко 1989: 5].

Религиозное сознание, пришедшее на смену мифологическому, содержит многие схожие черты, например метафоричность. Исторически с принятием христианства язычество было объявлено «вне закона», и система славянских мифов, в отличие от германской системы мифов, так и осталась незавершенной. В этом ее первое существенное отличие. Второе отличие славянской мифологии заключается в том, что она существовала исключительно в форме устных преданий, потому что до принятия христианства у славян не было письменности. Если до принятия христианства языческие взгляды на мир были одинаково характерны как для простого крестьянина, так и для великого князя, то после этого события в общественных взглядах произошли изменения. Городская знать довольно быстро усвоила христианские обряды – она крестилась сама и крестила своих детей, венчалась в церкви, хоронила покойников по православному чину. А большинство простых людей, формально приняв крещение, по существу остались язычниками, лишь поверхностно усвоившими основы православного вероучения. Такая ситуация сохранилась на Руси в течение нескольких веков, и только к XVI веку, как считают ученые, православие стало преобладать в сознании народа, не уничтожив, но лишь сильно потеснив язычество. Даже по прошествии нескольких веков после крещения Руси древние языческие верования не были забыты. Подобная ситуация, при которой древние языческие суеверия и элементы христианского вероучения уживаются вместе, в науке называется двоеверием [Левкиевская 2005: 8-10].

С течением времени активное воздействие на обыденное сознание все больше начинает оказывать развитие науки и техники. Однако языковые картины мира сохраняют знания и верования людей, в том числе и о природных явлениях, полученные и сложившиеся еще в период отсутствия строгой системы научных знаний, то есть в период доминирования мифолого-религиозного познания.

Следует также отметить, что, по мнению Н.В. Анисимовой, в преобладающем количестве научные дефиниции, раскрывающие понятия различных природных явлений, к примеру, видов облаков, начинаются со слов, значение которых содержит эмпирический компонент и которые, соответственно, обнаруживают стремление «к созданию максимально точного наглядного образа» [Анисимова 2002: 28]. Напр., *Перистые облака выглядят как отдельные нити, гряды или полосы волокнистой структуры. Перисто-кучевые облака представляют собой гряды или пласты, состоящие из очень мелких хлопьев, шариков, завитков (барашков). Часто они напоминают рябь на поверхности воды или песка* [Хромов 2001: 273]. Широкое использование в дефинициях и в текстах наглядных образов объясняется тем, что ряд наук, занимающихся изучением природных явлений, например метеорология, несмотря на высокий теоретический уровень, развитый физический и математический аппарат описания, по-прежнему связаны со сбором визуальных фактов и с их обработкой. При этом человек чаще всего оказывается «зрителем и регистратором тех грандиозных опытов, которые ставит сама природа, без его участия» [Хромов 1983: 12].

Итак, представляется, что фрагмент языковой картины мира, репрезентирующий такие сложные ментальные структуры, как концепты природных явлений, исследуемые в настоящей работе, являет собой результат синтеза разных типов знаний индивидуального и коллективного происхождения. В следующем параграфе определим роль метафоры в создании языковой картины мира.

1.5. Роль метафоры в создании языковой картины мира

Языковая картина мира тесно связана с метафорой как одним из способов ее создания [Постовалова 1988; Телия 1988; Самосудова 1999; Дехнич 2005 и др.]. Выражая концептуальную картину мира, к различным

языковым формам экспликации которой относится также метафора, языковая картина мира представляет собой не зеркальное отображение мира, а именно картину, то есть интерпретацию, зависящую от призмы, через которую совершается мировидение [Дехнич 2005: 561]. Роль такой призмы успешно выполняет в том числе и метафора [Телия 1988]. Г.Н. Складаревская подчеркивает, что «...метафора как феномен языка создает отнюдь не фрагмент языковой картины мира, но заполняет все ее пространство» [Складаревская 1993: 79].

В настоящее время общепризнанным является тот факт, что человек не только выражает свои мысли при помощи метафоры, но и мыслит метафорами, создает при их помощи тот мир, в котором живет [Лакофф, Джонсон 1990]. Этот мир, предстающий «калейдоскопическим потоком впечатлений» [Уорф 2003: 209], человек разделяет с другими людьми. Необходимо подчеркнуть, что наш мозг устроен так, что воспроизводимый образ окружающей действительности сосуществует с образными представлениями как потенциально возможного, так и невозможного «бытия» [Бабушкин 2001: 79]. Похожее мнение находим у М.В. Никитина, утверждающего, что «ментальные миры могут быть как отражением мира действительного (базисный ментальный мир), так и конструироваться сознанием (вторичные ментальные миры – мнимые и смешанные). Сообразно этому концепты могут быть как отражением сущностей действительного мира, так в той или иной мере конструктами самого сознания» [Никитин 2002: 256].

По мнению И.В. Чекулая, познание человека не может охватить действительность одномоментно и целиком, этот процесс носит поступательный характер. Человек объективно фиксирует данность внешнего мира, его стороны и характеристики и соотносит их со своим житейским опытом. При этом важнейшую роль в познавательной деятельности индивида играет такая существенная часть его житейского знания, как языковой тезаурус. Чтобы осознать явление до конца, человеку приходится номиниро-

вать, вербализовать стороны или свойства явления через уже освоенные в его общем и языковом опыте мыслительные данности – концепты. Именно через промежуточные по отношению к своим знаниям концепты с помощью таких универсальных средств категоризации и концептуализации, как метафора и метонимия, осуществляется понимание сущности отношения предмета или явления к сознанию человека. При этом определяющая роль принадлежит языковой картине мира [Чекулай 2004: 67]. Как отмечает В.Н. Телия, то, что принято называть языковой картиной мира, - это информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка [Телия 1988]. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысливаемого имени. Это оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь «вплетается» и в картину мира, выражаемую языком [Дехнич 2005: 563]. Метафора позволяет сделать наглядной невидимую картину мира – создать ее (образную) языковую картину, воспринимаемую за счет вербальных ассоциаций составляющих ее слов и выражений [Телия 1988: 180, 186].

Языковая картина мира обладает свойством «навязывать» говорящим на данном языке специфичный взгляд на мир – взгляд, являющийся результатом того, в частности, что метафорические обозначения «вплетаются» в концептуальную систему отражения мира [Павилёнис 1983: 113-119]. Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Он придает ей и собственно человеческую – антропоцентрическую – интерпретацию, в которой существенную роль играет и антропометричность, то есть соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия

образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно-определенных стереотипов [Телия 1988].

Для нас важным представляется то, что метафору как способ выражения понятия необходимо рассматривать в плане широкого социокультурного контекста. Она способствует обнаружению «устойчивых универсальных смыслов», присущих ряду народов и способствующих их непосредственному сближению. Однако образное отражение действительности с помощью метафор приобретает также и некоторые специфические черты, свойственные данному национальному общественному сознанию. Разные народы находят разные пути от внеязыковой действительности к понятию и далее к словесному выражению. Поэтому отражение действительности с помощью метафор раскрывает особенности видения мира, понятийного мышления, словесного творчества. Метафорические понятия отражают образ жизни и мышления каждой цивилизации, национальные ценности, связанные с характерными чертами каждого из народов, входящих в данную цивилизацию [Маслова 2001: 50; Красавский 2002: 180]. Также отмечается, что метафора, начавшая свое существование одновременно с появлением древнего человека, постигающего окружающий его мир, «оказывается фокусом историко-культурной памяти народа, позволяющим максимально полно проследить не только неизменные национальные предпочтения, но и новые смыслы в обретении мира» [Ханевская 1999: 36]. Похожую мысль высказывает и Н.А. Красавский: «В этносе в разное время его существования легко обнаруживаются предпочтения в выборе объектов метафоры. Ими оказываются наиболее психологические, в целом культурно релевантные феномены с точки зрения того / иного человеческого сообщества на конкретном историческом временном промежутке его развития» [Красавский 2002: 179-180]. Следовательно, метафора предоставляет нам возможность более глубокого постижения той или иной лингвокультуры, а именно ознакомления с ней в историческом срезе.

Необходимо также отметить, что по данным О.Н. Лагуты, до 23,4% субстантивных метафор описывают явления природны, что свидетельствует о достаточно высокой роли метафоры в создании и в разработанности данного фрагмента языковой картины мира. Так, человек воспринимает природу как живое существо, своего вечного соседа, который может быть другом или врагом, может питать человека и всячески помогать ему или жестоко наказывать. Отношения «природа – человек» динамичны, и на разных этапах своего развития общество манифестировало различные «программы» своих взаимоотношений с природой, поэтому в современном языке зафиксировано как «реликтовое», архетипическое, так и современное понимание природы. Тем не менее человек реальный мог испытывать по отношению к природному «соседу-учителю» всю гамму чувств: любовь, ненависть, гордость, смирение, подобострастие, гнев, ласку и т. д., и «сосед» отвечает ему тем же (*любовь, ненависть, гордость, смирение, гнев, ласка природы*), причем порой чувства природного «человека» непредсказуемы (*каприз природы, причуда стихии*), он может играть (*игра природы*), насмехаться (*насмешка природы*) и т. п. Изначально «природный человек» чаще всего выступает как учитель реального. «Природный человек», как и реальный, имеет своих «внутреннего человека» и «внешнего».

Палитра «чувств» «внутреннего природного человека» чрезвычайно богата: от веселья первой капли, доброты солнца до хмурости дождливого неба, осенней грусти дождя, злобы и даже ярости ветра, злости бури, возмущения природы ‘о мутациях как результатах человеческого вмешательства’, ужаса, агрессивности, бешенства природы и т. п. Собственно «природный человек» может быть здоровым и больным, он имеет свой язык, музыкальные способности: пение ветра, плач дождя и др.

Природные элементы изначально рассматривались как сотворенные, и это облегчало метафоризацию-кодирование. Человек хорошо знал собственную предметную сферу, созданную им самим, поэтому окружающий мир Божий – природа – также имел свои сотворенные «предметы», другими

словами, знакомство со своей предметной сферой позволяло человеку «опредмечивать» самые разные природные явления и события, их фрагменты и части: иглы инея, нити дождя, серп луны, блин луны и др. [Лагута 2003в: 125].

В связи с тем, что нами рассматривается метафоризация концептов природных явлений на материале поэтического дискурса, обратимся к рассмотрению вопросов, касающихся установления различий между такими понятиями как «поэтический текст» и «поэтический дискурс».

1.6. Метафора в поэтическом дискурсе

1.6.1. К вопросу о понятии «поэтический дискурс»

Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие «дискурс» получило множество различных интерпретаций и стало шире понятия «язык» [Карасик 2002, Милосердова 2001 и т.д.]. Согласно Э. Бенвенисту, придавшему дискурсу одним из первых терминологическое значение, – это эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает для себя следы субъекта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим субъектом [Бенвенист 1974: 80].

Достаточно полную трактовку дискурса предложил Т.А. ван Дейк: «Дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, которые могут быть наилучшим образом охарактеризованы с помощью понятия коммуникативного события» [ван Дейк 1989: 113]. Однако наиболее всеобъемлюще дискурс определен в БЭС «Языкознание»: «Дискурс – это текст, взятый в событийном аспекте, в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и др. факторами» [БЭС 1998: 136-137].

В связи с этим возникает проблема соотношения понятий «дискурс» и «текст», являющаяся одной из наиболее сложных в современном языкознании.

Понятия «дискурс» и «текст» противопоставляются друг другу по ряду оппозитивных пар: функциональность – структурность, процесс – результат (продукт), динамичность – статичность и т.д. К примеру, как отмечает В.Е. Чернявская, когнитивно-дискурсивное направление научного анализа связано напрямую с осознанием той реальности, что текст является основополагающим, но не единственным элементом в сложно организованной системе человеческой коммуникации. Признание этого обстоятельства привело к перемещению исследовательских интересов от вопросов внутритекстовой организации к процессам текстопостроения и восприятия. Теоретическим выводом из этого оказалось разделение текста как результата коммуникативно-когнитивной деятельности и дискурса как самого процесса [Чернявская 2005: 77].

Вслед за Л.Г. Бабенко и ее соавторами, следует отметить, что общепризнанного определения текста до сих пор не существует и что, отвечая на этот вопрос, разные авторы указывают на разные стороны этого явления. Так, Д.Н. Лихачев указывает на существование создателя текста, реализующего в нем некий замысел, О.Л. Каменская – на основополагающую роль текста как средства вербальной коммуникации, А.А. Леонтьев – на функциональную завершенность этого речевого произведения и т.д. [Бабенко и др. 2000: 32]. В заключение ими приводится определение И.Р. Гальперина как «емко раскрывающее природу текста и наиболее часто цитирующееся в литературе по вопросу». Согласно этому определению «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объектированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической,

стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18].

М.В. Никитин отмечает, что текст как продукт сам по себе мертв в том смысле, что в нем нет мысли вне дискурса и дискурсантов, вне процессов речевой деятельности – порождения и понимания речи. В тексте как таковом нет движения, он не меняется. Движение мысли совершается в дискурсантах, отчего и возникают различия в интерпретации одного и того же текста (одной и той же кодировки мысли) [Никитин 2003: 262]. А.А. Залевская подчеркивает, что некоторая цепочка графем становится подлинно текстом только при условии, если она функционирует при взаимодействии либо с продуцентом, либо с реципиентом [Залевская 2001: 25]. По мнению Н.С. Валгиной, текст мыслится, прежде всего, как единица динамическая, организованная в условиях реальной коммуникации и, следовательно, обладающая экстра- и интралингвистическими параметрами. В тексте заключена речемыслительная деятельность пишущего (говорящего) субъекта, рассчитанная на ответную деятельность читателя (слушателя), на его восприятие. Таким образом, текст оказывается одновременно и результатом деятельности (автора) и материалом для деятельности (читателя-интерпретатора) [Валгина 2003: 7-8].

С когнитивной и языковой точек зрения понятия дискурса и текста связаны, помимо прочего, причинно-следственной связью: текст создается в дискурсе и является его детищем. Различен, однако, ракурс их рассмотрения, ибо дискурс, являясь, по словам Н.Д. Арутюновой, деятельностью, погруженной в жизнь [Арутюнова 1990: 137], требует при подходе к нему обязательного учета всех социальных параметров происходящего, всех прагматических факторов его осуществления. Нельзя изучать дискурсивную деятельность вне культурологических и социально-исторических данных, вне сведений о том, кто проводил дискурсивную деятельность, для чего, при каких условиях, с каких позиций и т.д. Но текст можно анализировать и абстрагируясь от многого из указанного перечня, то есть, довольствуясь тем,

что можно извлечь из текста как такового и изучая его как завершённое языковое произведение [Кубрякова 2004: 516].

Все вышесказанное доказывает, что хотя понятия текста и дискурса и следует различать, они отнюдь не противопоставлены друг другу, то есть не являются взаимоисключающими. Дискурс по своей сути – явление когнитивное, то есть имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, созданием новых знаний.

Удачным представляется определение В.Е. Чернявской, рассматривающей дискурс как коммуникативное событие, порождающее текст, соотносящееся, во-первых, с определенной ментальной сферой / определенными знаниями, и, во-вторых, с конкретными моделями – образцами, прототипами текстопорождения и восприятия [Чернявская 2004: 106].

Стремление представить закономерности построения произведения искусства не как застывшее формирование, а как мотивированную структуру, где все до малейших деталей подчинено авторскому замыслу, является причиной обращения к понятию дискурса в исследовании поэтического произведения [Монгилева 2004: 11]. Поэтический дискурс рассматривается как «дискурс поэтических текстов, принадлежащих представителям конкретного национально-лингво-культурного сообщества и предназначенных для представителей того же национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 1998: 191]. Н.В. Монгилева расширяет данную трактовку и определяет поэтический дискурс как гетерогенное единство, реализующееся как результат социального, исторического и культурологического процессов в виде поэтических текстов, созданных группой субъектов или отдельными субъектами, наделенными способностью эстетически преобразовывать действительность сквозь призму внутреннего состояния и авторского мастерства в художественно законченное целое. Это целое реализуется в виде поэтических текстов, обладающих событийной, социальной, психологической, образной и поэтической информацией с

непреходящей ценностью, которую способно порождать воспринимающее сознание (слушатель или читатель) согласно его системе ценностей [Монгилева 2004: 14, 15].

Отметим, что все рассмотренные определения поэтического дискурса были даны через понятие «поэтический текст». Весомый вклад в изучение поэтических (= стихотворных) текстов внесли ряд известных исследователей [Виноградов 1963, 1971; Гаспаров 1993; Жирмунский 1977, 1999; Лотман 1972; Томашевский 2002; Тынянов 1965 и др.]. Особенностью поэтического текста является возможность гиперсемантизации всех языковых элементов или возможность актуализации тех смыслов, которые в обычном употреблении не актуализируются.

Рифма, метр, ритм представляют собой базис композиционной формы поэтического текста. В целом стиховая композиция включает: а) стихотворный размер или метр (прежде всего длину стиха); б) соотношение синтаксического членения речи и метрического (совпадение синтаксического отрезка речи (синтагмы) и стиха или их расхождение, появление внутренних пауз и переносов неоконченной синтагмы в следующий стих); в) строфическую организацию стихотворения (астрофическую структуру – объединение стихов в крупные единства по семантико-синтаксическим признакам – и структуру строфическую, в которой стихи выстраиваются в отчетливо отделенные друг от друга строфы с разным количеством стихов, законченные синтаксически); г) наличие или отсутствие рифм и способа рифмовки; д) интонационно-ритмическая организация речи; е) специальный стиховой синтаксис (синтаксический параллелизм стихов и строф, организованную систему повторов стихов и строф в виде анафор, эпифор, подхватов, рефренов, кольцевого (обрамляющего) строения строф и целых стихотворений) [Холшевников 1991: 194; Виноградова 2002: 70-80 и др.]. Именно ритмические факторы – единство и теснота стихового ряда, динамизация речевого материала – влияют на то, каким окажется значение слова в поэтическом тексте. Рифма же, то есть созвучие концов слов или

полустиший, основанное на звуковом тождестве или подобии, способствует тому, что поэзия часто стремится к «переосмысливаниям первично заданного смыслового материала» [Шкловский 1983: 110-111].

Мы, придерживаясь точки зрения Н.Ф. Алефиренко, считаем, что поэтический дискурс создается и воспринимается его субъектами, без которых существует лишь «тело текста», последовательная цепочка каких-то фигур. Дискурсом поэтический текст становится лишь тогда, когда погружается в соответствующее этнокультурное пространство, центральной фигурой которого является человек, продуцирующий данный текст, что свидетельствует о его «погруженности в жизнь», событийности и прагматичности. Оставаясь явлением коммуникативным, поэтический дискурс в конечном итоге ориентирован на текстопорождение с участием самых разных экстралингвистических факторов, таких, как знания об окружающей действительности, или пресуппозиции, мнения, ценностно-смысловая ориентация и интенции говорящих на данном языке [Алефиренко 2002: 9-10, 90-91, 232]. Как отмечает С.Б. Кураш, в процессе своего порождения и функционирования поэтический текст включается в коммуникативно-экстралингвистическую рамку, что заставляет говорить о тексте как о дискурсе [Кураш 2001]. Именно такой поэтический текст, «погруженный в культуру», или поэтический дискурс, порождение (и, соответственно, восприятие) которого происходит с участием различных экстралингвистических факторов, служит источником той энергии (образного напряжения), в силовом поле которой порождаются знаки образной номинации (метафоры). В этой связи в следующем параграфе мы подробнее остановимся на рассмотрении особенностей функционирования метафоры в рамках поэтического дискурса.

1.6.2. Функционирование метафоры в рамках поэтического дискурса

Метафору как основной носитель поэтической энергии можно считать концептуальной доминантой в ментальном пространстве стихотворного текста, ибо она не только создает среду концептуализации мысли, но она сама является такой средой, по мнению Г.В. Расторгуевой [Расторгуева 2005: 355].

Исследования поэзии с когнитивной точки зрения обосновали необходимость изучения концептуальной метафоры и метафорических концептуальных систем в поэтическом дискурсе, подчеркнув, что язык поэзии, равно как и язык обиходный, относится к сферам функционирования концептуальной метафоры, так как великие поэты могут разговаривать с нами, потому что они пользуются теми же моделями мышления (modes of thought), которыми обладаем все мы [Lakoff, Turner 1989: xi].

Особенность поэтической композиции, как отмечают Дж. Лакофф и М. Тернер, заключается в том, что она формируется на основе композиции концептуальной. Выделяются три основных механизма ее формирования: 1) создание комбинаций из существующих конвенциональных концептуальных метафор; 2) расширение слотов конвенциональных метафор; 3) различное наполнение слотов метафор.

Следует также подчеркнуть, что в поэтическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же концептуальной метафоры, так как часто открываются либо новые характеристики метафорического осмысления концепта, подчеркивает Ю.М. Лотман, либо «новые проекции» конвенциональных характеристик. Ведь, как известно, мастерство и индивидуальность поэта проявляется не только в создании ранее никому неизвестных окказиональных способов репрезентации знаний, но и в «актуализации порой весьма архаических образов» [Лотман 2000: 226]. Это указывает на необходимость учитывать два

взаимодополняющих фактора: экспериенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость». Другими словами, метафора функционирует в поэтическом дискурсе, подобно тому, как живой организм, обладающий свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействует с окружающей средой, то есть «эволюционирует» и «выживает» наряду с другими метафорами [Чудинов 2005: 41-42]. В определенных контекстуальных условиях мертвые метафоры могут «воскреснуть», и их «стертая» внутренняя форма начинает восприниматься как достаточно заметная.

Так, сопоставительный анализ концепта *ВЕТЕР*, осуществленный Н.В. Осколковой на материале русской поэзии XVIII-XIX веков, показывает, что некоторые характерные для XVIII века черты изображения данного природного явления в следующем столетии утрачиваются. Другие активно поддерживаются, как, например, элемент крылья, который, будучи составляющей художественного образа, выполняет различные функции: объясняет шум, создаваемый ветром; выступает в качестве передвижения ветра и свидетельствует о его скорости; служит средством воздействия на окружающие объекты [Осколкова 2003: 167]. Но в XIX веке, по свидетельству автора, возникают и новые черты в создании образа, например, ветер противопоставляется образу дома, очага. Враждебность ветра по отношению к субъекту (лирическому герою) проявляется в его стремлении проникнуть в дом через окно, дверь, трубу, щель. Иначе начинает истолковываться шум ветра, его звуки «все чаще сопоставляются со звуками, характерными для человека». Создаются образы поющего ветра [Осколкова 2003: 170]. В работе Н.А. Кожевниковой приводится довольно длинный перечень концептов, поставленных в соответствие к концепту *ВЕТЕР*: конь, пес, собака, сенбернар, щенок, зверь, заяц, кот, лисица и т.д., устанавливается время их вхождения в арсенал поэтических средств и т.д. [Кожевникова 1995: 23]. Достаточно взглянуть на приведенные автором иллюстрации, как станет совершенно ясно, что могут описываться различные проявления ветра, даже если употребляются одинаковые концепты, и

похожие его свойства, хотя привлекаются разные концепты. Ср., например, следующие высказывания, в которых при использовании одинаковых концептов формируются представления о разных свойствах ветра: *Ветер, пес послушный, лижет / Чуть пригнутые камыши* (А. Блок) и *Как добрый пес, к больным коленям, / Ворча, вечерний ветер льнет* (С. Образович). С точки зрения Т.В. Симашко, в первом высказывании говорится о способности ветра воздействовать на объекты (камыши), изменяя их внешнюю форму, а во втором – описывается проявление ветра через ощущение субъекта [Симашко 2003: 54].

Исследователи подчеркивают, что наряду с конвенциональными метафорами (conventional metaphors), автоматически организующими концептуальную систему человека, в языке поэзии огромную роль играют образные метафоры (image metaphors), в которых происходит отображение одного образа в другом (image mapping), то есть отображение знания о первом образе в знании о втором образе. Структура образных метафор схожа со структурой конвенциональных, с той лишь разницей, что в них в качестве понятийных областей (domains) выступают ментальные образы (mental images).

Таким образом, в XX веке поэтическая метафора, благодаря Дж. Лакоффу и М. Тернеру, получает качественно иной ракурс рассмотрения, при котором важным становится изучение взаимодействия базовых конвенциональных концептуальных метафор, являющихся принадлежностью бессознательной, автоматической концептуальной системы, общей для всех носителей языка определенной культуры, и образных метафор (image metaphors), авторских метафор, позволяющих по-новому взглянуть на мир, нетрадиционно, индивидуально, творчески, обращаясь к воображению читателей.

Н.В. Анисимова обращает внимание на то, что анализ художественных (в том числе и поэтических), а также научных текстов с целью выявления особенностей концептуализации такой реалии, как, например, *ОБЛАКА*,

показывает значительную общность не только параметрических характеристик, но и средств их выражения [Анисимова 2003: 154-155]. Это позволяет установить типичный характер интерпретации одного и того же объекта или его свойств посредством разных способов освоения действительности, отмечает Т.В. Симашко. Вместе с тем в художественных (поэтических) текстах обнаруживаются разнообразные прагматические средства, привлекаемые для передачи субъективных переживаний, для выражения индивидуального восприятия и для оценки явлений природы. Все это создает возможность выявления специфики эстетического освоения объектов [Симашко 2003: 52].

Автором рассматриваются также такие концепты, как *ДОЖДЬ*, *РОСА*, *ТУМАН*, *СНЕГ*, *ИНЕЙ*, *ГРАД*, *ОБЛАКА*, которые различаются по составу, по степени «разработанности» в языке, по языковым средствам выражения свойств обозначаемых ими объектов. Однако они имеют и много общего. Это легко обнаруживается на основании содержащихся в них идентификаторов. Так, компонент «атмосферные осадки» содержится в концептах *ДОЖДЬ*, *СНЕГ*, *ГРАД*, *ИНЕЙ*, идентификатор «скопление в атмосфере» – в концептах *ТУМАН*, *ОБЛАКО* / *ТУЧА*. Кроме того, их близость обнаруживается в компонентах, играющих роль связующих звеньев. При этом разные компоненты одного и того же концепта могут указывать на связь с различными концептами. Например, такими связывающими компонентами между концептами *СНЕГ* и *ДОЖДЬ* являются «осадки», «из облаков», наличие последнего компонента связывает эти концепты с концептом *ОБЛАКА*, который включает в свой состав компоненты «скопление», «в виде мелких капель воды», «в виде ледяных кристаллов». Компоненты «атмосферные осадки», «жидкие», «в виде воды», имеющие место в значении концепта *ДОЖДЬ*, дублируются в концепте *РОСА*, включающем признаки «влага», «водяные капли», «осаждающиеся из воздуха», в концепте *ТУМАН* – «водяные пары». Компоненты «скопление мелких частиц воды» наличествуют как в концепте *ТУМАН*, так и концепте *ОБЛАКА*. С другой стороны, компонент

‘ледяные кристаллы’ связывает слова *ТУМАН, ОБЛАКА* со словами *СНЕГ, ГРАД, ИНЕЙ*, хотя первый ряд отличается от второго, например, компонентом ‘находиться во взвешенном состоянии’ и др. [Симашко 2003: 38-39]. Концепт *ОБЛАКА* связан с концептами *СОЛНЦЕ, ЛУНА / МЕСЯЦ, ЗВЕЗДЫ* за счет компонента ‘расположенные на небе’, а концепты *ДОЖДЬ, СНЕГ* пересекаются с концептом *ВЕТЕР* за счет компонента ‘стихийность появления’ и т.д.

В рамках данного диссертационного исследования рассматриваются концепты природных явлений *ОБЛАКО / ТУЧА, СОЛНЦЕ, ЛУНА / МЕСЯЦ, ЗВЕЗДЫ, ДОЖДЬ, СНЕГ, ВЕТЕР, ГРОМ, МОЛНИЯ, РАДУГА*. Если взять за основу понятийную дифференциацию областей-источников метафорического моделирования, можно выделить пять основных разрядов моделей, актуализируемых в рамках проводимого нами исследования, то есть изучения метафоризации концептов природных явлений на материале поэтического дискурса: антропоморфная, зооморфная, фитоморфная, натуроморфная и артефактная (предметная) метафоры. Подобную дифференциацию концептуальных метафор используют многие современные лингвисты: Н.А. Красавский (2001, 2002), М.В. Пименова (1999, 2004а, б, в, 2005), А.П. Чудинов (2001, 2004, 2005) и т.д. Повторимся, что данные модели являются концептуальными структурами более высокого порядка и детализируются уже в конкретных метафорических выражениях.

Предположительно, в рамках поэтического дискурса следует рассматривать как монометафорические, так и полиметафорические модели природных явлений, представляющие собой объединенные особым образом монометафорические модели. Монометафорические модели включают в себя не связанные между собой метафорически осмысленные концепты природных явлений. К примеру, исследования метафорики в реальном речевом употреблении А.Н. Баранова показывают, что значительная часть метафор реализуется не отдельно – в одном метафорическом выражении одна метафорическая модель, а вместе – в одном метафорическом выражении

несколько метафорических моделей. По мнению автора, проблема сочетаемости метафорических моделей не получила должного отражения в литературе по метафоре, хотя доля совместной сочетаемости метафорических моделей в речевой коммуникации довольно велика. Так, в политическом дискурсе эпохи перестройки на долю совместной сочетаемости нескольких метафорических моделей приходится порядка 15% всех употреблений метафорической модели *МЕХАНИЗМА* и 18,5% употреблений метафорической модели *ФАУНЫ*. Весьма вероятно, отмечает А.Н. Баранов, что в поэтическом языке совместная сочетаемость (комбинаторика) метафорических моделей распространена в еще большей степени и, возможно, она даже более разнообразна.

По предположению автора, совместная сочетаемость метафорических моделей – это не только особенность стиля, но и некоторые закономерности лингвистической и когнитивной семантики, проявляющиеся в типах сочетаемости. На уровне лексической семантики аналогом совместной сочетаемости метафор может служить лексическая и семантическая сочетаемость (по Ю.Д. Апресяну), а на когнитивном – какие-то эффекты взаимодействия когнитивных структур – структур знаний. Типы сочетаемости объясняются исходя из семантических и когнитивных принципов. В некоторых случаях специфика сочетаемости метафорических моделей связывается с особенностями политического (и, соответственно, поэтического) мышления. Впрочем, большинство утверждений такого рода не может быть подтверждено или опровергнуто в рамках собственно лингвистического исследования. В силу этого они формулируются как более или менее правдоподобные гипотезы [Баранов 2003].

Прежде чем перейти к рассмотрению совместной сочетаемости метафорических моделей в рамках поэтического дискурса, обозначим несколько важных тезисов, выдвинутых А.Н. Барановым в своей работе, затрагивающей изучение комбинаторики метафорических моделей на примере политического дискурса.

Во-первых, в данной работе основное внимание обращается на «бинарную» комбинаторику метафорических моделей, то есть на сочетание двух метафорических моделей. Это связано в первую очередь с тем, что объем данных по «множественной» комбинаторике (три и более метафорических моделей) недостаточен для формулировки определенных выводов. Впрочем, многие заключения легко могут быть экстраполированы и на случаи множественной комбинаторики [Баранов 2003: 73-74].

Во-вторых, в качестве теоретического основания описания типов сочетаемости метафорических моделей используется когнитивная теория метафоры, разрабатывавшаяся в 80-90 годах XX века Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, дополненная и расширенная А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым. Так, авторы предлагают использовать язык семантических дескрипторов. Область отправления функции (или область источника метафорической проекции) описывается совокупностью «сигнификативных» дескрипторов. В области прибытия функция отображения действует на «денотативных дескрипторах». Тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов и являются «метафорическими моделями» в принятом в их работе понимании. Например, сигнификативные дескрипторы, описывающие проблемную сферу военных действий, армии, образуют метафорическую модель *ВОЙНЫ* [Баранов 2003: 77].

В-третьих, сочетаемость метафорических моделей может быть внешней и внутренней. «Внутренняя сочетаемость» относится к тем случаям, когда одно метафорическое выражение является результатом одновременной проекции нескольких метафорических моделей. Если несколько метафорических моделей в метафорическом выражении относятся к одной сущности из области цели, то такую внутреннюю сочетаемость можно назвать «денотативно связанной». Иными словами, формальный аналог внутренней денотативно связанной сочетаемости метафорических моделей $M_1, \dots, M_n$ есть кортеж отображений вида $\langle \text{сигнификативный дескриптор}$

$M_1, \dots$, сигнификативный дескриптор M_n , денотативный дескриптор $U >$ [Баранов 2003: 82].

При внутренней сочетаемости возможна ситуация, когда метафорические модели относятся к разным целевым областям. Во всех этих случаях одно метафорическое выражение содержит несколько метафор с разными областями источника и областями цели. Такая внутренняя сочетаемость называется далее «денотативно несвязанной».

В дискурсе метафорические выражения могут следовать одно за другим. Если в контексте рядом находится несколько метафорических проекций, как-то содержательно связанных между собой, то следует говорить о «внешней сочетаемости» метафорических моделей.

Внешняя сочетаемость неоднородна. В частности, она включает случаи последовательного использования метафорических выражений различными участниками дискурса. Такую внешнюю сочетаемость можно назвать «диалогической сочетаемостью». Диалогическая сочетаемость метафорических моделей тесно связана с процессом аргументации, естественного доказательства. Полемичность ситуации, в которой реализуется диалогическая сочетаемость, изначально предполагает противопоставление метафорических моделей.

Примеры внешней сочетаемости метафорических моделей объединяет одно общее свойство: сочетания дескрипторов метафорических моделей проецируются на одно явление в области цели, иными словами, сигнификативные дескрипторы метафорических моделей относятся к одному денотативному дескриптору. Такую внешнюю сочетаемость можно назвать «денотативно связанной». Возможны, однако, комбинации нескольких метафорических выражений, которые денотативно не связаны, но при этом вместе формируют некоторый общий концептуальный образ единой ситуации [Баранов 2003: 83-84].

В обобщенном виде формальная типология сочетаемости метафорических моделей представлена на схеме 1 [Баранов 2003: 85].

В-четвертых, с когнитивной точки зрения внутренняя и внешняя сочетаемости метафорических моделей, по-видимому, различаются характером взаимной интегрированности структур знаний, стоящих за метафорами. Степень интегрированности когнитивных структур при внутренней сочетаемости выше, чем при внешней.

Построение моделей – процедура, имеющая феноменологический характер. Работая с одним и тем же материалом, разные исследователи могут представлять его различным образом. В нашей работе мы рассмотрим внешнюю сочетаемость метафорических моделей (в понимании А.Н. Баранова). Внутренняя сочетаемость отдельно нами не затрагивается. Так, в следующем примере можно выделить внутреннюю сочетаемость

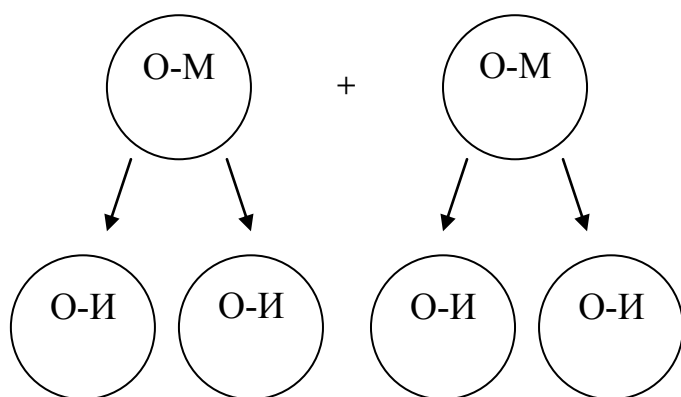
натуроморфной и фитоморфной метафорических моделей в словосочетании ‘*die feuerblühende Rose*’ (досл. *огнем цветущая роза*): *Die Rose des Himmels*, *die feuerblühende*, / *Die freudvoll im Meer sich bespiegelte* (Heine, *Der Phönix*).

Отметим, что под метафорической моделью, вслед за А.П. Чудиновым, нами понимается существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными областями, которую можно представить определенной формулой: X – это Y [Чудинов 2001: 64]. При этом «отношения между компонентами формулы понимаются не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен Y» [там же].

Полиметафорические модели подразделяются нами на **коррелятивную** (от позднелат. *correlatio* – соотношение, взаимозависимость) и **инкорпорирующую** (от позднелат. *incorporation* – включение в свой состав) **метафорические модели**, ибо концептуальные метафоры носителей конкретной лингвокультуры часто взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, образуя сложные системы. Под **коррелятивной метафорической моделью** нами понимается наличествующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя или более группами непосредственно соотносящихся между собой понятийных областей и представляющих собой связанный метафорический образ двух или более природных явлений, то есть (X – это Y) + (X1 – это Y1)... + (Xn – это Yn).

Схема 2

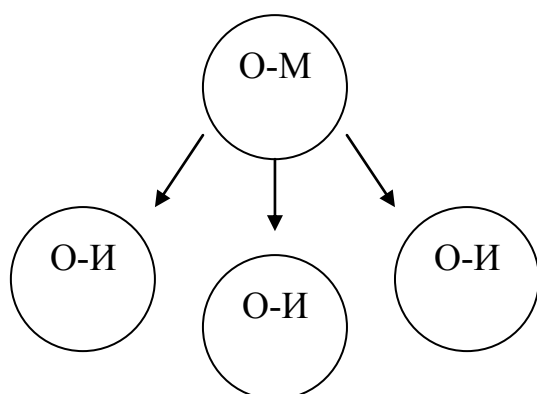
Коррелятивная метафорическая модель

Инкорпорирующая модель трактуется нами как существующая и/или складывающаяся в сознании представителей той или иной лингвокультуры сложная схема связи между понятийными областями, репрезентируемая формулой: $X - \text{это } Y + Y_1 \dots + Y_n$. Таким образом, создается либо целостный объемный образ природного явления, либо происходит расширение представления о нем за счет привлечения нескольких различных областей-источников для его более полной характеристики в рамках отдельно рассматриваемого стихотворного текста.

Схема 3

Инкорпорирующая метафорическая модель

Следовательно, в первом случае нами рассматривается денотативно-несвязанная внешняя сочетаемость, а во втором случае – денотативно-связанная внешняя сочетаемость. Нами не отрицается также и наличие внутренней денотативно-связанной и денотативно-несвязанной метафорической сочетаемости в рамках поэтического дискурса.

Отметим вслед за И.Ю. Мостовской, что обязательными приемами создания произведений поэзии являются языковая экономия, отсутствие детального описания объектов и явлений, что объясняет интенсивность, свернутость, компрессию стиховой речи [Мостовская 1977]. Важно подчеркнуть, что все элементы и уровни (лексический, фонетический, грамматический) поэтического дискурса (или поэтического текста, погруженного в культуру) – это средства репрезентации его когнитивно-концептуального содержания. Являясь составляющими одного текста и

находясь в ассоциативных отношениях друг с другом, они обнаруживают аналогию в передаче концептуального содержания стихотворного произведения, то есть концептуальную аналогию. Отсюда новый фактор – концептуальная аналогия между элементами стихотворения на основе принципа ассоциативности. Подчеркнем также, что «смысловое единство поэтического дискурса определяется образной основой, то есть минимумом метафорических отношений, охватывающих весь текст и обеспечивающих возможность его восприятия как целостной единицы поэтического смысла» [Толочин 1997].

В связи со сказанным выше представляется важным отметить, что в классификации метафоры, предложенной М.В. Тростниковым, которую можно обозначить как лингвопоэтическую, автор выделяет в том числе и грамматическую, включающую в себя морфологическую и синтаксическую метафоры, фонетическую, графическую, а также синтетическую метафоры [Тростников 2000]. Не вызывает сомнения, что поэтический текст – явление многомерное, иерархически сложное, и зачастую расчленив его образную структуру, определить, какой именно уровень доминирует в ней, не представляется возможным. Такой тип взаимодействия различных уровней при рассмотрении метафоры М.В. Тростников предлагает назвать синтетической метафорой [Тростников 2000: 43-44].

Все данные типы метафор объединяет то, что с их помощью человек познает окружающий его мир, в особенности ту лингвокультуру, которой он принадлежит, а также передает накопленный опыт.

Заканчивая обзор онтологии метафор и актуальных проблем их изучения, следует подчеркнуть, что метафора как когнитивное и лингвокультурное образование представляет собой «сплав» ментальных, вербальных и культурных характеристик (индивида и сообщества), а поэтический дискурс – это явление, имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, созданием новых знаний; это поэтический текст, «погруженный в культуру», порождение (и,

соответственно, восприятие) которого происходит с участием различных экстралингвистических факторов. Из сказанного вытекает, что два данных понятия следует рассматривать в неразрывной связи друг с другом.

Выводы по главе I

Превалирующе при изучении метафоры в лингвистических исследованиях выделяются два подхода: семантический (традиционный), в рамках которого релевантной представляется концепция значения, и когнитивный, базирующийся на доминирующей роли «знания». Общность семантического и когнитивного подходов прослеживается в развитии положения о креативной функции метафоры, проявляющейся в том, что метафора организует и регулирует наше мировосприятие, «высвечивая» и подчеркивая одни черты, «затемняя» при этом другие.

Основой метафоризации является аналогия, ибо она – один из способов креативного мышления. В рамках проводимого исследования метафора интерпретируется нами как вербально-ментальный конструкт, обозначающий некоторый класс сущностей или явлений для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, обусловленный сопоставлением двух сущностей, явлений на основании аналогии или сходства между ними, то есть нахождения их общих признаков.

Изучение метафоры не только как вербального, но скорее как ментального конструкта, приводит к комплексному рассмотрению также концептуальной метафоры, под которой понимается некая абстрактная модель (инвариант), реализующаяся каждый раз заново в результате ее «наполнения» определенными метафорическими выражениями (вариантами). Понятия «инвариант» / «вариант» релевантны в контексте нашей работы в связи с тем, что каждое конкретное метафорическое словоупотребление отражает только индивидуальные представления отдельного говорящего, но в результате анализа множества таких словоупотреблений появляется возможность выделить типовые коллективные концептуальные метафоры, отражающие специфику той или иной лингвокультуры.

Фрагмент языковой картины мира, репрезентирующий такие сложные ментальные структуры, как концепты природных явлений, исследуемые в

настоящей работе, являет собой результат синтеза разных типов знаний индивидуального и коллективного происхождения. Поскольку концептуальная метафора синтезирует познавательные процессы и языковую компетенцию, эмпирический опыт отдельного индивидуума и целого лингвокультурного сообщества, а также его культурное наследие, то в силу этого метафора интерпретируется нами как когнитивное и лингвокультурное образование, «сплав» ментальных, вербальных и культурных характеристик (индивида и сообщества).

Как отмечалось, поэтический дискурс – это поэтический текст, «погруженный в культуру», порождение (и, соответственно, восприятие) которого происходит с участием различных экстралингвистических факторов. Мы разделяем в нашей работе мнение исследователей о том, что в поэтическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же концептуальной метафоры, так как часто открываются либо новые характеристики метафорического осмысления концепта, либо «новые проекции» конвенциональных характеристик. Это указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: «концептуальную гибкость» и экспериенциальную основу (традицию).

В рамках поэтического дискурса распространенной является также взаимная сочетаемость (комбинаторика) метафорических моделей (схем связи между понятийными областями).

Все элементы и уровни (лексический, фонетический, грамматический) поэтического дискурса (или поэтического текста, «погруженного в культуру») – это средства репрезентации его когнитивного содержания. В этой связи релевантным представляется выделение грамматической, фонетической, а также графической метафор, общим для которых является то, что с их помощью человек познает окружающий его мир, в особенности ту лингвокультуру, которой он принадлежит, и передает с помощью этих феноменов накопленный опыт.

ГЛАВА II. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Метафорическая концептуализация природных явлений в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах

Перейдем к анализу наиболее частотных способов выражения знаний о природных явлениях, репрезентируемых концептами *ОБЛАКО / ТУЧА* (*die WOLKE*), *СОЛНЦЕ* (*die SONNE*), *ЛУНА / МЕСЯЦ* (*der MOND*), *ЗВЕЗДА* (*der STERN*), *ДОЖДЬ* (*der REGEN*), *СНЕГ* (*der SCHNEE*), *ВЕТЕР* (*der WIND*), *ГРОМ* (*der DONNER*), *МОЛНИЯ* (*der BLITZ*), *РАДУГА* (*der REGENBOGEN*), разнообразными концептуальными метафорами в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах. Отметим, что в русском языке нами рассматривается две пары концептов *ОБЛАКО / ТУЧА* и *ЛУНА / МЕСЯЦ*, представляющих одно природное явление, но их метафорическое осмысление несколько различается.

2.1.1. Монометафорическая антропоморфная модель

В русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах отмечается значительная продуктивность антропоморфного типа метафоры, что связано с интроспективностью человека, с его психологической склонностью, природной предрасположенностью измерять и оценивать окружающее сквозь призму Ego.

А. Концептуальное содержание и вербальная репрезентация концептов природных явлений в метафорическом осмыслении.

Метафорическая модель *ЧЕЛОВЕК* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ* детализируется в концептуальной метафоре *ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ*, что можно продемонстрировать на примере концепта *ЗВЕЗДА* в рамках русскоязычного поэтического дискурса: *Уж звезды светлые*

взошли, / И тяготеющий над ними / Небесный свод приподняли / Своими влажными главами (Тютчев. Летний вечер); И на / нее / встающих звезд / легко оперлись ноги (Маяковский. Утро); Ткут золотые хитоны / Звездные руки для вас (Клюев. Горные звезды как росы). В рассматриваемых примерах прослеживается сходство области-мишени и областей-источников по форме.

При описании светил поэтами часто используется концепт ГЛАЗА. СОЛНЦЕ не просто сравнивается с глазами, оно отождествляется с оком, напр.: Над безбрежной жатвой хлеба / Меж заката и востока / Лишь на миг смежает небо / Огнедышащее око (Фет. Зреет рожь над жаркой нивой); Неустанно ночи длинной / Сказка черная лилась, / И багровый над долиной / Загорелся поздно глаз (Анненский. Конец осенней сказки). В рассматриваемых контекстах метафоры-замещения не нуждаются в расшифровке, поскольку прилагательные 'огнедышащий', 'багровый' указывают на их предметное соотнесение вполне однозначно. В данной группе примеров метафорический перенос осуществляется на основе функционального сходства. Создается эффект «театральности» бытия, где СОЛНЦЕ, ЛУНА / МЕСЯЦ и ЗВЕЗДЫ – сторонние наблюдатели или зрители, персонифицированные субъекты.

В рамках немецкоязычного поэтического дискурса конкретизация концептуальной метафоры ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА → ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ находит свое отражение в следующих примерах, где метафорическое осмысление получает концепт der MOND 'МЕСЯЦ' на основе доминирования сходства по форме: Auf Mondeslippen blühet... (Brentano. Klarinette); Sah über des Mondes Aug' ... (Droste-Hülshoff. Brennende Liebe, 5); Der Mond mit seinem blassen Finger / Langt leise durch den Mauerspalt (Droste-Hülshoff. Die Stiftung Cappenberg's); Und der Mond wie ein Greis / Watschelt oben herum / Mit dem höckrigen Rücken... (Heym. Halber Schlaf). В последнем случае актуализируется знание о сходстве формы месяца и согбенности пожилого человека, который идет, переваливаясь с боку на бок, что передается

семантикой прилагательного 'höckerig' и глагола 'watscheln'. В результате вырисовывается яркий и динамичный образ месяца-старца, где ключевым является именно представление о крючковой форме спины, дополняемый неторопливостью его передвижения.

В ряде примеров, конкретизирующих концептуальную метафору ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА → ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, подчеркивается тождество цвета. Так, в следующем отрывке эталоном ярко красного цвета солнца становится нос человека, злоупотребляющего алкогольными напитками, что передается семантикой прилагательных 'rot' и 'betrunken': *Die glühende Sonne dort oben / Ist nur eine rote, betrunkene Nase...* (Heine. *Im Hafen*).

Еще одним отличительным свойством антропоморфной модели в структуре концептов природных явлений является детализация области-источника по *возрастному, гендерному* признакам и по признаку *родства*.

К примеру, то или иное природное явление может казаться *младенцем, молодым человеком / молодой девушкой, либо старцем*: *И юноши в белом / Летали от края до края* (Фет. *Видение*), *Отрок-ветер по самые плечи / Заголил на березке подол* (Есенин. *Закружилась листва золотая*), но *Вот ко мне на утес / Притащился горбун седовласый* (Белый. *На горах*). В первой паре примеров прослеживается тождество динамизма движения, заложенного в семантике субстантивов 'облако', 'ветер' и 'юноша', 'отрок'. Последний пример содержит сочетание субстантива 'горбун' с адъективом 'седовласый', которое ставит в фокус внимания сходство по форме и цвету облака, а также спины и цвета волос старца.

Исходя из мифологического образа мышления ЛУНА и СОЛНЦЕ представляются в *родственных отношениях*: *Кто вас учил так петь приятно? Не брат ли лунный, - или солнце?* (Бобров. *Херсонида*). С другой стороны, солнце - главный источник света и тепла на нашей планете, а следовательно, жизни. В связи с этим не случайно обращение поэтов к концептуальной метафоре ОТЕЦ → СОЛНЦЕ: *«Солнце! / Отец мой! / Сжалься хоть ты и не мучай»* (Маяковский. *Несколько слов обо мне самом*), *Солнце, Солнце,*

Отец мой Высокий! / О, как властно зовешь ты меня (Ходасевич. Достижение, 2). При этом существует ряд основных, традиционных представлений о семье и ее членах. Так, в следующем примере концептуальные метафоры МАТЬ → ТУЧА, РЕБЕНОК → ДОЖДЬ основываются на представлении о том, что ребенок, особенно во время беременности, является частью матери: *Дождем беременная туча...* (Курбатова. Туча). ЛУНА / МЕСЯЦ, ЗВЕЗДА также могут концептуализироваться в качестве РЕБЕНКА.

Следует подчеркнуть, что носителям немецкого языка *die SONNE* 'СОЛНЦЕ', *der MOND* 'МЕСЯЦ' представляются МАТЕРЬЮ. Им приписывается неотъемлемое для женского пола свойство – окружать все живое заботой: *Euch brütet der Mutter Sonne Scheidenblick...* (Goethe. *Fetter grüne, du Laub*), *Schön bist du, Kind des Mondes, nicht der Sonne (Lilie)* (Mörike. *Auf eine Christblume*, I). Концепты природных явлений, *der WIND* 'ВЕТЕР' или *der REGEN* 'ДОЖДЬ', осмысливаются как дети целого (неба), либо некоегоместилища (тучи): *Was treibst du, Wind, / Du himmlisches Kind?* (Meyer. *Was treibst du, Wind?*), *Da steht sie, eine wetterschwangre Wolke...* (Schiller. *Die unüberwindliche Flotte*).

За счет таких признаков, как 'заботливость', 'нежность', 'участие', концепты природных явлений осмысливаются представителями немецкой лингвокультуры в качестве ВОЗЛЮБЛЕННОГО / ВОЗЛЮБЛЕННОЙ: *Wind ist der Welle / Lieblicher Buhler; / Wind mischt vom Grund aus / Schäumende Wogen...* (Goethe. *Gesang der Geister über den Wassern*), *Die Lotosblume ängstigt / Sich vor der Sonne Pracht, / Und mit gesenktem Haupte / Erwartet sie träumend die Nacht. // Der Mond, der ist ihr Buhle, / Er weckt sie mit seinem Licht, / Und ihm entschleiert sie freundlich / Ihr frommes Blumengesicht...* (Heine. *Die Lotosblume ängstigt*).

В рассмотренных русскоязычных и немецкоязычных примерах прослеживается тождество свойств и функций областей-источников и областей-мишеней, на основе чего совершается метафорический перенос.

М. Тернер считает, что любое метафорическое употребление одного из терминов родства является комбинацией десяти основных моделей интерпретации. Например: а) *перенос свойств*. С каждым членом семьи в

рамках «народной теории родства» (folk theory) ассоциируются определенные свойства. Некоторые из них являются неотъемлемыми, врожденными, другие - функциональными, связанными с обязанностями в семье. Так, для матери определяется такое неотъемлемое свойство женского пола, как заботливость, доброта, в связи с чем выделяется функциональный признак «забота», «воспитание»; б) *сходство*. Братья и сестры похожи, так как связаны общим генотипом; в) *часть* или *содержимое*. Они могут осмысляться как дети целого (или вместилища); г) *последовательность*. Временное или логическое предшествование может осмысляться как старшинство (в том числе, может связываться и с родителями) и др. [Turner 1987].

Из всех рассматриваемых нами природных явлений чаще всего *ОБЛАКО* может представляться как в мужском, так и в женском обличье, о чем свидетельствует русскоязычный практический материал, где обыгрывается как тождество динамизма движения, так и сходство формы области-источника и области-мишени: *И юноши в белом / Летали от края до края* (Фет. Видение), *Я родился у Казбека / Вскормлен грудью облаков* (Лермонтов. Дары Терека). В целях подчеркивания женского начала *ОБЛАКА* используется и словообразовательная метафора. Показателен следующий пример: *Облакины* *плыли и рыдали* (Хлебников. Облакины), где образ *ОБЛАКА* создается словообразовательной метафорой и расширяется глаголом 'рыдать'.

Среди антропоморфных признаков концептов природных явлений (*ВЕТЕР, ГРОМ, ДОЖДЬ*) можно назвать наличие *голосовых характеристик*: *Вняты мне твои глаголы, / Мне понятен твой язык* (Кюхельбекер. Ветер), *У Черного моря чинара стоит молодая. / С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская* (Лермонтов. Листок), *И ветер, дикой запевало, / Присвистывая, песнь поет* (Вяземский. Густые брови...); *И вот теперь, под голос грома, / Сорвался и летит обвал* (Брюсов. Освобожденная Россия), *Грозы насмешка злая, громовой хохот над землей!* (Полонский. В засуху); *Тучны, грязны и слезливы, / Оседают небеса. / Веселы и шепотливы / Дождевые голоса* (Гиппиус. Дождичек), *Мы внимали песне скучной / Неумолчного дождя* (Сологуб. Спутник).

В рассмотренных примерах, где наиболее часто наблюдается согласование номинантов природных явлений с глаголами, семантика которых содержит признак «обладать голосом» - ‘шептать’, ‘присвистывать’, ‘петь’, генитивная синтаксическая конструкция – ‘голос грома’, ‘песня дождя’, метафорический перенос осуществляется на основе звукового сходства.

Примерами детализации антропоморфной модели служат метафоры, в которых область-источник отражает *социальные роли человека*. Для русского языка свойственна концептуальная метафора *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ* → *МУЗЫКАНТ*, где перенесение характеристик из области-источника в область-мишень также осуществляется на основе сходства производимого звука. Так, *ВЕТЕР* концептуализируется в качестве *МУЗЫКАНТА*, играющего на духовых или струнных инструментах: *Ветер бархатный, крыластый / Дует в дудку тоже...* (Мандельштам. *Клейкой клятвой пахнут почки*); *Звонит осенний ветер / Минорною струной* (Иванов Г. *Песня*); *Арфеет ветер - далеет Нарва, / Синее море, златеет тишь* (Северянин. *Поэза раскрытых глаз*). Во всех рассматриваемых контекстах наблюдается согласование номинанта природного явления с глагольной метафорой, которую часто развивает именная метафора со значением орудия действия. В последнем примере автором используется неологизм ‘*арфеет*’. Его можно поставить в один ряд с глаголами ‘*свистит (в дудку)*’, ‘*дует (в трубу)*’ и т.д., приписывающими данному природному явлению определенные характеристики. В данном случае звук, который производит *ВЕТЕР*, подобен звуку, производимому арфой, звучание которой мелодично и приятно для слуха. В этой связи перед нами вырисовывается образ *ВЕТЕРКА - МУЗЫКАНТА*, тихо веющего в ясную погоду над морем и улаждающего слух.

В немецкоязычном поэтическом дискурсе *der WIND* ‘*ВЕТЕР*’ также концептуализируется в качестве *МУЗЫКАНТА*, играющего на струнном, либо духовом инструменте (1), а *der DONNER* ‘*ГРОМ*’ получает метафорическое осмысление в качестве *БАРАБАНИЩИКА* (2), причем данные представления

основываются на действительном сходстве звуков, производимых тем или иным природным явлением и музыкальным инструментом:

(1) *Der Wind ist gegangen / Durch die Saiten... (Eichendorff. Der Bote), Wie dort hoch die Wolken ziehen! / Durch die Saiten fährt der Wind (Storm. Musikanten wollen wandern), *Es schläft noch alles Menschenkind, / Da pfeift sein lust'ges Wanderlied / Schon übers Feld der Morgenwind...* (Eichendorff. Liedesmut);*

(2) *Musik des Donners, die mein Wort bewährt (Mörike. Besuch in Urach), Mein Tambour ist der Donner, / Der durch die Lüfte rollt...* (Keller. Denker und Dichter, I) .

В русскоязычном поэтическом дискурсе ВЕТЕР концептуализируется также в качестве ТАНЦОРА: *Пусть хоть ветер на моем погосте / Пляшут трепака (Есенин. Свищет ветер под крутым забором), В облачные пары сквозь солнечный угар / врезалось бешенство ветряной мазурки (Маяковский. Любовь).* Основанием перенесения характеристик из области-источника в область-мишень является в данном случае сходство динамизма движения танцора и ветра.

В следующей группе русскоязычных примеров, вербализирующих концептуальную метафору ГОСТЬ, СТРАННИК, ПУТНИК, КОЧЕВНИК, СКИТАЛЕЦ, БЕГЛЕЦ → ОБЛАКО / ТУЧА, МЕСЯЦ / ЛУНА, СОЛНЦЕ, ЗВЕЗДА, ВЕТЕР, СНЕГ, ДОЖДЬ, за счет динамизма движения отражается представление о природных явлениях, как исчезающих и вновь появляющихся путниках, постоянно находящихся в пути и не задерживающихся долго в одном месте, что передается и уточняется субстантивной, глагольной и адъективной семантикой: (1) *Тучки небесные, вечные странники...* (Лермонтов. Тучи); (2) *И облака вверху, как призраки, кочуют (Заболоцкий. Осень), Этого святого беспокойства / Вам не знать, скитальцы-облака! (Боков. Земное притяжение); (3) *Выше только утесы, нагие стремнины, / Где кочуют ветра да ликуют орлы (Гумилев. Абиссиния), По переулкам ветер, гость залетный, / Гонял пыль, окурки, стружки (Ходасевич. 2-го ноября) и т.д.**

Периодичность появления и исчезновения природных явлений, динамизм их движения находит свое отражение также в рамках

немецкоязычного поэтического дискурса в концептуальных метафорах ПУТНИК → *die SONNE* 'СОЛНЦЕ', *die WOLKE* 'ОБЛАКО / ТУЧА': (1) *Wie die wandermüde Sonne niedersank...* (Meyer. Kaiser Sigmunds Ende); (2) *Freudig nahm ich meinen Bergstock, / Stieg hinan die saft'gen Weiden, / Wo sich tummeln braune Fohlen, / Durch bewegliches Gerölle / Klomm ich auf zum sel'gen Gipfel, / Den mit leichtem Kuß berühren / Heimatlose Wanderwolken* (Meyer. Der Hengert), *Wolken, meine Kinder, wandern gehen / Wolllt ihr? Fahret wohl! Auf Wiedersehen!* (Meyer. Der Gesang des Meeres).

Часто *die WOLKE* 'ОБЛАКО / ТУЧА' концептуализируется из-за иссиня-черного цвета в качестве печального, мрачного и несчастного ГОСТЯ: *Schwarze Unglückswolken drohend ihn umschweben...* (Hölderlin. Die Stille), *Die Wolken ziehn, wie Trauergäste* (Fontane. Herbstmorgen).

Сходство количественных параметров находит свое отражение в примерах, вербализующих концептуальную метафору АРМИЯ → ВЕТЕР, ОБЛАКА / ТУЧИ, которая доказывает, что данные концепты изначально связаны с ощущением потенциальной опасности и некой угрозы для человека: (1) *С целой армией воздушной / Благовонных ветерков!* (Майков. Весна); (2) *Там взор найдет / Эфирной армии полет / На грозный бой в нарядах бранных* (Бенедиктов. Облака); *Жарко белым облакам / Грудиться, строясь в батальоны* (Пастернак. Июльская гроза); (3) *И тучи идут грозно... // На темные их рати / Смотрю я из окна* (Павлова. Умолк шум улиц); *Темны, как участь близкой брани, / Небесных ратников полки* (Случевский. По небу быстро поднимаясь). Наиболее частотной в примерах подобного типа является субстантивная метафора.

В немецкоязычном поэтическом дискурсе в качестве ВОИНА концептуализируется *der STERN* 'ЗВЕЗДА', *der MOND* 'МЕСЯЦ'. Продуктивность данной концептуальной метафоры развивается, в частности, в сочетаниях названных номинантов природных явлений с предикатами, описывающими действия человека:

- (1) *Es stehn mit goldnem Prangen / Die Stern auf stiller Wacht...* (Eichendorff. *Der Umkehrende*, 1), *Und droben die Sterne, die halten die Wacht...* (Ritter. *Ich wollt', ich wär' des Sturmes Weib*);
- (2) *...da der Nacht Trabant, / Schildknappe Mond, den dunklen Pfad beginnt...* (Heym. *Der Tag*).

Данные примеры указывают на то, что *der STERN* 'ЗВЕЗДА', *der MOND* 'МЕСЯЦ' воспринимаются в качестве зорких небесных стражников, от глаз которых ничего не укроется. В народных сказках герои обращаются к ним с расспросами во всех трудных жизненных ситуациях, так как они все видят и знают. А.Н. Афанасьев отмечает, все народы убеждены в том, что небесные боги (а светила отождествляются либо с божественными очами, либо сами представляются божествами) взирают с высоты на землю, наблюдают за поступками смертных, судят и наказывают грешников, а также охраняют, защищают их [Афанасьев 2002: 165].

В поэтическом дискурсе представителей русского лингвокультурного сообщества *СОЛНЦЕ*, *ЛУНА* / *МЕСЯЦ* и *ВЕТЕР* на основе функциональной наполняемости предстают также как *ВЛАСТЕЛИН*, *ГОСПОДИН*, *ХОЗЯИН*, *ПРАВИТЕЛЬ*, *ВЛАДЫКА*, *ЦАРЬ*, *ВОЖДЬ*. Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих концептуальную метафору *ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ* → *СОЛНЦЕ*, *ЛУНА* / *МЕСЯЦ*, *ВЕТЕР*: (1) *Несовратим, непобедим / Природы сильный властелин* (Державин. *Гимн солнцу*); *Царь света шествовал своей блистательной стезей / И волны проливал своих лучей священных / На мрачную толпу ругателей презренных* (Гнедич. *Рождение Гомера*); (2) *И месяц, бледный царь небес, / Зашел опять, как в дни былые, / За темный лес* (Ратгауз. *Умчался день*); (3) *Буйный ветер в пустыне второй властелин* (Гумилев. *Сахара*). В рассмотренных примерах наблюдается сочетание номинантов природных явлений с субстантивной метафорой или метафора-замещение. Высокая продуктивность данной концептуальной метафоры внутри антропоморфной модели для репрезентации содержания концептов *СОЛНЦЕ*, *ЛУНА* / *МЕСЯЦ* и *ВЕТЕР* вплоть до середины XX века мотивирована, вероятно, устойчивостью

и принципиальной значимостью характеристики «сила оказываемого воздействия», которой нет в полной мере у других исследуемых нами концептов природных явлений.

Метаморфозы, происходящие с месяцем, а именно его способность «зарождаться» и «умирать», находят свое отражение в концептуальной метафоре *ВОЛШЕБНИК, ЧАРОДЕЙ → МЕСЯЦ*, развиваемой субстантивными конструкциями: *О, этот месяц - волшебник!* (Фет. *Ночью как-то вольнее дышать мне*); *Ясный месяц, ночной чародей!.. / Вслед за зорькой вечерней пурпурною, / Поднимись ты стезею лазурною, / Посвети мне опять поскорей* (Мей. *Молодой месяц*).

Предположительно, концептуальные метафоры *ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ* (властелин, господин, хозяин, правитель, владыка, царь, вождь) → *СОЛНЦЕ, ЛУНА / МЕСЯЦ, ВЕТЕР* и *ВОЛШЕБНИК, ЧАРОДЕЙ → МЕСЯЦ* являются производными от концептуальной метафоры *БОГ → СОЛНЦЕ, ЛУНА / МЕСЯЦ, ВЕТЕР*, восходящей к мифолого-религиозной картине мира. Данная метафора возникла в результате того, что человек, пытающийся сохранить себя в хаосе мира и от него же защититься, первоначально переживал эмоцию страха и трепетное отношение к данным природным явлениям. Последующая интеллектуализация бытия отнюдь не избавила человека от этого активного переживания. Все более рационализирующийся человек может лишь объяснить появление страха, но никак не избавиться от него [Красавский 2001: 327], чем и объясняется трансформация концептуальной метафоры *БОГ → СОЛНЦЕ, ЛУНА / МЕСЯЦ, ВЕТЕР*, но не окончательное «искоренение» ее из сознания представителей русского лингвокультурного сообщества.

Концепты природных явлений, получая метафорическое осмысление по образу и подобию человека, вместе с тем всегда наделяются более совершенными формами, на что указывает выявленная на материале немецкоязычного поэтического дискурса метафора *ВЕЛИКАН, ТИТАН, КОЛОСС → die WOLKE 'ОБЛАКО / ТУЧА': Dunkel! All Dunkel schwer! / Wie Riesen schreiten Wolken her - / Über Gras und Laub...* (Droste-Hülshoff. *Feuer*), *Schweben*

die weißen Wolken, / Wie kolossale Götterbilder / Von leuchtendem Marmor (Heine. Die Götter Griechenlands). Концепты die WOLKE 'ОБЛАКО / ТУЧА', der STERN 'ЗВЕЗДА' осмысливаются также в качестве АНГЕЛОВ И СВЯТЫХ на основе аналогии цветowych, динамических, а также реляционных, отражающих представление об общности сопоставляемых объектов с другими объектами («место», «положение», «расположение»), свойств областей-источников и областей-мишеней:

(1) *Friedsel'ge Wolken schwimmen durch die klare Luft, / Als kehrten Engel heim von einer nächt'gen Wacht...* (Meyer. Die Füße im Feuer);

(2) *Der Sterne heil'ge Bilder prangen / So einsam hoch gestellt!* (Eichendorff. In der Nacht).

Случаями более поздней реализации антропоморфной модели являются концептуальные метафоры ХУЛИГАН, ЗАДИРА → ВЕТЕР, ДОЖДЬ; ХИТРЕЦ → ВЕТЕР; РАЗБОЙНИК → ТУЧА, ВЕТЕР; ШАЛУНЫИ → ЗВЕЗДЫ; ПАЯЦ → МЕСЯЦ, ВЕТЕР, основывающиеся на сходстве выполняемых действий. Рассмотрим случаи их вербальной репрезентации на материале русскоязычного поэтического дискурса: (1) *Плюйся, ветер, охапками листьев, - / Я такой же, как ты, хулиган* (Есенин. Хулиган), *Я не танцую, - без моей вины / Пошло волнами розовое платье, / Но вот обеими руками вдруг / Перехитрен, накрыт и пойман – ветер. // Молчит, хитрец, - Лишь там, внизу колен, / Чуть-чуть в краях подрагивает, - Пойман!* (Цветаева. Я не танцую, - без моей вины), *А на лужицах были моришки – / Это ветер весенний дурил* (Боков. Тетеревиный романс); (2) *Девушка, как цапля в целлофане, / Мокнет на трамвайной остановке, / Пристает к ней мелкий-мелкий дождик* (Боков. Девушка); (3) *Выйдет месяц – небесный Пьеро, / Встанет красный паяц на юру* (Блок. Ты оденешь меня в серебро).

Данные метафоры свидетельствуют о происходящей смене векторов в отношении между человеком и природой. Если первоначально человек боялся и обожествлял данные природные явления, то со временем, с одной стороны, он начал считать себя если не покорителем, хозяином природы, то

хотя бы равным ей (отсюда и приписывание эквивалентных социальных ролей, характеристик и действий: *приставать*, *дурить* и т.д.). А, с другой стороны, природа стала его другом, хотя подсознательный страх все же остался. Так, если *МЕСЯЦ* представители русского лингвокультурного сообщества уже в конце XIX века концептуализировали в качестве *ДРУГА*, *ДОЖДЬ* и *ВЕТЕР* начали восприниматься ими как *ДРУГ*, *УТЕШИТЕЛЬ*, *НАСТАВНИК* позже: (1) *И месяц огненный, безмолвной ночи друг, / Встает над ближнею горою* (Никитин. *Над светлым озером*); *То месяц огненный, ночной товарищ мой, / Уходит в темные пучины океана* (Полонский. *Маяк*); (2) *Ветер нам утешенье принес* (Мандельштам. *Казино*); *Умудрил меня встречный ветер* (Цветаева. *Полнолуние и мех медвежий*), *Ты замер, о ветер летучий, / Мой вечный, единственный друг* (Ходасевич. *Достижение, 1*); (3) *Дождь убаюкивает боль* (Цветаева. *Берлину*). Наиболее частотны в последних группах рассматриваемых примеров сочетания номинантов природных явлений с субстантивными или глагольными метафорами.

Исследователи подчеркивают, что фундамент истории есть история труда человека по преобразованию природы, среди которой он живет. Это двуединый процесс: человек пропитывает окружающую природу собой, своими целями, осваивает ее и одновременно пропитывает себя, всю свою жизнь, быт ею. Приспособление природы к себе есть одновременно гибкое и виртуозное приспособление данного коллектива людей к природе [Гачев 1998: 29]. Очевидно, что именно этим в конечном итоге и объясняются изменения, происходящие в метафорическом осмыслении концептов природных явлений.

Рассмотрим таблицу, отражающую частотность употребления антропоморфной метафорической модели применительно к исследуемым нами концептам природных явлений:

Таблица 1

Концепт	Частотность употребления антропоморфной метафоры для концептов природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе	Концепт	Частотность употребления антропоморфной метафоры для концептов природных явлений в немецкоязычном поэтическом дискурсе
<i>ВЕТЕР</i>	41%	<i>der WIND 'ВЕТЕР'</i>	16%
<i>ОБЛАКО / ТУЧА</i>	12% 7%	<i>die WOLKE 'ОБЛАКО / ТУЧА'</i>	25%
<i>СОЛНЦЕ</i>	11%	<i>die SONNE 'СОЛНЦЕ'</i>	16%
<i>ЛУНА / МЕСЯЦ</i>	3% 7%	<i>der MOND 'МЕСЯЦ'</i>	22%
<i>ДОЖДЬ</i>	9%	<i>der REGEN 'ДОЖДЬ'</i>	3%
<i>ЗВЕЗДА</i>	4%	<i>der STERN 'ЗВЕЗДА'</i>	10%
<i>ГРОМ</i>	4%	<i>der DONNER 'ГРОМ'</i>	7%
<i>МОЛНИЯ</i>	1%	<i>der BLITZ 'МОЛНИЯ'</i>	1%
<i>СНЕГ</i>	1%		

Свойства области-источника и области-мишени, на основе общности которых происходит метафорический перенос в рамках рассматриваемой нами антропоморфной модели, также представлены в таблице 2.

Таблица 2

Свойства области-источника и области-мишени, определяющие метафорический перенос	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Звук	14%	18%
Цвет	5%	6%
Форма	12%	15%
Размер		5%
Динамичность	18%	11%
Количество	6%	3%
Функциональная наполняемость	43%	40%
Реляция	2%	2%

В. Структурная классификация антропоморфной метафорической модели.

В плане анализа структуры рассмотренный русскоязычный и немецкоязычный практический материал свидетельствует о том, что антропоморфная метафорическая модель представлена, в первую очередь, **субстантивными конструкциями**:

- **Отрок-ветер** по самые плечи / Заголил на березке подол (Есенин. Закружилась листва золотая);
- **Mein Tambour ist der Donner**, / Der durch die Lüfte rollt... (Keller. Denker und Dichter, I).

Частотной является **субстантивная антропоморфная метафора**, выраженная генитивной синтаксической конструкцией:

- И в **очи молнии** небесной / С чудесным трепетом смотрю! (Блок. Когда я создавал героя);
- Schön bist du, **Kind des Mondes**, nicht der Sonne (Lilie) (Mörike. Auf eine Christblume, I);
- **Musik des Donners**, die mein Wort bewährt (Mörike. Besuch in Urach).

Прямое и метафорическое обозначения могут не только непосредственно примыкать друг к другу, но и быть оторванными друг от друга:

- Einsam will ich untergehn / Wie ein Schwanenlied im Tode, / Ist **der Stern**, den ich gesehn / Mir nicht mehr **ein Friedensbote**... (Brentano. 25. August 1817).

Одна из разновидностей удаления возникает как результат соотнесения заглавия и текста. Заглавие содержит прямое обозначение, в тексте ему соответствует метафора-замещение:

- Скоро двинутся / Белые **беженцы** / Своим вечным путем... (Боков. Снег).

Структуру антропоморфной метафоры формируют также **номинанты природных явлений** и глаголы ($N(ня)I + V$):

- **Die Winde pfeifen**, hin und her bewegend (Heine. Verdroßnen Sinn im kalten Herzen hegend)

- Eine Säule steigt auf, und **der Sonne Schein** / Malt einen Regenbogen hinein...
(Fontane. Butterstullenwerfen).

Если рассматривать подобные словосочетания, в которых номинанты природных явлений выполняют функцию субъекта действия, то можно выявить на основе анализа глагольной семантики следующие классы антропоморфной метафоры:

- а) глаголы движения - *Выше только утесы, нагие стремнины, / Где кочуют ветра да ликуют орлы* (Гумилев. Абиссиния);
- б) глаголы говорения - *Гром окликает / Оставшихся в живых...* (Боков. Милые хаты), *Ветер хрипит на мосту меж столбами* (Блок. Ветер хрипит на мосту меж столбами);
- в) глаголы эмоций - *Только **ветры** морские с залива, / Чтоб оплакать его, прилетят* (Ахматова. Памяти М.М. Зощенко).

В некоторых случаях прямое обозначение природного явления сочетается с глагольной антропоморфной метафорой, которую развивает именная метафора со значением орудия действия, объекта действия и т.д. (N(ня)I + V + S2):

- *А ветер скал лепечет стих надгробный* (Брюсов. Амалтея);
- *Это **солнце** на глади воздушных зеркал / Пишет кистью лучистой миражи* (Гумилев. Сахара);
- *Es schläft noch alles Menschenkind, / Da pfeift sein lust'ges Wanderlied / Schon übers Feld **der Morgenwind**...* (Eichendorff. Liedesmut).

Менее частотно представлена в поэтических текстах **адъективная** антропоморфная метафора (N(ня)I,2 + Ad1,2), например:

- *Редко, редко кочевая / Тучка бросит тень* (Фет. Теплым ветром потянуло);
- *Da steht sie, **eine wetterschwangre Wolke**...* (Schiller. Die unüberwindliche Flotte);
- *Wie **die wandermüde Sonne** niedersank...* (Meyer. Kaiser Sigmunds Ende);
- *...Unter den sinnenden, denkenden, klugen Sternen...* (Brentano. Schwanenlied).

Необходимо отметить также в русскоязычном и немецкоязычном практическом материале случаи **наложения метафоры на сравнение и на перифразу**, например:

- *Еще заливаются ветры, как барды* (Заболоцкий. *Читайте, деревья*);
- *Dunkel! All Dunkel schwer! / Wie Riesen schreiten Wolken her - / Über Gras und Laub...* (Droste-Hülshoff. *Feuer*);
- *Только ветер, гость нахальный, / Потрясает ворота* (Блок. *Дикий ветер*).

Таблица 3

Тип структуры	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Субстантивная метафора	61%	53%
Глагольная метафора	24%	26%
Адъективная метафора	15%	21%

Итак, антропоморфная модель является одной из преобладающих в русскоязычном (30%) и немецкоязычном (34%) поэтических дискурсах по показателям частотности и многообразию лексических средств, репрезентирующих входящие в нее концептуальные метафоры. Предположительно, основной причиной продуктивности антропоморфной модели в рамках данного фрагмента языковой картины мира выступает осознание человеком невозможности контролирования природных явлений и желание понять их сущность и причину возникновения.

Необходимо отметить, что в рамках антропоморфной модели задействован обширный спектр свойств областей-источников и областей-мишеней, на основе общности которых осуществляется метафорический перенос (звук, цвет, форма, размер, динамичность, количество, функциональная наполняемость, реляция). С точки зрения частеречной принадлежности особенно продуктивным представляется субстантивный тип антропоморфной метафоры. Глагольная и адъективная метафоры являются вспомогательными типами, согласующимися с субстантивной метафорой и дополняющими, а также развивающими ее. Именная метафора со значением

орудия действия, объекта действия часто развивает глагольную антропоморфную метафору.

2.1.2. Монометафорическая зооморфная модель

Зооморфная метафорическая модель, которая в целом схожа с антропоморфной, поскольку и та, и другая описывают реальные, во многом внешне схожие поступки живых существ в целом, также типична для представителей русской и немецкой лингвокультур. Антропоморфная и зооморфная модели могут быть объединены в концептуальную метафору более высокого уровня, в которой область-источник будет представлен их родовым концептом *ЖИВОЕ СУЩЕСТВО*.

А. Концептуальное содержание и вербальная репрезентация концептов природных явлений в метафорическом осмыслении.

Анализ русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов показывает, что данная метафорическая модель структурирует концепты природных явлений, причем в качестве источника чаще всего выступает концепт *ПТИЦА* или *ЖИВОТНОЕ*, что связано с одним общим для них понятием о быстроте и динамичности.

А.Н. Афанасьев отмечает, что стремительное разлитие солнечного света, внезапное появление и исчезновение несущихся по небу облаков, порывистое дуновение ветра, мгновенно-мелькающий блеск молнии, резвый полет птицы, быстрый бег коня, гончей собаки – все эти разнообразные явления производят впечатление чрезвычайной скорости, которое отражается и в языке [Афанасьев 2002: 473-530]. Следует заметить, что нельзя искать строго определенного отношения между созданным фантазией образом и исключительно одним каким-либо явлением природы. Так, наши предшественники верили, что ветры производятся размахом крыльев птиц. Чем быстрее и сильнее взмах их крыльев, тем суровее дует ветер и разрушительнее действует буря. Народная фантазия первоначально не

представляла ветер иначе, как существом крылатым из-за сходства динамики движения. Однако птица-ветер является в то же время и птицей-метательницей молниеносных стрел и птицей-облаком. Кроме того, одно и то же природное явление может концептуализироваться в качестве разнообразных птиц. К примеру, весеннее солнце, омывшись в дождевых потоках грозowych туч, кажется стороннему наблюдателю просветлевшим и уподобляется белоснежному лебедю, купающемуся в водах, или другим водяным птицам: утке и гусю, как луна и месяц. Ясное солнце, которое за собой «выводит» зарево утренней зари, гонящее мрак ночи, представляется златокрылой, блистающей птицей, возносящейся на небесный свод и озаряющей своими лучами землю. Солнце, луна / месяц, наблюдаемые в течение дня, либо ночи на небе, предстают в образе орла, ворона и т.д. [Афанасьев 2002: 473-530].

Рассмотрим случаи репрезентации концептуальной метафоры *ПТИЦА* → *СОЛНЦЕ, ЛУНА / МЕСЯЦ*: (1) *Как лебедь молодой, луна среди небес / Скользит и свой двойник во влаге созерцает* (Фет. *Уснуло озеро, безмолвен черный лес*); (2) *Ах, солнце-орел, не летай надо мною* (Городецкий. *Месяц*); (3) *Солнце сказочной птицей глядит с высоты* (Гумилев. *Красное море*), *Солнышко в соснах вспорхнуло жар-птицею* (Боков. *Голос твой слышу...*). В первом и втором примерах отмечается реляционное и динамическое сходство сопоставляемых природных явлений и птиц, в последнем примере обыгрывается функциональное и цветовое сходство солнца и жар-птицы (сказочной птицы).

ОБЛАКА и *ТУЧИ* также олицетворяются в образе *ПТИЦЫ*. С одной стороны, *ОБЛАКА*, неспеша плывущие по небу, представляются птицей белого цвета, с другой стороны, *ТУЧИ* из-за того мрака, которым они «одевают» небо, уподобляются черной птице: (1) *Пережиты ли тяжкие проводы, / Иль глаза мне глядят неизбежные / Как тогда вы мне кажетесь молоды, / Облака, мои лебеди нежные!* (Анненский. *Облака*); *В нежном небе серебристым комом / Облако невиданной красы / По бокам туманно-*

лиловато, / Посредине грозно и светло, - / Медленно плывущее куда-то / Раненного лебедя крыло (Заболоцкий. Поэт); (2) В туче было что-то недоброе, / Что-то явно грозящее, злое, / Что-то безжизненное, холодное, / И собиралась-то она не от зноя. // Темной ночью образовалась, / Злобы достаточно накопила, / Черными крыльями небо закрыла (Боков. В туче было что-то недоброе).

Регулярное обращение к концепту ПТИЦА при метафорическом отображении подкрепляется еще и значимостью некоторых конкретных видов птиц в христианской традиции, например, голубь – воплощенный Святой Дух или малиновка – капля крови Христа. Показательны следующие примеры: (1) Все облака — что голуби Венеры, / Весенний трепет неискореним (Кузмин. Предчувствию, душа моя, внемли!); Облако свернулось клубком, / Катится блаженный клубок, / И за голубым голубком / Розовый летит голубок (Иванов Г. Облако свернулось клубком); (2) Малиновкой журчащую / Слетит в кусты звезда (Есенин. Преображение, 2).

Таким образом, продуктивность зооморфной модели ПТИЦА → ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ в поэтическом дискурсе – одно из важнейших доказательств релевантности древних мифолого-религиозных представлений в картине мира современного человека.

Концептуальная метафора ПТИЦА → *der WIND 'BETER'* является самой распространенной внутри зооморфной модели в рамках немецкоязычного поэтического дискурса. Метафорический перенос в данном случае происходит на основе общности динамических свойств области-источника и области-мишени: *Winde, laßt die Flügel fallen, / Rasselt nicht durch Laub und Rohr! (Bürger. Das hohe Lied von der Einzigen), Und über mir im Aste summt' / Und raschelte des Windes Flügel (Droste-Hülshoff. Die Verbannten), Wohl der Wind die Flügel rührt (Mörike. Frage und Antwort), Die Arme schling ich um des Hüttchens Balken / Und freue mich der trotzigten Gewalt / Des Windes, der gleich einem Wanderfalken, / Die Fänge mir in Haar und Kleider krallt (Ritter. Verschiedene Wirkung).* Постоянные эпитеты, соединяемые с областью-источником,

прилагаются и к области-мишени. Так, ветер, названный соколом, получает и способность вливаться когтями в свою жертву, на что указывает последний пример.

Для немецкого лингвокультурного сообщества характерной является концептуальная метафора ПТИЦА → *der STERN* 'ЗВЕЗДА', основанная на сходстве геометрической формы звезды и птицы с распахнутыми крыльями: *Wo schon ein blasser Stern die Flügel schlägt* (Heym. *Die Lider übereist, das Ohr verstopft*). В следующем примере также разрабатывается концептуальная метафора ПТИЦА → *der STERN* 'ЗВЕЗДА', конкретизируемая метафорой СОЛОВЕЙ → *der STERN* 'ЗВЕЗДА', однако в фокусе внимания находятся другие признаки области-источника: *Sonnennachtigallen sind es, / Die dort oben strahlend kreisen* (Heine. *Graue Nacht liegt auf dem Meere*). Как известно, соловей — птица размером с воробья или немного крупнее. Окраска рыжевато-оливково-серая, более яркая на горле и груди, брюшко охристое с пестринами. Различают также соловья-красношейку. Соловьи — превосходные певцы, улаждающие слух. Перенесение характеристик области-источника СОЛОВЕЙ на область-мишень *der STERN* 'ЗВЕЗДА' происходит, таким образом, из-за сходства величины, цвета, а также количественного и реляционного сходства, отражающего представление об общности местоположения сопоставляемых объектов.

Концепт ЖИВОТНОЕ, как уже отмечалось, также становится источником метафорического осмысления мира, так как через обращение к животному началу метафоризируются многие природные явления.

Так, ВЕТЕР — это ПЕС: *И ветер, пес послушный, лижет / Чуть пригнутые камыши* (Блок. *Тишина цветет*). Зачастую не называя животное, акцентируется определенная, присущая ему деталь. Ею в большинстве случаев выступает *голос, звериный лай, рев, либо вой*: *И ветер воет, замирая!* (Блок. *О, как безумно за окном*); *Один лишь ветер воет там уныло* (Заболоцкий. *Седов*); *В грозном вое полярного ветра...* (Ахматова. *7 тысяч и 3 километра*). Предикативная метафорическая конструкция (вводящая

концептуальную метафору *ЖИВОТНОЕ* → *ВЕТЕР*) построена на отождествлении характеристик голоса, перенесении значения из сферы *ЖИВОТНОЕ* в область *ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ*. Не столько сам ветер, сколько его голос (вой) несет смысл угрозы, предупреждения. Голос животного (как правило, мы говорим о реве хищника) становится голосом природного явления, «озвучивает» *ВЕТЕР*. Смысл животного начала актуализируется и атрибутом «дикий», использующимся при характеристике живого существа: *Только дикий ветер осенний, / Прошумев, прекращал игру* (Гумилев. *Детство*). Голосовую характеристику могут получать и другие природные явления, например, *Облака дают* (Есенин. *Преображение*).

Der WIND 'ВЕТЕР' в немецкоязычном поэтическом дискурсе олицетворяется в образе рыскающего *ПСА*, а свист и гул ветра уподобляются собачьему лаю и вою: *Der Nachtwindhund weint wie ein Kind, / dieweil sein Fell von Regen rinnt* (Morgenstern. *Himmel und Erde*). Заметим, что быстрый бег собаки составляет тот существенный признак, по которому она получает свое название. Немцы борзую собаку называют '*der Windhund*', английскую охотничью собаку (левретку) - '*das Windspiel*' и '*der Wind*'.

Метафорическая модель *ЖИВОТНОЕ* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ* актуализируется и при указании на *часть животного*, например, *рога*. Интересной в данном случае представляется субстантивная словообразовательная метафора, находящая свое отражение в следующих примерах, где *рогу животного* на основе сходства формы уподобляется *МОЛНИЯ*: *Летуче блещут огнероги* (Белый. *Асе*); *В просторы сырых перепутий, / Ввиваясь, бежали дороги, / Где тусклые сумерки мутей / Прорезывали... рогороги* (Белый. *Вечер*). Метафора *рог месяца*, в которой ее опорное слово утратило свою вещественность, воспринимается как мертвая метафора. Однако в определенных контекстуальных условиях она может «воскреснуть», и её «стертая» внутренняя форма начинает восприниматься как достаточно заметная. Изначально данная метафора возникла как результат мифологического представления о роге некоего мифического

животного. В различных поэтических текстах рог месяца превращается в рога реальных и мифических существ, но чаще всего это рог животного: *Месяц синим рогом / Тучи прободил* (Есенин. *По тучам иду, как по ниве, я*); *Гаснут красные крылья заката, / Чистит месяц в соломенной крыше / Обоймленные синью рога* (Есенин. *Колдунья*); *Месяц рогом облако бодает, / В голубой купается пыли* (Есенин. *Колдунья*). В рассмотренных примерах прямое обозначение природного явления сочетается с глагольной зооморфной метафорой, которую развивает именная метафора со значением орудия действия, представленная лексемой 'рог'.

Der MOND 'МЕСЯЦ' в немецкоязычном поэтическом дискурсе концептуализируется в качестве *ТЕЛЕНКА*, что связано с отождествлением рога месяца с реальными животными, обладающими рогами: *Das Mondkalb / verriet es mir / im stillen...* (Morgenstern. *Das ästhetische Wiesel*).

В большинстве случаев *ЖИВОТНОЕ*, с опорой на которое происходит метафорическая концептуализация природного явления, указывается эксплицитно. Концептуальная метафора *ЛОШАДЬ* → *ОБЛАКО*, *ТУЧА*, *МОЛНИЯ*, *МЕСЯЦ* репрезентируется следующими лексическими единицами: (1) *И молния струей промчалась, / Как буйный бледно-гривый конь* (Козлов. *Стансы*); (2) *Тучи с ожерёба / Ржут, как сто кобыл* (Есенин. *Тучи с ожерёба*); (3) *Лошадиную морду месяца / Схватить за узду лучей* (Есенин. *Пантократор*). В первом примере выбор содержательных признаков концепта *ЛОШАДЬ* для метафорической экспансии в область-мишень, репрезентированную концептом *МОЛНИЯ*, отражает аналогию между скоростью движения. Во втором случае грозная *ТУЧА* противопоставляется ожеребившейся кобыле на основе сходства звуков, производимых ими. В последнем примере вербализуются знания о сходстве головы *ЛОШАДИ* и *МЕСЯЦА* по форме.

Рассмотрим примеры, репрезентирующие наличие концептуальной метафоры *КОНЬ* → *СОЛНЦЕ* в немецкоязычном поэтическом дискурсе: *Versucht es nicht, das Sonnenroß zu lähmen!* (Hölderlin. *Der Jüngling an die klugen Ratgeber*), *Majestätische Sonnenrosse / Durch des Lichtes weiten Raum / Leitet*

Phöbus' goldner Zaum! (Schiller. Eine Hymne). В приведенных примерах, вербально выраженных субстантивной конструкцией, метафорический перенос осуществляется на основе аналогии динамики движения солнца и коня. А.Н. Афанасьев подчеркивает, что солнце в Ведах называется бегуном, быстроногим и просто конем. Но уже в Ведах же солнце представляется в образе человека, стоящего на золотой, блестящей колеснице, которую влекут по воздушным пространствам две, семь или десять крылатых, золотошерстных, ретивых кобылиц. По ряду сказаний, распространенных почти у всех арийских народов, солнце объезжает небесный свод, меняя лошадей: на светлых и белых гуляет оно днем, на черных или вороных – ночью. Утренняя и вечерняя зори или день и ночь запрягают ему тех, либо других коней в колесницу [Афанасьев 2002: 112, 570-571].

Достаточно распространенной в рамках русскоязычного поэтического дискурса является концептуальная метафора *ОВЦА* → *ОБЛАКО*, где в фокусе внимания оказывается схожесть завитков овцы и «кудрей» облака: *Облака - овцы бредут* (Блок. *Нежный! У ласковой речки...*). В основу концептуальной метафоры *ЛЕВ* → *СОЛНЦЕ* положен признак сходства по форме и цвету солнца и головы льва, кроме того, лев – царь зверей, также как и солнце – властелин, царь, о чем говорилось выше: *Уже небесный лев тяжелою стопою / В пределах зноя стал и пламенной стезею / Течет по светлым небесам* (Тютчев. *Послание Горация к мекенату*).

В русскоязычном поэтическом дискурсе продуктивной является концептуальная метафора *ЗМЕЯ* → *МОЛНИЯ*, где обыгрываются признаки динамичности и формы. Концептуальная метафора *ЗМЕЯ* → *МОЛНИЯ* реализуется в следующих примерах: *Что ж? — огненный змей изломил свое жало* (Бенедиктов. *Утес*); *Когда же вдруг из тучи мгlistой / Сосну ужалил яркий змей, / Я сам затеплил сук смолистый* (Фет. *Светоч*); - *Смотрите: молния зажглась / И стала огненной змеєю* (Глинка. *Вдруг что-то черное мелькнуло*); *Вокруг скал огнистой лентой вьется, / Печальной молнии змея* (Лермонтов. *Гроза*); *Как нервно молнии / Сверкают змеями* (Северянин. *Серенада*). В части

рассматриваемых примеров субстантивные метафоры, а именно метафоры-замещения, не нуждаются в расшифровке, поскольку прилагательные 'огненный', 'яркий' указывают на их предметное соотнесение.

С течением времени человек расширяет свои знания об окружающем его мире, что находит отражение в языке. Наряду с рассмотренными выше метафорами в русскоязычном поэтическом дискурсе XX века появляются новые, например, *ВЕРБЛЮД* → *ТУЧА*: *Синеющая, гордая / И молнией пылающая, / Верблюдица двугорбая / Паслась еще, пила еще* (Боков. *Скупая*). С одной стороны, данная метафора основывается на сходстве изгибов тучи и горбов верблюда, а, с другой стороны, в ней обыгрывается сходство между «скупой» *ТУЧЕЙ*, которая еще недостаточно «напилась», и *ВЕРБЛЮДОМ*, способным проходить большие расстояния, обходясь без воды.

Случаи активизации концептуальной метафоры *НАСЕКОМОЕ* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ* уступают в количественном отношении числу контекстов, объективирующих метафору *ПТИЦА, ЖИВОТНОЕ* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ*. Так, наиболее продуктивными метафорами, детализирующими базовую концептуальную метафору *НАСЕКОМОЕ* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ*, в русскоязычном поэтическом дискурсе являются *ПЧЕЛА, МУХА, СТРЕКОЗА* → *СНЕГ*; *ПЧЕЛА* → *ЗВЕЗДА*; *БОЖЬЯ КОРОВКА* → *СОЛНЦЕ*, например: (1) *Пушистые хлопья белые, / Как пчел веселый рой, / Играют хлопья смелые / И гонятся за мной* (Белый. *Снежные хлопья*); *О, пыль миров! О, рой священных пчел!* / *Я исследил, измерил, взвесил, счел, / Дал имена, составил карты, сметы* (Волошин. *Венок сонетов*, 4); *О белых пчел беззвучные рои, / С небес низвергнутые в день солнцеворота* (Ходасевич. *В снегах*); *Белые мухи летали, — / Белые звездочки снега!* (Фофанов. *Сумерки шире спадали*); *Слетит веселый рой на стекла / Алмазных, блестящих стрекоз* (Белый. *Зима*); (2) *А россыпь звезд все небо серебрит, / Пчелиному уподобляясь рою* (Кузмин. *Ты замечал*); (3) *Пойдем в синь и гать, / Солнце - божью коровку / Аллилуйем встречать* (Клюев. *Облиняла буренка...*). В группе примеров (1) наблюдается сходство

между областью-источником и областью-мишенью по размеру, количественному соотношению, а в группе (2), (3) доминирует сходство по цвету.

В немецкоязычном поэтическом дискурсе наиболее частотной является концептуальная метафора ПЧЕЛА → *der STERN* 'ЗВЕЗДА'. В данном случае перенесение признаков из области-источника ПЧЕЛА на область-мишень *der STERN* 'ЗВЕЗДА' осуществляется на основе тождества признаков 'цвет', 'размер', 'количество': *Wie die Nelken duftig atmen! / Wie die Sterne, ein Gewimmel / Goldner Bienen, ängstlich schimmern / An dem veilchenblauen Himmel! (Heine. Wie die Nelken duftig atmen!).*

В языке также находит свое отражение концептуальная метафора РЫБА → ТУЧА: *Только тучи изогнулись, / Накренились на бока. // И — ползут в глуби акулой / Серохвостой и большой (Нарбут. Облака); Повернет небесный кит / Хвост к теплу и к водополью (Клюев. Просинь — море, туча — кит). ТУЧА* уподобляется КИТУ или АКУЛЕ на основе представления о том, что небо — воздушный море-океан, а ТУЧИ его обитатели, схожие с КИТОМ или АКУЛОЙ по цвету, форме и размерам.

Отражение луны в воде делает ее похожей по форме на рыбы, которую можно поймать в сети. Следующий пример, выявленный в рамках немецкоязычного поэтического дискурса, репрезентирует концептуальную метафору РЫБА → *der MOND* 'МЕСЯЦ / ЛУНА': *Hirten begruben die Sonne im kahlen Wald. / Ein Fischer zog / In härenem Netz den Mond aus frierendem Weiher (Trakl. Ruh und Schweigen).*

Die WOLKE 'ОБЛАКО / ТУЧА' в немецком языке из-за динамичности движения сопоставляется с образами *различных живых существ*, не называя их в отдельности: *Wolken schwanden vor mir; und ich sahe lebende Wesen / Sehr verschiedner Gestalt. Jede Gestalt / Wurd' oft anders (Klopstock. Die höheren Stufen).*

Частотность употребления зооморфной метафоры для исследуемых нами концептов природных явлений, а также свойства области-источника и

области-мишени, на основе общности которых происходит метафорический перенос в рамках рассматриваемой нами модели, представлены в таблицах 4, 5.

Таблица 4

Концепт	Частотность употребления зооморфной метафоры для концептов природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе	Концепт	Частотность употребления зооморфной метафоры для концептов природных явлений в немецкоязычном поэтическом дискурсе
ОБЛАКО / ТУЧА	13% 13%	<i>die WOLKE</i> 'ОБЛАКО / ТУЧА'	13%
ЛУНА / МЕСЯЦ	6% 10%	<i>der MOND</i> 'МЕСЯЦ'	13%
МОЛНИЯ	16%	<i>der BLITZ</i> 'МОЛНИЯ'	4%
СОЛНЦЕ	14%	<i>die SONNE</i> 'СОЛНЦЕ'	13%
ВЕТЕР	12%	<i>der WIND</i> 'ВЕТЕР'	30%
СНЕГ	9%	<i>der SCHNEE</i> 'СНЕГ'	6%
ЗВЕЗДА	5%	<i>der STERN</i> 'ЗВЕЗДА'	19%
РАДУГА	2%	<i>der DONNER</i> 'ТРОМ'	2%

Таблица 5

Свойства области-источника и области-мишени, определяющие метафорический перенос	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Звук	5%	8%
Цвет	16%	12%
Форма	34%	27%
Размер	3%	
Динамичность	16%	22%
Количество	7%	6%
Функциональная наполняемость	17%	22,5%
Реляция	2%	1,5%

В. Структурная классификация зооморфной метафорической модели.

Анализируемый русскоязычный и немецкоязычный практический материал свидетельствует о том, что зооморфная метафора (также как и антропоморфная метафорическая модель) представлена, в первую очередь, **субстантивными конструкциями**.

В русском языке доминирующей является метафора-замещение ($S_{1,2}$):

- Летуче блестят огнероги (Белый. Асе);
- Заструилась в небе змейка, / Свет блеснул, исчезла тьма (Некрасов. Поэзия).

Для немецкого поэтического дискурса продуктивной представляется следующая конструкция субстантивного типа - $N(ня)S$:

- **Das Mondkalb** / verriet es mir / im stillen... (Morgenstern. Das ästhetische Wiesel);
- Versucht es nicht, **das Sonnenroß** zu lähmen! (Hölderlin. Der Jüngling an die klugen Ratgeber).

Частотной является также зооморфная метафора, представленная **номинантами природных явлений и субстантивной метафорой** ($N(ня) + S_{1,2}$):

- Wie die Nelken duftig atmen! / Wie **die Sterne, ein Gewimmel / Goldner Bienen**, ängstlich schimmern / An dem veilchenblauen Himmel! (Heine. Wie die Nelken duftig atmen!).

Структуру зооморфной метафоры формируют **номинанты природных явлений и глаголы** ($N(ня)I + V$):

- Один лишь **ветер воеет** там уныло (Заболоцкий. Седов); В грозном **вое** полярного ветра... (Ахматова. 7 тысяч и 3 километра);
- **Облака дают** (Есенин. Преображение).

Глагольная метафора является достаточно распространенной в русском и немецком языках, так как она наиболее ярко передает динамизм движения природных явлений.

Достаточно часто имеет место применение в одном и том же поэтическом тексте различных структурных типов метафоры. В некоторых случаях прямое обозначение природного явления сочетается с глагольной

зооморфной метафорой, которую развивает именная метафора со значением орудия действия, объекта действия и т.д. ($N(ня)I + V + S2$):

- *Месяц синим рогом / Тучи прободил* (Есенин. По тучам иду, как по ниве, я);

- *Месяц рогом облако бодает, / В голубой купается пыли* (Есенин. Колдунья).

Менее частотно представлена в поэтических текстах **адъективная** зооморфная метафора, которая **согласуется с субстантивной** ($N(ня)I,2 + Ad1,2 + S1,2 (+V)$), например:

Лошадину морду месяца / Схватить за узду лучей (Есенин. Пантократор);

Только тучи изогнулись, / Накренились на бока. // И — ползут в глуби акулой / Серохвостой и большой (Нарбут. Облака).

В исследуемом русскоязычном практическом материале отмечены также случаи **наложения метафоры на сравнение и на перифразу**, например:

- *Как лебедь молодой, луна среди небес / Скользит и свой двойник во влаге созерцает* (Фет. Уснуло озеро, безмолвен черный лес);

- *Тучи с ожереба / Ржут, как сто кобыл* (Есенин. Тучи с ожереба);

И ветер, пес послушный, лижет / Чуть пригнутые камыши (Блок. Тишина цветет).

Таблица 6

Тип структуры	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Субстантивная метафора	58%	69%
Глагольная метафора	29%	19%
Адъективная метафора	13%	12%

Итак, обозначенные варианты метафорической репрезентации концептов природных явлений в рамках русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов позволяют считать правомерным рассмотрение зооморфной модели в качестве продуктивного способа концептуализации коллективных знаний о них. Необходимо отметить, что в рамках зооморфной модели наиболее часто метафорический перенос осуществляется на основе

формативного, цветового, динамического, либо функционального сходства области-источника и области-мишени. Субстантивный тип зооморфной метафоры является наиболее продуктивным как в русскоязычном, так и в немецкоязычном поэтических дискурсах с доминированием в последнем. Глагольный и адъективный типы зооморфной метафоры превалируют в русском языке.

2.1.3. Монометафорическая фитоморфная модель

Зооморфной метафорической модели близка по своей сущности и метафора фитоморфная.

А. Концептуальное содержание и вербальная репрезентация концептов природных явлений в метафорическом осмыслении.

Самой продуктивной в рамках фитоморфной модели является концептуальная метафора ЦВЕТОК → ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ. Наименования некоторых цветов в свою очередь связаны с тем или иным природным явлением, например, в немецком языке: *die Sternblume* 'астра', *die Sonnenblume* 'подсолнечник', *die Schneeglöckchen* 'подснежник'.

Актуальными признаками цветов для концептов СОЛНЦЕ, ЛУНА, ЗВЕЗДА, СНЕГ в русском и *die SONNE* 'СОЛНЦЕ', *der STERN* 'ЗВЕЗДА', *die WOLKE* 'ОБЛАКО / ТУЧА' в немецком языках являются 'распускание', 'цветение' и 'увядание'. Структуру метафор, отражающих рассматриваемый признак, наиболее часто формируют глаголы: *И распускается, как напоротник красный*, / *Зловещая луна* (Волошин. *Зеленый вал отпрянул...*) или *Erblihen die Sterne...* (Brentano. *Der goldne Tag ist heimgegangen*); *Da stand der Wanderer auf, es blühten Sterne* / *Schon aus dem Dunkel überm stillen Land* (Eichendorff. *Der Unbekannte*).

Звезды, как и цветы, можно *pflücken* 'рвать', что объясняется их появлением ночью и исчезновением днем и отражено в следующем примере, где метафора накладывается на сравнение: *Sterne er wie Blumen pflückt...* (Brentano. *Hörst du wie die Brunnen rauschen*). Глагол *pflücken* 'рвать', являющийся

основанием для сравнения, совмещают в себе прямое и переносное употребление. Метафорическое употребление данного глагола соотнесено с предметом сравнения, то есть с концептом *der STERN* 'ЗВЕЗДА', прямое – с образом сравнения, то есть концептом *die BLUME* 'ЦВЕТОК'.

Способы репрезентации концептуальных метафор *ЦВЕТОК* → *СОЛНЦЕ*, *ЛУНА* в русском языке и *die SONNE* 'СОЛНЦЕ', *der MOND* 'ЛУНА' в немецком находят свое отражение в примерах, где в фокус внимания попадает сходство цветовой гаммы цветка (например, мака или розы) и восходящего солнца или появляющейся луны. Наиболее часто в подобных случаях субстантивная метафора согласуется с адъективной, подчеркивающей признак 'цветение'.

Носители русского языка в качестве области-источника для метафорической экспансии в область-мишень, выраженную концептом *СОЛНЦЕ*, привлекают концепт *МАК*, который для них, очевидно, является прототипом красного цвета: *И солнце вновь расцветшим маком / в выси поднявшейся горит* (Нарбут. Кудрявых туч седой барашек). Представители немецкой лингвокультуры концептуализируют *die SONNE* 'СОЛНЦЕ' из-за свойственного ему оттенка цвета в качестве *РОЗЫ*: *Und prangte die ewige Sonne, / Die Rose des Himmels, die feuerblühende, / Die freudvoll im Meer sich bespiegelte* (Heine. Der Phönix). Еще до возникновения христианства роза стала символом весны, красоты, а розовый бутон – символом девственности. В древности роза считалась символом счастья и радости, как и солнце [Мальцева 2002: 28].

Выбор содержательных признаков концепта *ЦВЕТОК* для метафорической экспансии в область-мишень, репрезентированную концептами *ЗВЕЗДА*, *СНЕЖИНКА*, *ОБЛАКО / ТУЧА* в русском языке и *der STERN* 'ЗВЕЗДА', *der SCHNEE* 'СНЕГ', *die WOLKE* 'ОБЛАКО / ТУЧА' в немецком отражает аналогию формы или формы и цвета. Рассматриваемые признаки обыгрываются в примерах, вербально выраженных субстантивной метафорой, которая может согласоваться с глагольной. Например, *ГВОЗДИКА* → *ЗВЕЗДА*: *Не шевелись - сейчас гвоздички засверкают* (Анненский. Бронзовый

поэт) или КОЛОКОЛЬЧИК, ЛАНДЫШ → СНЕЖИНКА: Колокольчики звездные в ушн / Насыпает вечерний снег (Есенин. Ветры, ветры, о снежные ветры); Ландыши воздушные, реющие ландыши / Вечером зимеющим льдяно зацвели (Северянин. Тундровая пастель).

В немецком языке часто не акцентируется внимание на разновидности цветов, то есть аналогия формы реализуется языковыми средствами не прямо, а косвенно (читатель может устанавливать сходство, основываясь на своем личном опыте), например, *die BLUME 'ЦВЕТOK' → der SCHNEE 'СНЕГ': Schnee war die Blume...* (Klopstock. Winterfreuden).

В ряде случаев активизируется собирательная концептуальная метафора БУКЕТ → ЗВЕЗДЫ, основывающаяся на количественном сходстве и сходстве цвета: *Не угадать Царице юга / Тот миг шальной, когда она // Развяжет, разоймет, расщиплет / Зототоцветный свой букет...* (Анненский. Villa nazionale). В данном примере субстантивная метафора согласуется с адъективной.

Признаки 'плоды' и 'семена' продуктивны для русскоязычного поэтического дискурса и по-разному реализуются у рассматриваемых природных явлений. На основе сходства по форме и цвету развиваются, к примеру, концептуальные метафоры ВИНОГРАД → ЗВЕЗДА, ДЫНЯ → ЛУНА, объединяемые концептуальной метафорой более высокого порядка ПЛОД → ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ: (1) *Веет вешний вертоград. / Звезды — в злате виноград* (Нарбут. У старой мельницы); (2) *Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни / На краешке окна...* (Ахматова. Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни).

Фитоморфная модель реализуется в еще одной концептуальной метафоре СЕМЕНА → ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ (ЗВЕЗДЫ, ДОЖДЬ), где метафорический перенос осуществляется на основе сходства по форме. Так, мелкий и частый дождь называют «севень», следовательно, дождевые капли могут уподобляться хлебным зернам, о чем свидетельствует следующий пример: *То серый сеется там дождь* (Белый. Пока над мертвыми людьми). Ср.:

*Он смуглой горстью меж тихих древ / Бросает звезды – озимый сев (Есенин.
Под красным вязом крыльцо и двор).*

В описаниях природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе распространены фитоморфные метафоры *сада* и *леса*. При этом сад – это окультуренное человеком пространство; это место, где человек работает с растениями, получая плоды от такой работы. Лес – это дикое, неосвоенное человеком, пространство растений [Пименова 2004а: 54]. Наличие концептуальной метафоры *САД, ЛЕС → ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ* в сознании человека является, по-видимому, наследием вегетативного кода модели мира в далеком прошлом человечества.

В отдельную группу внутри фитоморфной концептуальной метафоры *САД, ЛЕС → ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ* выделяется наиболее частотная концептуальная метафора *ДЕРЕВО → ОБЛАКО*, вербализуемая в следующих контекстах, структуру которых формируют субстантивы: *Под облачным древом ... (Есенин. Отчарь, 2); Там, за млечными холмами, / Средь небесных тополей... (Есенин. Пантократор, 2); А ветер в дебрях облачных скупает (Городецкий. Лето)*. В ряде случаев в основе метафорических переносов лежат не только внешние признаки сходства формы и цвета (*ДЕРЕВО, ТОПОЛЬ → ОБЛАКО*) или количественное сходство (*ДЕБРИ → ОБЛАКО*), но и функциональные характеристики дерева и его частей, а также общий циклический процесс роста дерева как прототипа растения. При этом стадии жизненного цикла дерева могут полностью проецируются на основные этапы развития *ОБЛАКА*.

В следующей таблице продемонстрирована частотность употребления фитоморфной метафорической модели для рассматриваемых нами концептов природных явлений:

Таблица 7

Концепт	Частотность употребления фитоморфной метафоры для концептов природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе	Концепт	Частотность употребления фитоморфной метафоры для концептов природных явлений в немецкоязычном поэтическом дискурсе
ОБЛАКО	27%	die WOLKE 'ОБЛАКО / ТУЧА'	14%
СОЛНЦЕ	20%	die SONNE 'СОЛНЦЕ'	26%
СНЕГ	20%	der SCHNEE 'СНЕГ'	12%
ЗВЕЗДА	17%	der STERN 'ЗВЕЗДА'	39%
ЛУНА	10%	der MOND 'МЕСЯЦ'	9%
ДОЖДЬ	6%		

Частотность свойств области-источника и области-мишени, на основе которых происходит метафорический перенос в рамках рассматриваемой нами фитоморфной модели, также отражена в таблице 8.

Таблица 8

Свойства области-источника и области-мишени, определяющие метафорический перенос	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Форма	52%	49%
Цвет	30%	35%
Количество	18%	16%

В. Структурная классификация фитоморфной метафорической модели.

Рассмотренный практический материал свидетельствует о том, что фитоморфная метафора представлена, в первую очередь, **субстантивными конструкциями**:

- *Не шевелись - сейчас звездочки засверкают* (Анненский. Бронзовый поэт);

- Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни / На краешке окна... (Ахматова. Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни);
- Он смуглой горстью меж тихих древ / Бросает звезды – озимый сев (Есенин. Под красным вязом крыльцо и двор);
- **Schnee war die Blume**... (Klopstock. Winterfreuden) и т.д.

Структуру фитоморфной метафоры формируют также **номинанты природных явлений и глаголы** ($N(ня)I + V$):

- То серый сеется там дождь (Белый. Пока над мертвыми людьми);
- **Erblihen die Sterne**... (Brentano. Der goldne Tag ist heimgegangen);
- Da stand der Wanderer auf, es **blühten Sterne** / Schon aus dem Dunkel überm stillen Land (Eichendorff. Der Unbekannte).

В ряде примеров отмечено **согласование субстантивной метафоры с глагольной** ($S1 + V$):

- Ландыши воздушные, реющие ландыши / Вечером зимеющим льдяно зацвели (Северянин. Тундровая пастель).

Менее частотно представлена в поэтических текстах **адъективная фитоморфная метафора**, которая **согласуется с субстантивной**, например:

- И солнце вновь расцветишим маком / в выси поднявшейся горит (Нарбут. Кудрявых туч седой барашек);
- Und prangte **die ewige Sonne**, / **Die Rose des Himmels, die feuerblühende**, / Die freudvoll im Meer sich bespiegelte (Heine. Der Phönix).

Необходимо отметить наличие в русских и немецких поэтических текстах случаев **наложения метафоры на сравнение**, например:

- И распускается, как напоротник красный, / Зловещая луна (Волошин. Зеленый вал отпрянул...);
- **Sterne er wie Blumen pflückt**... (Brentano. Hörst du wie die Brunnen rauschen).

Таблица 9

Тип структуры	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Субстантивная метафора	67%	48%

Глагольная метафора	20%	40%
Адъективная метафора	13%	12%

Проанализированный практический материал свидетельствует о том, что фитоморфная модель имеет один из наименьших показателей продуктивности при метафоризации, направленной на область знаний о природных явлениях (6%), что связывается с ограниченностью набора задействованных в процессе метафорического переноса свойств из области-источника в область-мишень. В рамках фитоморфной модели перенесение характеристик области-источника на область-мишень осуществляется на основе реально наблюдаемого сходства формы и цвета или количественного сходства. Наиболее часто прослеживается уподобление природных явлений представителям фитоморфного мира, прежде всего таким, как *ЦВЕТОК*, *ПЛОД*, *ДЕРЕВО*. Со структурной точки зрения (частеречной принадлежности) особенно продуктивен субстантивный тип фитоморфной метафоры. Наблюдаются случаи согласования субстантивной метафоры с адъективной и глагольной.

2.1.4. Монометафорическая натуроморфная модель

А. Концептуальное содержание и вербальная репрезентация концептов природных явлений в метафорическом осмыслении.

Анализ примеров, выявленных на материале русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов, показывает, что данная метафорическая модель структурирует концепты *ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ*, причем в качестве источника на основании цветового, температурного и функционального сходства выступает концепт *ОГОНЬ*, через признаки которого, в первую очередь, описываются концепты *СОЛНЦЕ*, *МОЛНИЯ* и *die SONNE* 'СОЛНЦЕ', *der BLITZ* 'МОЛНИЯ'. Таким образом, данные концепты выступают как стихии.

Структуру рассматриваемой метафорической модели в русском языке формируют субстантивные метафоры (метафоры-замещения), например, *ОГОНЬ → МОЛНИЯ: И снова над землей / Небесный пляшет огнь, по ребрам туч мелькая* (Бенедиктов. Гроза) или *ОГОНЬ → СОЛНЦЕ: Как тускло пурпурное пламя* (Анненский. Ноябрь); *Пожар на небесах, - и на воде пожар* (Вяземский. Пожар на небесах).

В немецкоязычном поэтическом дискурсе натуроморфная метафора *ОГОНЬ → die SONNE 'СОЛНЦЕ'* может быть также субстантивной, выраженной преимущественно генитивной синтаксической конструкцией: *...wo der Feuerball / Der Sonne sinkt auf Wald und Dämmerung* (Heym. Die Züge). В некоторых случаях метафора может накладываться на перифразу: *Des Feuers Quell, die Sonne, brennt* (Bürger. Die Elemente). Здесь перифраза образует с глаголом *brennen* 'гореть' обычное сочетание, перефразируемое слово *die SONNE 'СОЛНЦЕ'* с тем же глаголом – необычное сочетание, метафору.

Окружающий мир предоставляет человеку географические территории с многообразным ландшафтом. В русскоязычном поэтическом дискурсе нами обнаружены случаи объективации концептуальных метафор *ЗЕМЛЯ → ТУЧА / ОБЛАКО, СНЕГ и ВОДА → СНЕГ*, уточняемых метафорами *ОСТРОВ, ХОЛМ → ТУЧА / ОБЛАКО, ПУСТЫНЯ, ГОРЫ → СНЕГ* и *ОКЕАН, МОРЕ, ВОЛНА → СНЕГ, РЕКА → ЗВЕЗДЫ*. Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих данные концептуальные метафоры, структуру которых формируют субстантивные конструкции: (1) *К тюрьме той посплывались / Не тучи-острова...* (Анненский. Опять в дороге); *Чтоб под этой сетью снежной, / Опускаемой с небес, --- / Горы белые росли* (Городецкий. Заколдованная любовь, 6); (2) *Степь бесконечная и снега / Необозримый океан* (Вяземский. Зимняя прогулка), *Стонет белое снежное море...* (Некрасов. Балет); *Мы чувствуем тебя в реке полных звезд...* (Бальмонт. Гимн солнцу, 3).

Как отмечает Г. Гачев, «Германия - страна континентальная, большей частью, и имеет мало отношения к морю (хотя на севере, на берегах Балтийского моря, образовался знаменитый Ганзейский союз портовых

городов: Гамбург, Любек, Бремен). Но немцы – не моряки и стихия воды мало весома здесь среди четырех элементов» [Гачев 1998: 116]. Однако концептуальные метафоры *МОРЕ* → *die SONNE* 'СОЛНЦЕ', *МОРЕ* → *der STERN* 'ЗВЕЗДА' являются продуктивными в рамках немецкоязычного дискурса и конкретизируются в следующих примерах с доминированием конструкции субстантивного типа: *Dort taucht er sich in's Sonnenmeer* (Bürger. *Männerkeuschheit*), ...*Lächelte vom Sternenmeer* (Schiller. *Eine Hymne*).

Во всех примерах данного типа в рамках русскоязычного и немецкоязычного поэтического дискурса наблюдается формативное и количественное сходство рассматриваемых объектов.

В следующей таблице отражена частотность натуроморфной метафорической модели для рассматриваемых нами концептов природных явлений:

Таблица 10

Концепт	Частотность употребления натуроморфной метафоры для концептов природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе	Концепт	Частотность употребления натуроморфной метафоры для концептов природных явлений в немецкоязычном поэтическом дискурсе
СОЛНЦЕ	38%	<i>die SONNE</i> 'СОЛНЦЕ'	56%
ОБЛАКО / ТУЧА	6% 6%	<i>die WOLKE</i> 'ОБЛАКО / ТУЧА'	11%
МОЛНИЯ	12%	<i>der BLITZ</i> 'МОЛНИЯ'	11%
ЗВЕЗДА	12%	<i>der STERN</i> 'ЗВЕЗДА'	22%
СНЕГ	26%		

В рамках натуроморфной метафорической модели прослеживается следующая закономерность перенесения свойств областей-источников на области-мишени (табл. 11):

Таблица 11

Свойства области-источника и области-мишени, определяющие метафорический перенос	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Цвет	14%	19%
Форма	7%	12%
Размер	14%	12%
Количество	29%	19%
Функциональная наполняемость	22%	19%
Температура	14%	19%

В. Структурная классификация натуроморфной метафорической модели.

Рассмотренный практический материал свидетельствует о том, что натуроморфная метафора также представлена, в первую очередь, **субстантивными конструкциями**, например:

- *И снова над землей / Небесный пляшет огнь, по ребрам туч мелькая* (Бенедиктов. Гроза);
- *Как тускло пурпурное пламя* (Анненский. Ноябрь);
- *Пожар на небесах, - и на воде пожар* (Вяземский. Пожар на небесах);
- *К тюрьме той посплывались / Не тучи-острова...* (Анненский. Опять в дороге);
- *Dort taucht er sich in's Sonnenmeer* (Bürger. Männerkeuschheit), *Lächelte vom Sternenmeer* (Schiller. Eine Hymne);
- *Nicht vom Sonnenhügel?...* (Schiller. Eine Hymne).

В русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах субстантивная натуроморфная метафора может быть также выражена генитивной синтаксической конструкцией:

- *Степь бесконечная и снега / Необозримый океан* (Вяземский. Зимняя прогулка);
- *...wo der Feuerball / Der Sonne sinkt auf Wald und Dämmerung* (Heym. Die Züge).

В некоторых случаях **метафора может накладываться на перифразу** (или **на сравнение**):

- ***Des Feuers Quell, die Sonne, brennt*** (*Bürger. Die Elemente*).

Таблица 12

Тип структуры	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Субстантивная метафора	69%	61%
Глагольная метафора	21%	27%
Адъективная метафора	10%	12%

Итак, натуроморфная метафора не отличается высокой продуктивностью при описании природных явлений. При этом регулярными способами структурирования концептов природных явлений является лишь уподобление их содержания концептам стихий *ВОДА* или *ОГОНЬ*. Концептуальные метафоры, в которых в качестве области-источника выступают концепты, содержащие знания о других явлениях и феноменах неживой природы, например, *ЗЕМЛЯ (ПУСТЫНЯ, ОСТРОВ, ХОЛМ, ГОРА)*, являются более редкими средствами концептуализации данного фрагмента картины мира. Метафорический перенос в рассматриваемых примерах осуществляется на основе аналогии формативных, цветовых, температурных, количественных и функциональных свойств области-источника и области-мишени. С точки зрения частеречной принадлежности наиболее продуктивным представляется субстантивный тип натуроморфной метафоры.

2.1.5. Монометафорическая артефактная (предметная) модель

Исследователями отмечается, что в процессе развития общества происходит смена базовой, для каждого исторического периода господствующей концептуальной метафоры. В настоящее время наблюдается все большее удаление человеческого сознания от природного мира, частью которого человек воспринимал себя, происходит его отчуждение от

природной среды, все большая материализация, ориентация на мир предметный. Это подтверждается и результатами проводимого нами исследования, так как артефактная (предметная) метафорическая модель, структурирующая концепты перечисленных природных явлений, стоит на первом месте по показателям частотности и многообразию лексических средств, «наполняющих» входящие в нее концептуальные метафоры.

Так, по мнению А.П. Чудинова, в языковой картине данная группа метафор наиболее структурирована, поскольку человек реализует себя в создаваемых им вещах – артефактах, и «...созидательный труд – это деятельность концептуализация мира» [Чудинов 2001: 152]. Артефакты неразрывно связаны с человеком в его существовании. Кроме того, «именно в системе артефактов происходят наиболее заметные изменения во времени (новые реалии чаще появляются именно здесь), что делает данную семантическую сферу наиболее активной и подвижной» [Балашова 1999: 10].

А. Концептуальное содержание и вербальная репрезентация концептов природных явлений в метафорическом осмыслении.

Одной из продуктивных является концептуальная метафора внутри артефактной (предметной) модели, уподобляющая *ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ* *строению*, так как с древнейших времен человек стремился создать жилище, чтобы укрыться от природных катаклизмов и неприятелей, а также сделать свое обитование более удобным и комфортным. Процесс метафоризации затрагивает отображение из области-источника *СТРОЕНИЕ* на содержание концептов природных явлений *СОЛНЦЕ*, *ОБЛАКО*, *РАДУГА* признаков: «тип строения» – *ТЕРЕМ*, *ПАЛАТА* (богатое, красивое строение, принадлежащее социально значимому лицу, ср. устное выражение: царские, княжеские палаты), *МОСТ*, *БАШНЯ*, *РАЗВАЛИНЫ* (примеры 1, 2), «атрибуты строения» – *ОКНО* (пример 3), «внешние и внутренние конструкции строения» – *СТУПЕНЬКИ*, *АРКА* (пример 4). Например:

- (1) *О, мои полеты к краю, / В терем солнца золотой* (Городецкий. Теремок, 4); *Там солнца златоглавого палаты* (Курбатова. Сумерки); *Мы чувствуем тебя*

*в реке полных звезд / И в глыбах туч, разорванных грозой, / Когда
меж них горит манящей полосой / Воздушный семицветный мост
(Бальмонт. Гимн солнцу).*

В рассмотренных примерах прослеживается формативное сходство областей-источников и областей-мишеней.

*(2) В тумане облачных развалин, / Встречая облачный рассвет, / Он был
почти нематериален / И в формы жизни не одет (Заболоцкий. Дождь).*

В приведенном примере ОБЛАКА концептуализируются в качестве РАЗВАЛИН, так как имеют размытые, нечеткие формы и различные размеры.

(3) Солнце – вечное окно / В золотую ослепительность (Белый. Солнце).

В данном случае метафорический перенос осуществляется на основе общности формы области-источника и области-мишени. Как отмечает А.Н. Афанасьев, не только с солнцем, но с месяцем и звездами соединялась мысль о небесных окнах. Небо, по народному преданию, - терем божий, а звезды – окна, из которых смотрят ангелы. Как только рождается человек, Господь тотчас же велит прорубить в небе окошечко и сажает к нему ангела наблюдать за делами и поступками новорожденного в течение всей его жизни. Ангел смотрит и записывает в книгу, а людям кажется, что звезда светится. Когда человек умирает – окно запирается и звезда исчезает – падает с неба [Афанасьев 2002: 166-167].

*(4) Поднялся ты по облачным ступеням / И прикоснулся к музыке миров
(Заболоцкий, Бетховен); Воздушная воздвиглась арка / В своем минутном
торжестве! / Один конец в леса вонзила, / Другим за облака ушла – /
Она полнеба охватила / И в высоте изнемогла (Тютчев. Так неожиданно и
ярко...).*

В данных примерах доминирующим оказывается сходство по форме.

Г. Гачев полагает, что бытие мыслится представителями немецкой лингвокультуры как мироЗДАНИЕ. Дом (*das Haus*) – универсальная модель для всего в германской ментальности. Даже слово *der Baum* ‘дерево’ означает одновременно и нечто построенное от глагола *bauen* ‘строить’. И

крестьянин по-немецки – *der Bauer*, то есть как бы конструктор на земле [Гачев 1998].

В немецкоязычном поэтическом дискурсе в процессе метафоризации происходит отображение из области-источника *СТРОЕНИЕ* на содержание концептов природных явлений следующих признаков: «тип строения» – *ДОМ, ХРАМ (СВЯТИЛИЩЕ), ЗАМОК, БАШНЯ, УКРЕПЛЕНИЕ, МОСТ*, «внешние и внутренние конструкции строения» – *КУПОЛ, АРКА, СТЕНА* и т.д.

Так, концепты *der REGENBOGEN* ‘РАДУГА’ и *die WOLKE* ‘ОБЛАКО / ТУЧА’ осмысливаются *мостом*, перекинутым с неба на землю, что осуществляется на основе формативного сходства, а в последнем случае за счет расширения метафорического контекста на основе тождества цвета: *Du Heimat mit den Regenbogenbrücken, / Ihr heitern Bilder, harmlos bunte Spiele?* (Eichendorff. *Entschluß*); *Am Horizont die kolossalen Brücken - / Sind's Wolken oder ist's ein ferner Wald?* (Droste-Hülshoff. *Die Vogelhütte*); *Von Perlen baut sich eine Brücke / Hoch über einen grauen See* (Schiller. *Von Perlen baut sich eine Brücke*).

Die WOLKEN ‘ТУЧИ’, плотно плывущие по небу, напоминают *СТЕНУ*: *Dumpf liegt auf dem Meer das Gewitter, / Und durch die schwarze Wolkenwand / Zuckt der zackige Wetterstrahl* (Heine. *Gewitter*). Данная метафора свидетельствует о представлении строения замкнутым пространством, защищенным от посторонних глаз и вторжения.

Внутри артефактной метафорической модели продуктивной является концептуальная метафора различного рода *утвари*. К домашней утвари относятся и *осветительные приборы*. В данном случае уподобление осуществляется в связи с общностью функций. Палитра представлений *МЕСЯЦА / ЛУНЫ, СОЛНЦА* и *ЗВЕЗД ОСВЕТИТЕЛЬНЫМ ПРИБОРОМ* разнится от уподоблений их *лучине, свече, факелу* до метафор, сближающих природные явления с *фонарем, лампой, светильником, люстрой* и т.д. В русском языке встречается концептуальная метафора *ОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ПРИБОР* → *МЕСЯЦ / ЛУНА, СОЛНЦЕ, ЗВЕЗДЫ*, связанная с церковной утварью, а именно *кадило* → *СОЛНЦЕ, лампадка* → *ЛУНА, СОЛНЦЕ, ЗВЕЗДЫ*, что свидетельствует о том, что

русские – народ верующий. Данные метафоры доминируют в русскоязычном поэтическом дискурсе середины XIX – начала XX веков. Приведем несколько примеров, репрезентирующих концептуальную метафору *ОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ПРИБОР* → *МЕСЯЦ / ЛУНА, СОЛНЦЕ, ЗВЕЗДЫ*:

(1) *Ровно светит вековая / Солнца лампа огневая / Бедняку и богачу* (Бенедиктов, Воскресная школа); *Миллионом люстр алмазных...* (Бенедиктов. Пир); *Кто небо запачкал в крови? / Кто вывесил красный фонарик?* (Блок. Невидимка); *И уж любит он, сударик, / Чтобы светло, как на Пасху: / Нынче месяц нам фонарик* (Цветаева. Нет, не с тобой, дружочек чудный);

(2) *На белом небе все тускней / Златится горная лампада, / И в доцветании аллей / Дрожат зигзаги листопада* (Анненский. Листы); *А вот и лунный шар: лампада зажжена / В молельню тихую земля превращена* (Якубович. Молитва природа); *На подвесках из легкого золота / Закачались лампадки небес* (Есенин. Русь, 3); *Восток – в сиянье крови и огня: / Горело, рдело алое кадило, / Предвестный ветер веял на меня* (Гиппиус. Не будем как солнце).

В связи с тем, что *СВЕЧА* является как светским, так и церковным артефактом, пограничным можно считать следующий пример, где доминирующей оказывается мифолого-религиозная тематика, основанная на том, что каждый вечер *СВЕЧУ* → *СОЛНЦЕ* гасят ангелы, а утром вновь зажигают ее: *И солнце ангелы потушат, / Как утром – лишнюю свечу* (Ходасевич. Из окна, 2).

В немецкоязычном поэтическом дискурсе концептуальная метафора *ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ* → *ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ* является менее продуктивной и вербализуется в следующих примерах: *Sterne trauern / Bleich herab, wie Lampen in der Gruft* (Schiller. Eine Leichenphantasie); *Putzt der Mond die Lampe aus* (Eichendorff. Wann der Hahn kräht).

К области утвари относится и *ПОСУДА* → *МЕСЯЦ / ЛУНА, СОЛНЦЕ*. Базовая концептуальная метафора, являющаяся наиболее продуктивной для русскоязычного поэтического дискурса, детализируется в метафорах *КУБОК, ВЕДРО* → *СОЛНЦЕ, ЧАША* → *МЕСЯЦ* и в окказиональных метафорах *КАСТРЮЛЯ*

→ СОЛНЦЕ, ТАЗ → МЕСЯЦ. Характерно, что в большинстве случаев в фокусе внимания оказывается не вся поверхность рассматриваемого вместилища, а лишь его верхняя, либо нижняя граница, следовательно, сближение осуществляется на основе сходства по форме: *Стал противен он для глаз, / Пригвожден на горизонте / Как аляповатый таз!* (Жемчужников. *Заколдованный месяц*); *Я понял, что солнце из выси — / В колодезь златое ведро* (Есенин. *Пантократор*, 3). Однако это может быть и наполненный некой воображаемой жидкостью сосуд: *Тебе срываю месяц — чашу, / Холодный блеск устами пей* (Белый. *Обет*). В ряде примеров доминирующей оказывается схожесть интенсивности блеска области-источника и области-мишени, что передается, в частности, семантикой прилагательного *сверкающий*: *Мой кубок сверкающий — Солнце* (Белый. *Светлая смерть*).

В немецкоязычном поэтическом дискурсе выявляются примеры, вербализующие концептуальную метафору ВЕДРО → *die SONNE* 'СОЛНЦЕ', *der MOND* 'МЕСЯЦ', где в фокус внимания также попадает верхняя, либо нижняя граница рассматриваемого вместилища: *Zwei Eimer sieht man ab und auf / In einem Brunnen steigen* (Schiller. *Zwei Eimer sieht man ab und auf*).

В рамках русскоязычного поэтического дискурса выделяется концептуальная метафора ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ → ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, напр.: ПОПЛАВОК → ЛУНА, ЖАТВЕННЫЙ СЕРП → МЕСЯЦ, ГВОЗДИ → ЗВЕЗДЫ или СНЕЖИНКИ, КОРОМЫСЛО → РАДУГА, МОЛОТ → ГРОМ, МЕТЛА → ДОЖДЬ и т.д. Метафорический перенос в примерах, иллюстрирующих данные концептуальные метафоры, осуществляется на основе сходства формы, звука или функции сопоставляемых области-мишени и области-источника.

В концептуальной метафоре СЕРП → МЕСЯЦ область-источник утрачивает свою вещественность. Однако в определенных контекстуальных условиях «мертвая» метафора может «воскреснуть», и ее «стертая» внутренняя форма начинает восприниматься как достаточно заметная. Так, в ряде примеров именная метафора сочетается с глагольной, а также благодаря

контексту рисуется или упоминается ситуация жатвы: *Как будто кто-то неземной, / Под белой ризой и с венцом, / Над этой нивой трудовой / Стоит с серебряным серпом* (Майков. Ночь на жниве); *За желто-красною листву / Уходит месяца отрезок. // Он будет ночью – светлый серп, / Сверкающий на жатве ночи* (Блок. Свобода смотрит в синеву).

В русском языке ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ также концептуализируются в качестве ОРУЖИЯ. Рассмотрим случаи реализации концептуальной метафоры ОРУЖИЕ → ЛУНА / МЕСЯЦ (примеры 1, 2), СОЛНЦЕ (пример 3), ВЕТЕР (пример 4), РАДУГА (пример 5), МОЛНИЯ (пример 6), ДОЖДЬ (пример 7):

(1) *Только над городом месяц двурогий / Остро прорезал вечернюю мглу* (Гумилев. Избиение женихов); *О, долго ль будешь в небе ты висеть / мечом, бессильно угрожающим?* (Сологуб. Окрест - дорог извилистая сеть);

(2) *Из длинных трав встает луна / Щитом краснеющим героя* (Блок, Голос скрипом); *Как всплывает алый щит над морем, / Издавна знакомый лунный щит* (Брюсов. При свете луны);

(3) *Золотея, эфир просветится, / и в восторге сгорит. / А над морем садится / Ускользящий, солнечный щит* (Белый. Золотея, эфир просветится); *Я умер от солнечных стрел* (Белый. Друзьям);

(4) *И ветра черные мечи / Прохладным свистом взрежут клочья* (Белый. Ссора, 1); *Лицо изрежет ветер резкий* (Белый. Зима); *Как рвет и крутит восточный ветер, / И жжет и режет и бьет плетьюми* (Волошин. Бойня);

(5) *Кто-то с новой верой, / Без креста и мук, / Натянул на небе / Радугу, как лук* (Есенин. По тучам иду, как по ниве, я);

(6) *Она промчалась над лугами, / Бесцеремонно грохоча, / И, издеваясь над ольхами, / Пугала лезвием меча* (Нарбут. Кудрявых туч седой барашек); *И грозной молнией уж столько поразил / Он птицы малой!* (Брюсов. Орел двуглавый); *Молнией врезана плотная тьма!* (Брюсов. В первый раз);

(7) *Как он хлестал! Как налетал он шумно, / За строем строй кидая звонких стрел!* (Якубович. Первый дождь).

В рассмотренной группе примеров метафорический перенос осуществляется на основе сходства области-источника и области-мишени по форме, что прослеживается при анализе семантики субстантивов, которыми представлены области-источники, и аналогии функциональной наполняемости, о чем свидетельствует анализ глагольной семантики.

Метафора *ОРУЖИЯ* также является частотным способом концептуализации знаний о *ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЯХ* в рамках исследуемого нами практического материала в немецком языке.

Концепт *die SONNE* 'СОЛНЦЕ' осмысливается как *СТРЕЛА* на основе сходства по форме лучей солнца и рассматриваемого артефакта: *Mittagsstunde, - der Sonnenpfeil / Prallt an des Weihen Gefieder, / Der vom Gesteine grau und steil / Blinzl in die Pinien nieder* (Droste-Hülshoff. *Die Vendetta*, II); *Glühend trifft mich der Sonne Pfeil, still liegen die Weste* (Schiller. *Der Spaziergang*).

Копье (*die Lanze*) с длинным облегченным древком использовалось в основном в немецкоговорящих странах в кавалерии. Тяжело вооруженные и покрытые доспехами рыцари, атакующие в правильном строю, метали это копьё в противника или пытались выбить его из седла ударом копья. Длина древка подобного копья была от 3 до 6 метров, а само древко изготовлялось из мягкого дерева, полого внутри. При нанесении удара противнику такое древко должно было обязательно сломаться, в противном случае нападающий воин оказался бы выбитым из седла [Мальцева 2002: 96]. В качестве такого *КОПЬЯ* на основе сходства по форме концептуализируется *der BLITZ* 'МОЛНИЯ': *Siegern gleich, die wach von Donnerlanzen...* (Schiller. *An Laura*).

В следующем примере также разрабатывается концептуальная метафора *ОРУЖИЕ* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ*, где в качестве области-источника выступает орудие, называемое в немецком языке *das Geschütz*, которое ассоциируется с тяжелой артиллерией и с осадными боями за овладение какой-либо местностью. В немецком языке метафора *ОРУДИЯ* появляется в описаниях *ГРОМА*, что связано со звуковым сходством,

производимым при выстреле орудия и ударе грома: *Und dampfen und schmettern die Donnergeschütze* (Hölderlin. *Am Tage der Freundschaftsfeier*).

Der REGEN 'ДОЖДЬ', а точнее капли дождя, падающие на человека, ассоциируются с *ПУЛЕЙ* или *СТРЕЛОЙ*: *Sie, die Helden, eilen dir entgegen / Unter Donner und der Kugeln Regen* (Schiller. *Trauerode*); *Der Pfeile Wolken fliegen mit dem Winde, / Die runden Schilde von den Pfeilen starren* (Heym. *Der Pfeile Wolken fliegen mit dem Winde*).

Следует также отметить уподобление природных явлений в русскоязычном дискурсе (в особенности концепта *ДОЖДЬ*) *МЕТАЛЛАМ* из-за совпадения цвета, а также из-за сходства капель дождя и формы металла, меняющейся во время плавки: *Сторона ль ты моя, сторона! / Дождевое, осеннее олово* (Есенин. *Сторона ль ты моя, сторона*); *...То с неба спринцевал свинцом! Оконниц полукружъя* (Пастернак. *Имелось*).

В отдельную группу внутри артефактной модели выделяется концептуальная метафора *МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ*. Как отмечает М.В. Пименова, отношение к музыке и музыкальным инструментам отличалось в различные периоды. Религиозная культура видела в светской музыке явление греховное, отвлекающее от мыслей о жизни вечной. Не случайно появление нечистой силы описывалось как нашествие бесов, играющих на музыкальных инструментах. В классический период метафора музыкального инструмента приобретает высокую частотность [Пименова, Кондратьева 2005: 31, 32]. А.Н. Афанасьев указывает на то, что «как ни были просты и несовершенны первые музыкальные орудия (дудка, свирель, волынка, гусли), они требовали некоторого навыка, и с их появлением образовался особенный класс музыкантов, певцов, поэтов, словом, людей вещих, которые хранили в своей памяти эпические сказания старины, пели их под звуки гуслей и других инструментов и играли главную роль в народных празднествах. Это были гусяры или скоморохи. С самого водворения христианства на Руси и вплоть до конца XVII столетия духовенство выражало протест, направленный против народных игрищ, так

как видело в них не просто забаву, а языческий обряд» [Афанасьев 2002: 331-332]. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что концептуальная метафора *МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ* в русскоязычном поэтическом дискурсе достаточно новое образование. Однако в то самое время, когда запрещали народные игрища, отбирали у скоморохов и жгли музыкальные инструменты, при дворе, в присутствии всей царской семьи, демонстрируют комедии, причем немцы играют на органах и танцуют [Афанасьев 2002: 340-342]. Это доказывает, что в Германии отношение к музыке было иным и концептуальная метафора *МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ* здесь более раннее образование.

Так, врываясь в тесные ущелья скал, в скважины и щели домов, ветер издает свист, напоминающий *СВИРЕЛЬ*, *ФЛЕЙТУ* или *ДУДКУ*. Помимо духового музыкального инструмента *ВЕТЕР* концептуализируется также в качестве струнного, например *АРФЫ*: *Прислушайся к дальнему пенью / Эоловой арфы нежней* (Иванов Г. *Прислушайся к дальнему пенью*). Звуки же, производимые *ГРОМОМ*, напоминают игру на трубе (*Труба* *величья сил верховных.... / О гром!* (Державин. *Гром*)). *СОЛНЦЕ* уподобляется по форме *БАРАБАНУ* или *БУБНУ*, а также *ГУСЛЯМ*, где струны – лучи солнца, *ЛУНА* – *РОЖКУ*. Ср.: *Мы идем, а там, за чащей, / Сквозь белесость и туман / Нам небесный барабаничик / Лупит в солнце-барабан* (Есенин. *Небесный барабаничик*); *Живи, Живое! Под солнца бубны / Смелее, люди, в свой полонез!* (Северянин. *Эгополонез*); *А солнце лучи, точно струны, / К земле протянуло, чтоб петь, / И гусли играют так юно, / Как звонкая, звонкая медь* (Нарбут. *Гобелен*) или *И пляшет сумрак в галочьей тревоге, / Согнув луну в пастушеский рожок* (Есенин. *Сыпучей*); *И вызвездило небо / Пастушеский рожок* (Есенин. *О Русь, взмахни крылами*).

Отмечается, что музыка немецкоязычных стран своеобразна, причем музыка «ургийная» (как звучание самого Бытия, Космоса), где смешивается звучание органа, клавира, фортепьяно, духовых инструментов, симфонического оркестра [Гачев 1998: 121]. Показательны следующие

примеры, вербализующие концептуальную метафору *ОРГАН, ТРОМБОН, ГОРН* → *der DONNER 'ГРОМ': Majestätisch prächtig nun / Wie des Donners Orgelton, / Stürmend von hinnen itzt, wie sich von Felsen / Rauschende, schäumende Gießbäche wälzen* (Schiller. *Laura am Klavier*); *Wenn die Donnerposaune Gottes vom Thron itzt her / Auferstehung geböt - aufführ im Morgenglanz / Seiner Feuer der Tote, / Dich dem Richter entgegenriss'* (Schiller. *Der Eroberer*); *Prächtig spricht Kronions Donnerhorn, / Der Olympus schwankt erschrocken, /* (Schiller. *Eine Hymne*). Гром как голос божий также метафорически уподобляется звону колокола, так как громкие звуки «голоса» грома и колокола, у которого есть свой язык, схожи, как и в предыдущих примерах: *Lausch ich noch des Ruhmes Donnerglocken?* (Schiller. *An Laura*). В рассмотренных примерах метафорический перенос происходит на основе общности звуковых свойств области-источника и области-мишени. Следует также отметить преобладание субстантивных метафорических конструкций в рассматриваемых примерах.

Достаточно распространенной является метафора, уподобляющая природные явления *СРЕДСТВУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ* – *колеснице, повозке, тележке*. Так, круговая форма солнца с давних пор заставляла человека видеть в нем первоначально огненное колесо, а затем и чудесную огненную колесницу: *Чуть гроза на запад спрячется / И настанет тишь чудесная, / А с востока снова катится / Колесница поднебесная* (Ахматова. *В промежутке между грозами*). Интересной представляется метафора, уподобляющая *КОЛЕСНИЦЕ ОБЛАКО*: *Луна медлительно с полуночи восходит / На колеснице облаков* (Тютчев. *Одиночество*). Подобно языческим богам и богиням, многие сказочные герои и героини, отмечает А.Н. Афанасьев, переносятся в отдаленные страны не только на богатырских конях, но и в летучих колесницах, которые также мгновенно появляются, как и исчезают, и в повозках невидимках. Такие колесницы и повозки - это различные метафоры облака [Афанасьев 2002: 604-605]. В ряде случаев, причиной актуализации концептуальной метафоры *СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ* является не схожесть формы, а тождество производимого звука:

И чуть наполняет повозка / Раскатистым воздухом свод... (Пастернак. *Сирень*). В данном примере ГРОМ концептуализируется в качестве ПОВОЗКИ.

Концептуальная метафора СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ (лодка, галера, челн, ладья, корабль) → ЛУНА, ОБЛАКО / ТУЧА связана с восприятием неба как моря с бушующими волнами. Рассмотрим примеры, репрезентирующие данную концептуальную метафору, где выбор области источника для метафорической экспансии в область-мишень определяется сходством формы и выполняемых действий:

(1) *Меж туч луны прозрачный челн...* (Брюсов. *Веселый зов весенней зелени*), *Когда кормой разбитой лодки* / *Нырять в облаке луна...* (Иванов Г. *Видения в Летнем саду*);

(2) *Над поморьем лесов облаков корабли* (Клюев. *От сутолок до звезд*);

(3) *Тучка-челн...* (Фет, *Тучка*); *И от зенита до земли / Не ходят тучи-корабли* (Городецкий. *Стихи о святой любви*, 7).

У немцев есть предание о золотой колеснице и белых, ретивых конях солнца. Повод украсить колесницу солнца парусом дали те легкие утренние туманы, среди которых показывается на горизонте дневное светило и которые, как бы следуя за ним, поднимаются вверх и скучиваются в белые облака [Афанасьев 2002: 581-582]. Данное представление находит свое отражение в немецкоязычном поэтическом дискурсе и репрезентируется в следующих примерах, где в качестве областей-источников для метафорической экспансии в области-мишени *die SONNE* 'СОЛНЦЕ' и *die WOLKE* 'ОБЛАКО' выступают *ТЕЛЕЖКА* и *ПАРУС* соответственно: *Durch Wolken fährt ein goldner Karren* (Trakl. *Romanze zur Nacht*); *O schöne, bunte Vögel, / Wie singt ihr gar so hell!* / *O Wolken, luft'ge Segel, / Wohin so schnell, so schnell?* (Eichendorff. *Erwartung*).

Согласно воззрениям наших предшественников, воздушный океан, по которому плавают корабли – облака и тучи, отделяет мир живых людей (землю) от царства умерших (от светлого небесного свода). Души усопших, представляемые легкими стихийными существами, подобными веющим

ветрам и пламенеющим молниям, должны были переправляться в страну вечного покоя через шумные волны этого океана и переплывали их на облачных ладьях и кораблях. Потому фантазия народа уподобила *КОРАБЛЬ-ОБЛАКО* плавающему в воздушных пространствах *ГРОБУ*, а впоследствии и *МОГИЛЕ*: *Облако* *моей могилой* стало (Курбатова. *Падал в бездну край седого неба...*). Рассмотренная артефактная (предметная) метафора *ГРОБ, МОГИЛА* → *ОБЛАКО* является воплощением когнитивной модели *ВМЕСТИЛИЩА* наряду с метафорами: *МЕШОК, ЧЕХОЛ* → *ТУЧА*; *НАВОЛОЧКА* → *ОБЛАКО*; *ЛОЖЕ, ПОСТЕЛЬ* → *СНЕГ*.

В рамках немецкоязычного поэтического дискурса концептуальная метафора *ВМЕСТИЛИЩЕ* → *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ* конкретизируется концептуальными метафорами *ЕМКОСТЬ* → *die WOLKE* ‘*ОБЛАКО / ТУЧА*’, *ОБОЛОЧКА (ГИЛЬЗА)* → *der SCHNEE* ‘*СНЕГ*’ и т.д.

Так, концептуальная метафора *ЕМКОСТЬ* → *die WOLKE* ‘*ОБЛАКО / ТУЧА*’ репрезентируется в немецком поэтическом дискурсе словообразовательной метафорой *die TRÄNENVOLLE* ‘*ЕМКОСТЬ СЛЕЗ*’ → *die WOLKE* ‘*ОБЛАКО / ТУЧА*’, уподобляющей тучу вместилищу, наполненному жидкостью, которая по своему составу и форме капель, вытекающих из него, напоминает слезы. Кроме того, и сама туча наделяется способностью плакать, характерной для живого существа, что передается глаголом ‘*weinen*’: *Oh Tränenvolle, die, verhaltner Himmel, / über der Landschaft ihres Schmerzes schwer wird. / Und wenn sie weint, so weht ein weicher Schauer* (Rilke. *Ö LACRIMOSA*).

Интересной представляется и следующая метафора, где в качестве области-источника для метафоризации концепта *der SCHNEE* ‘*СНЕГ*’ выступает *ОБОЛОЧКА (ГИЛЬЗА)*: *Tot in der Hülse von Schnee schlief hier das gefesselte Leben* (Hölderlin. *Der Wanderer*). Автором обыгрывается представление концепта *ЖИЗНЬ* живым существом, скованным *ОБОЛОЧКОЙ* (снегом), из которой она не может выбраться. В качестве этой оболочки выступает гильза. Концептуальная метафора *ГИЛЬЗА* → *der SCHNEE* ‘*СНЕГ*’ – это метафора оружия, где область-источник представляет собой тонкостенный

металлический стакан, предназначенный для помещения металлического заряда, средств воспламенения. Только тогда, когда снег растает, с жизни «спадут оковы», она «оживет». Эта метафора связана с весенним пробуждением природы.

Следующая группа метафор напротив обычно реализует когнитивную модель *ПОВЕРХНОСТИ* и характеризует природные явления как *ковер*, *скатерть*, *одеяло*, *пеленка* и т.д. Приведем русскоязычные примеры, вербализующие концептуальную метафору *ПОВЕРХНОСТЬ* → *СНЕГ*: *Так снежной скатертью печальной / Покрыты и объаты сном / И озеро с волной зеркальной / И луг с цветным своим ковром* (Вяземский. Царскосельский сад зимою); *Ковер зимы / Покрыл холмы, / Луга и доли* (Баратынский. Где сладкий шепот...); *А на белом покрывале / Шелковых снегов / Вьются ниточкою тонкой / Крестики снегов* (Курбатова. Черная ворона).

При анализе русского языкового материала обращают на себя внимание многочисленные случаи уподобления *ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ* *ОДЕЖДЕ* на основе функционального сходства. Так, концептуальные метафоры *ОДЕЖДА* → *ОБЛАКО* / *ТУЧА*, *СНЕГ*, *ДОЖДЬ* связаны с представлением о том, что, сгущаясь над землей, облака, либо тучи затемняют светила, скрывают от глаз возвышенности; снег прячет все под своим покровом; сильный дождь делает окружающее незримым: *Оделись пеленою туч / Кавказа спящие вершины* (Пушкин. Кавказский пленник, I); *Пусть сосны и ели / Всю зиму торчат, / В снега и метели / Закутавшись, спят* (Тютчев. Листья); *Над синевой зубчатых чащ, / над буро-глинистыми лбами, / июньских ливней темный плащ* (Волошин. Над синевой зубчатых чащ...) и т.д.

В немецком поэтическом дискурсе концептуальная метафора *ОДЕЖДА* → *ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ* актуализируется, в частности, в метафоре *ПЛАЩ* (*ПАЛЬТО*) → *die STERNE* 'ЗВЕЗДЫ': *Wär's dunkel, ich läg im Walde, / Im Walde rauscht's so sacht, / Mit ihrem Sternenmantel / Bedecket mich da die Nacht* (Eichendorff. Die Einsame, 3). В древнегерманском праве *der Mantel* 'плащ (пальто)' являлся символом защиты. Дети, рожденные до венчания,

признавались законными, если женщина во время венчания брала их под свой плащ [Мальцева 2002: 205]. В приведенном примере звездный плащ (звездное пальто) также является символом защиты для человека, так как одновременно звезды – это и осветительные приборы. Когда вокруг темно, и вдруг загорается свет, возникает чувство покоя и уверенности.

На основе сходства по форме *МОЛНИЯ* концептуализируется в качестве *ВЕНЕЦА*: *И молния – венец вокруг его чела...* (Якубович. Гроза). Концепт *СНЕГ* чаще метафорически сближается с *КОРОНОЙ*, *ДИАДЕМОЙ*, окказиональным случаем является следующий пример: *И лес восторженно зашепчет, / Стряхнув с макушек снежный чепчик* (Северянин. На салазках). Данные метафоры основаны на уподоблении большого скопления *СНЕГА* на каком-либо предмете, человеке и т.д. *ГОЛОВНОМУ УБОРУ*.

В немецкоязычном поэтическом дискурсе наиболее распространенной является концептуальная метафора *ВЕНОК*, *ВЕНЕЦ* → *die WOLKE* 'ОБЛАКО / ТУЧА', *die STERNE* 'ЗВЕЗДЫ', которая вербализуется в следующих примерах: *Es blickte der Mond aus dem Wolkenkranz* (Brun. Das Grab der Liebe), *Ruhmeslieb' und goldene Sternenkränze*, / *Lorbeerzweig' und süßere Myrtenkronen*, / *Reiner Lieb' und himmlischer Freundschaft Palmen*, / *Winkten mir strahlend!* (Brun. Rückkehr auf sich selbst).

Достаточно частотным способом концептуализации знаний о *ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЯХ* в рамках исследуемого нами практического материала в русском языке является метафора *УКРАШЕНИЕ*, *ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ* → *ОБЛАКО*, *ЛУНА*, *МЕСЯЦ*, *СОЛНЦЕ*, *ЗВЕЗДЫ*, *РАДУГА*, *МОЛНИЯ*, *СНЕГ*, *ДОЖДЬ*, продуктивность которой обусловлена тождеством характеристик области-источника (форма, цвет, интенсивность блеска и т.д.) области-мишени. Приведем несколько примеров, вербализующих данную концептуальную метафору:

(1) *Промерцает в синей бездне — / Продрожит — алмаз...* (Белый. Деревня);
Звезд вечерние алмазы / Над тобой горят светлее (Брюсов. Ангел бледный);
Так ты одно царишь над миром, Солнце, / О мировой закатный наш рубин

(Бальмонт. *Гимн солнцу*, 6). В данной группе примеров интересно отметить особенность образного ряда драгоценных камней, участвующих в процессе метафоризации, которая заключается в том, что алмаз и рубин издавна считались носителями смысла «огня» из-за игры света, излучаемого ими. Как мы уже отмечали *СОЛНЦЕ*, *ЗВЕЗДЫ* концептуализируются в качестве *ОСВЕТИТЕЛЬНОГО ПРИБОРА*, а следовательно, данные концептуальные метафоры связаны. Отметим также, что *ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ*, а точнее *ЛУНА*, не только само отождествляется с *АЛМАЗОМ*, но и предстает перед нами в качестве некого предмета, способного придать стеклу такой вид, что оно переливается и сверкает как алмаз: *Луна алмазит стекла, / Прохладный свет лея* (Белый. *Старинный дом*). Вне авторского неологизма данное стихотворение осталось бы простой пейзажной зарисовкой. Семантика текста здесь целиком создается посредством словообразовательной метафоры, представленной глаголом 'алмазит'.

(2) *Закат догорел полосой, / огонь там для сердца не нужен; / там матовой узкой каймой / протянута нитка жемчужин* (Белый. *Поэт, ты не понят людьми*). Рассматриваемая метафора строится на принципах количества, формы и цвета, обыгрывается природная форма камня, его молочно-белый цвет. Отождествлением *НИТКИ ЖЕМЧУГА* и *ОБЛАКОВ* подчеркивается естественная красота данного природного явления.

(3) *В жемчугах горят березки, / Черно-голые вчера* (Брюсов. *Первый снег*). В данном примере в качестве *ЖЕМЧУГА* концептуализируется *СНЕГ*. Здесь уже не столь важна природная форма рассматриваемого камня, сколько его цвет. Значение отражения, преломления света, характерное для концепта *СНЕГ*, подчеркивается глаголом «гореть».

(4) *От сияния победной / Алой утренней зари / Грустно меркнет месяц бледный, / Звезд тускнеют янтари* (Федоров А. В *башкирской степи*, 3). В последнем из рассматриваемых нами примеров *ЗВЕЗДЫ* отождествляются с *ЯНТАРЕМ* из-за насыщенного желтого цвета данного камня. Кроме того, поэт

пытается передать тусклое свечение звезд, а, как известно, янтарь – камень, не отражающий свет.

На материале русскоязычного поэтического дискурса также выявлена концептуальная метафора *ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ* → *ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ*. Так, *ДОЖДЬ* концептуализируется представителями русского лингвокультурного сообщества в качестве *НАПИТКА* (*бальзама, вина*) на основе аналогии функциональных (и консистенциальных) свойств (пример 1), *ЛУНА* – в качестве *КОВРИГИ ХЛЕБА, БЛИНА СО СМЕТАНОЙ* из-за сходства формы (пример 2):

(1) *Веселым дождевым вином...* / *Вскипают жаждущие русла* (Волошин. *Над синевой зубчатых чащ...*); *Хлебнув весеннего напитка,* / *Зарозовела нежно сыроежка...* (Нарбут. *Сыроежки*).

(2) *Посреди небесных тел / Лик луны туманный: / Как он кругл и как он бел! / Точно блин с сметаной* (Лермонтов. *Посреди небесных тел...*); *О край дождей и непогоды, / Кочующая тишина, / Ковригой хлебною под сводом / Надломлена твоя луна...* (Есенин. *О край дождей*).

В следующей таблице отражена частотность употребления артефактной (предметной) метафорической модели для концептов природных явлений:

Таблица 13

Концепт	Частотность употребления артефактной метафоры для концептов природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе	Концепт	Частотность употребления артефактной метафоры для концептов природных явлений в немецкоязычном поэтическом дискурсе
СОЛНЦЕ	21%	die SONNE 'СОЛНЦЕ'	12%
ЛУНА / МЕСЯЦ	12% 9%	der MOND 'МЕСЯЦ'	11%
ОБЛАКО / ТУЧА	9% 4%	die WOLKE 'ОБЛАКО / ТУЧА'	22%

ДОЖДЬ	9,5%	der REGEN 'ДОЖДЬ'	5%
СНЕГ	9,5%	der SCHNEE 'СНЕГ'	5%
ВЕТЕР	7%	der WIND 'ВЕТЕР'	7%
ЗВЕЗДА	6%	der STERN 'ЗВЕЗДА'	14%
РАДУГА	5%	der REGENBOGEN 'РАДУГА'	4%
МОЛНИЯ	5%	der BLITZ 'МОЛНИЯ'	3%
ГРОМ	3%	der DONNER 'ГРОМ'	17%

Частотность перенесения свойств из области-источника для метафорической экспансии в область-мишень при рассмотрении артефактной (предметной) метафоры приводится в таблице 14.

Таблица 14

Свойства области-источника и области-мишени, определяющие метафорический перенос	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Звук	7%	10%
Цвет	9%	8%
Свет и интенсивность блеска	9,5%	6%
Форма	37%	42%
Размер	2%	4%
Динамичность	2%	4%%
Количество	9,5%	6%
Функциональная наполняемость	23%	18%
Температура	1%	2%

В. Структурная классификация артефактной (предметной) метафорической модели.

Рассмотренный русскоязычный и немецкоязычный практический материал свидетельствует о том, что наиболее продуктивными в рамках артефактной (предметной) метафорической модели по частеречной принадлежности являются **субстантивные конструкции**:

- «Золото, золото падает с неба!» - / Дети кричат и бегут за дождем (Майков. Летний дождь);
- Свой звездный плащ ночь тихо развернула (Туманский. Дом на Босфоре);
- Чудный град порой сольется / Из летучих облаков (Баратынский. Чудный град порой сольется);
- Нет, не луна, а светлый циферблат / Сияет мне (Мандельштам. Нет...)
- А вот и лунный шар: лампада зажжена / В молельню тихую земля превращена (Якубович. Молитва природа);
- Jäh zerschmetternde Blitze flammen / Nieder aus düsterem **Wolkenthron** (Wedekind. Schicksal);
- Und durch die schwarze **Wolkenwand** / Zuckt der zackige Wetterstrahl (Heine. Gewitter);
- Mit ihrem **Sternenmantel** / Bedecket mich da die Nacht (Eichendorff. Die Einsame);
- Glühend trifft mich **der Sonne Pfeil**, still liegen die Weste (Schiller. Der Spaziergang).

Структуру артефактной (предметной) метафоры формируют также **номинанты природных явлений** и глаголы ($N(ня)1 / S1 + V$).

- Набухла синим льдом река, / Утюжат небо **облака** (Курбатова. Опять весна умоем небо);
- Как рвет и крутит восточный **ветер**, / И жжжет и режет и бьет плетьюми (Волошин. Бойня);
- ...Und wenn **sie (die Tränenvolle)** weint, so weht ein weicher Schauer (Rilke. Ö LACRIMOSA).

В некоторых случаях прямое обозначение природного явления сочетается с глагольной артефактной (предметной) метафорой, которую развивает именная метафора со значением орудия действия, объекта действия и т.д. ($N(ня)1 + V + S2$):

- **Месяц** в травах **точит нож**. / Месяц видит, месяц скажет: / «Убежишь... да ни уйдешь» (Анненский. За оградой).

Менее частотно представлена в поэтических текстах **адъективная метафора**, сочетающаяся с субстантивной, например:

- *И вызвездило небо / **Пастушеский рожок** (Есенин. О Русь, взмахни крылами);*
- *Пронизанный тканью червонных пожаров, / плывет **многобашенный город**,
туманно-далекий (Белый. Битва);*
- *Die Sonne ist ein Fleck, / **Ein rotes Ofentor** (Heym. Der Hunger).*

Таблица 15

Тип структуры	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Субстантивная метафора	65%	70%
Глагольная метафора	24%	21%
Адъективная метафора	11%	9%

Подытоживая рассмотрение заявленной проблемы, можно на основе фактического материала предварительно заключить, что как в русской, так и в немецкой языковых картинах мира изучаемые метафорические модели обладают различной продуктивностью, иллюстрируемой следующей таблицей:

Таблица 16

Тип метафоры	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Антропоморфная	30%	34%
Зооморфная	20%	16%
Фитоморфная	6%	6%
Натурморфная	4%	5%
Артефактная (предметная)	40%	39%

Мы полагаем, что наибольшая продуктивность артефактной (предметной) метафорической модели в процессе репрезентации знаний о природных явлениях может быть объяснена релевантностью природной среды и явлений для жизнедеятельности человека и в силу этого стремлением индивида к их детальному познанию.

В следующей сводной таблице продемонстрирована частотность употребления рассматриваемых метафорических моделей применительно к концептам природных явлений, которая, предположительно, связана со значимостью тех или иных природных явлений для представителей русской и немецкой лингвокультур:

Таблица 17

Концепт	Частотность употребления метафорических моделей применительно к концептам природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе	Концепт	Частотность употребления метафорических моделей применительно к концептам природных явлений в немецкоязычном поэтическом дискурсе
ОБЛАКО / ТУЧА	13,5% 6%	die WOLKE 'ОБЛАКО / ТУЧА'	15%
СОЛНЦЕ	18,5 %	die SONNE 'СОЛНЦЕ'	26,4%
СНЕГ	15,6%	der SCHNEE 'СНЕГ'	4%
ВЕТЕР	12,3%	der WIND 'ВЕТЕР'	10,6%
ЛУНА / МЕСЯЦ	6,5% 5,5%	der MOND 'МЕСЯЦ'	11,6%
ЗВЕЗДА	9%	der STERN 'ЗВЕЗДА'	20,8%
ДОЖДЬ	5,1%	der REGEN 'ДОЖДЬ'	2%
ГРОМ	1,5%	der DONNER 'ГРОМ'	5,2%
МОЛНИЯ	5%	der BLITZ 'МОЛНИЯ'	3,4%
РАДУГА	1,5%	der REGENBOGEN 'РАДУГА'	1%

Частотность свойств областей-источников, привлекаемых для метафорической экспансии в области-мишени, представленные концептами природных явлений, отражена в следующей сводной таблице:

Таблица 18

Свойства области-источника и области-мишени, определяющие метафорический перенос	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Звук	5,2%	7,2%
Цвет	14,8%	16%
Свет и интенсивность блеска	1,9%	1,2%
Форма	28,5%	28,8%
Размер	3,8%	4,2%
Динамичность	7,2%	7,6%
Количество	13,9%	10%
Функциональная наполняемость	21,2%	20,3%
Температура	3%	4,2%
Реляция	0,5%	0,5%

Итак, на разных этапах своего развития общество манифестирует различные «программы» взаимоотношений с природными явлениями, поэтому в современном языке зафиксировано как современное, так и «реликтовое», архетипичное понимание природных явлений. Анализ фактического материала позволяет выявить, что субстантивная метафора является доминирующей в русском и немецком языках при репрезентации концептов природных явлений. Это можно объяснить тем, что для представителей данных лингвокультур релевантным является весь «пакет» знаний о области-источнике, а не только о типичных его признаках, свойствах или функциях. Частотность употребления того или иного типа метафорической структуры можно проиллюстрировать следующими данными в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах соответственно: субстантивная метафора – 64% / 58%, глагольная метафора – 24% / 28%, адъективная метафора – 12% / 14%. Необходимо отметить более высокий индекс употребления в русскоязычном поэтическом дискурсе

развернутых метафорических дескрипций с вербально выраженным компонентом сравнения.

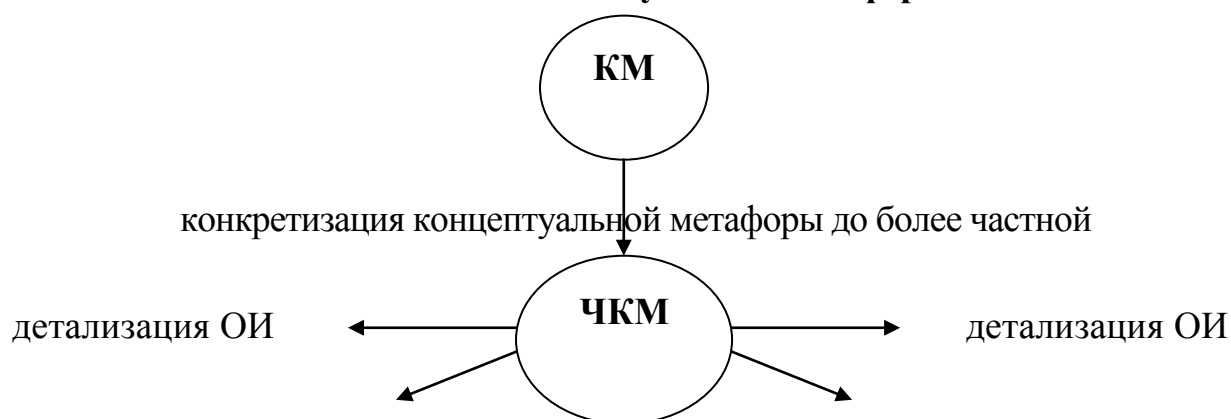
2.2. Полиметафорические модели в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах

2.2.1. Полиметафорическая инкорпорирующая модель

Метафоры представляют собой вербализованные единицы, характеризующиеся наличием ассоциативного потенциала, который относится к когнитивным структурам человека. Анализ исследовательского материала свидетельствует о том, что в русско- и немецкоязычном поэтических дискурсах для вербализации знаний об области-мишени, репрезентированной концептами природных явлений, одновременно может привлекаться несколько областей-источников, что требует рассмотрения всего контекста стихотворного произведения.

Простой расширенный метафорический образ является наиболее частотным в рамках полиметафорической инкорпорирующей модели и создается в результате конкретизации концептуальной метафоры до более частной, ее детализации, то есть он основан на объединении разных смысловых признаков одной реалии. Таким образом, определенная устойчивая концептуальная метафора приобретает множество индивидуальных преломлений, которые то приближаются к традиционному, то удаляются от него настолько, что связь с ним почти перестает ощущаться. Единство заданного, традиционного и индивидуального его преломления в конкретном тексте обуславливает функционирование устойчивых представлений, которые не столько воссоздаются, сколько создаются каждый раз заново в соответствии с задачами и потребностями текста, в разной мере отклоняясь от традиционного инварианта.

Объемная концептуальная метафора

Рассмотрим несколько примеров, репрезентирующих простые расширенные метафорические образы с одной областью-источником, конкретизируемой до более частной:

(1) *Облака опять поставили / Паруса свои. / В зыбь небес свой бег направили / Белые ладьи. // Тихо, плавно, без усилия / В даль без берегов / Вышла дружная флотилия / Сказочных пловцов. // И, пленясь теми сферами, / Смотрим мы с полей, / Как скользят рядами серыми / Кили кораблей* (Брюсов. *Облака*).

В данном случае автор, постепенно перемещая фокус внимания с части ладьи (коробля) на целую флотилию, вербализует свои знания об этом средстве передвижения, в результате чего происходит конкретизация устойчивой концептуальной метафоры *ЛАДЬЯ (КОРАБЛЬ) → ОБЛАКО*.

(2) *Schwester von dem ersten Licht, / Bild der Zärtlichkeit in Trauer! / Nebel schwimmt mit Silberschauer / Um dein reizendes Gesicht; / Deines leisen Fußes Lauf / Weckt aus tagverschloßnen Höhlen / Traurig abgeschiedne Seelen, / Mich und nächt'ge Vögel auf. / Forschend übersieht dein Blick / Eine großgemeßne Weite* (Goethe. *An den Mond*).

В примере, рассматриваемом в рамках немецкоязычного поэтического дискурса, концептуальная метафора *ЧЕЛОВЕК → ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ*, конкретизируемая метафорой *СЕСТРА → der MOND 'ЛУНА'*, детализуется в результате переноса автором акцента с различных частей тела,

приписываемых данному «природному человеку». Как свидетельствует анализ стихотворения, *der MOND 'ЛУНА'*, нежнейшее и печальное существо, наделяется привлекающим внимание лицом, следящим и все изучающим взором, тихой поступью ног.

В примерах подобного рода метафора стремится распространить свое влияние на непосредственное словесное окружение, подчиняя себе относительно широкий контекст, что прослеживается в согласовании субстантивной метафоры с глагольной и адъективной.

Для рассматриваемых контекстов характерно также удвоение обозначений одной и той же реалии. Одна из разновидностей удвоения возникает как результат соотнесения заглавия и текста, когда заглавие содержит прямое обозначение, а в тексте ему соответствует метафора.

Для вербализации знаний об определенной области-мишени, где область-источник детализируется за счет дополнительного осмысления и нахождения общих точек соприкосновения с исходной областью-мишенью, привлекается также стилистическая метафора. Показателен следующий пример: *...И так однажды разозлясь, / что в страхе все поблекло, / в упор я крикнул солнцу: / «Слазь! / довольно шляться в пекло!» / Я крикнул солнцу: / «Дармоед! / занежен в облака ты, / а тут – не знай ни зим, ни лет, / сиди, рисуй плакаты!» / Я крикнул солнцу: / «Погоди! / послушай, златолобо, / чем так, / без дела заходить, / ко мне / на чай зашло бы!» / Что я наделал! / Я погиб! / Ко мне, / по доброй воле, / само, / раскинув луч-шаги, / шагает солнце / в поле.../ В окошки, / в двери, / в щель войдя, / валилась солнца масса, / ввалилась; / дух переведа, / заговорило басом... (Маяковский. Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче).*

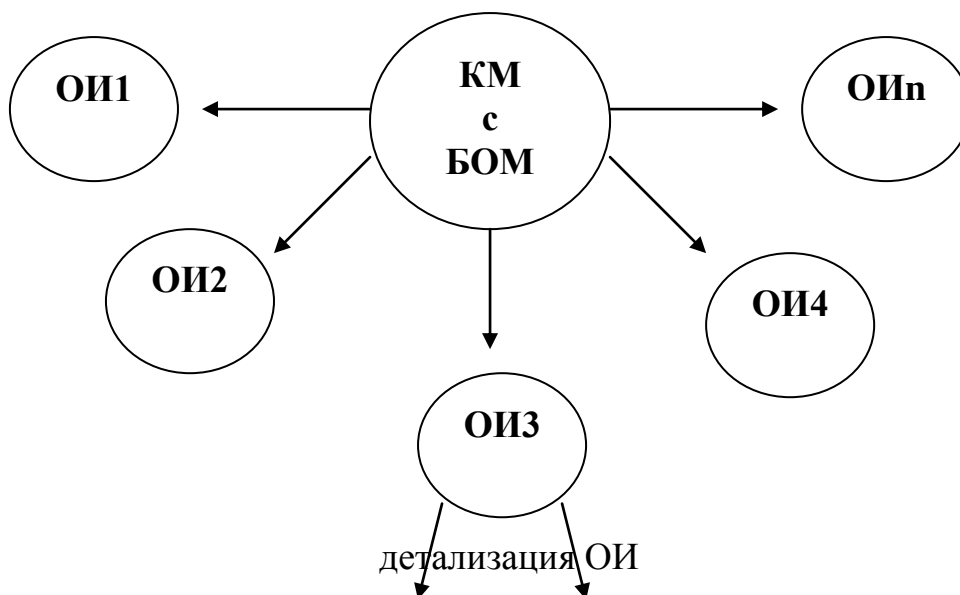
Образ СОЛНЦА в данном стихотворении определяется стилистической принадлежностью составляющих его слов (*валилась солнца масса, ввалилась; дух переведа ...*), каждое из которых определяет некоторый пласт фоновых знаний, при отсутствии которых семантика текста оказывается недекодируемой. Стил, в котором выдержано данное стихотворение, можно

обозначить как просторечный, обиходно-разговорный, соответственно и вырисовываемый образ солнца декодируется с учетом данного факта. В связи с этим солнце-дармояд, переводящее дух и говорящее басом, получает новое осмысление в рамках данного стихотворения.

В поэтическом дискурсе возможно также множественное метафорическое обозначение одной и той же реалии, что связано с ассоциативным мышлением. Сложный расширенный метафорический образ состоит из нескольких областей-источников, привлекаемых для репрезентации одной области-мишени в рамках стихотворного текста, при этом возможны различные вариации комбинации понятийной дифференциации областей-источников метафорического моделирования (схема 5). Каждая из привлекаемых областей-источников может детализироваться за счет добавочных «штрихов».

Схема 5

**Концептуальные метафоры
с базовой областью-мишенью и различными областями-источниками**

Так, в первом примере можно выделить две концептуальные метафоры: *КАПЛИ ДОЖДЯ – ФЕИ* (II, IV строфы), *КАПЛИ ДОЖДЯ - ИГОЛКИ С НИТКАМИ* (III строфа), где концепты, привлекаемые для сравнения, заимствованы из антропоморфной и артефактной понятийных областей соответственно.

(1) *В дождь Париж расцветает, / Точно серая роза.../ Шелестит, опьяняет / Влажной лаской наркоза. // А по окнам танцую / Все быстрее, быстрее, / И смеясь, и ликуя, / Вьются серые феи...// Тянут тысячи пальцев / Нити серого шелка / И касается пяльцев / Торопливо иголка. // На синеем лаке / Разбегаются блики.../ В проносящемся мраке / Замутились их лики. // Сколько глазок несхожих! / И несутся в смятенье, / И целуют прохожих, / И ласкают растенья... (Волошин. Дождь).*

Во втором примере в качестве областей-источников для вербализации знаний об области-мишени ЛУНА (МЕСЯЦ) привлекаются следующие субстантивы: ЛАДЬЯ, ОРЕЛ, ПАСТУХ, ВОЖДЬ, ЦАРИЦА:

(2) *Ладья надоблачных зыбей, / Орел эфира среброкрылый, / Могущий вождь небесной силы, / Пастух бессмертный стад ночных, / Луна, царица звезд златых, / Блеснула сквозь покров тумана (Кюхельбекер. Зоровавель).*

Таким образом, полиметафорическая инкорпорирующая модель создает либо целостный объемный образ природного явления, либо происходит расширение представления о нем за счет привлечения нескольких различных областей-источников для его более полной характеристики в рамках отдельно рассматриваемого стихотворного текста. Для вербализации знаний об определенной области-мишени в рамках данной модели часто привлекается стилистическая метафора.

2.2.2. Полиметафорическая коррелятивная модель

Наш исследовательский материал показывает, что связанная структура концептуальных метафор, где в качестве области-мишени рассматриваются концепты природных явлений, часто используется в русско- и немецкоязычном поэтических дискурсах, при этом возможны различные комбинации понятийной дифференциации областей-источников метафорического моделирования. Это могут быть как однотипные зооморфно-зооморфные, фитоморфно-фитоморфные, антропоморфно-антропоморфные (пример 1),

так и разнотипные метафорические модели, где в качестве источника используются концепты, заимствованные из разнообразных понятийных областей, например, антропоморфно-артефактные, зооморфно-артефактные (пример 2) и т.д. Набор и количество концептуальных метафор в связке зависит, прежде всего, от индивидуальных предпочтений конкретного автора и от темы стихотворения.

Рассмотрим случаи вербализации однотипных и разнотипных комбинаций метафорических моделей в структуре стихотворного текста на материале русскоязычных источников:

(1) Дождик мокрыми метлами чистит / Ивняковый помет по лугам. / Плюйся, ветер, охапками листьев, - / Я такой же, как ты, хулиган (Есенин. Хулиган).

В приведенном примере реализуются две концептуальные метафоры: *ДВОРНИК* → *ДОЖДИК* и *ХУЛИГАН* → *ВЕТЕР*, в которых область-источник представлена их родовым концептом *ЧЕЛОВЕК*. Если метафора *ДВОРНИК* → *ДОЖДИК* позволяет говорящему актуализировать идею предсказуемости результатов действия данного природного явления, то метафора *ХУЛИГАН* → *ВЕТЕР*, напротив, высвечивает следствие неполной предсказуемости, неконтролируемости рассматриваемой стихии. Концептуальная метафора *ДВОРНИК* → *ДОЖДИК* репрезентирована в данном случае сочетанием прямого обозначения природного явления с глагольной антропоморфной метафорой, которую развивает именная метафора со значением орудия действия. Концептуальная метафора *ХУЛИГАН* → *ВЕТЕР* реализуется за счет использования глагольной и субстантивной метафорических конструкций. В подобных примерах отражаются причинно-следственные связи и закономерности, наблюдаемые в природе.

В стихотворении С. Есенина «О край дождей и непогоды» рассматриваются концептуальные метафоры *ДЕРЕВО* → *ОБЛАКО* и *ПЛОД* → *ЗВЕЗДА*, где области-источники восходят к фитоморфной метафорической модели: *На ветке облака, как слива, / Златится спелая звезда (Есенин. О, край*

дождей и непогоды). В концептуальной метафоре ПЛОД → ЗВЕЗДА носителем метафорического образа является прилагательное 'спелая', а сравнение 'как слива' выполняет уточняющую функцию. Метафорический перенос основан на сходстве цвета звезды и спелой златящейся (желтой) сливы. Концептуальная метафора ВЕТКА → ОБЛАКО реализуется генитивной синтаксической конструкцией и основывается на функциональном сходстве.

(2) Рухнули гнезда / Облачных риз, / Ласточки-звезды / Канули вниз (Есенин. Пришествие, 5).

В данном примере концепты ГНЕЗДО и ЛАСТОЧКА, являющиеся источниками для областей-мишеней ОБЛАКО и ЗВЕЗДА, привлекаются из артефактной и зооморфной понятийных областей соответственно. Следует отметить, что большинство подобных примеров основываются на причинно-следственных связях.

Следующий пример представляет собой совмещение коррелятивной метафорической модели и инкорпорирующей, где первая «поглощает» вторую: Плыли по небу тучки. / Тучек — четыре штучки: // от первой до третьей — люди, / четвертая была верблюдик. // К ним, любопытством объятая, / по дороге пристала пятая, // от нее в небосинем лоне / разбежались за слоником слоник // И следом за ними, гонясь и сжирав, / солнце погналось — желтый жираф (Маяковский. Тучкины штучки).

Инкорпорирующая полиметафорическая модель реализуется за счет использования нескольких областей-источников (ЛЮДИ, ВЕРБЛЮД, СЛОНИК) для метафорической репрезентации области-мишени ТУЧА. В рамках коррелятивной полиметафорической модели происходит объединение на основе общности понятийной дифференциации областей-источников концептуальных метафор ЛЮДИ, ВЕРБЛЮД, СЛОНИК → ТУЧА и ЖИРАФ → СОЛНЦЕ. В первом случае прослеживается сходство по форме, во втором — по цвету, что подчеркивается прилагательным 'желтый'.

Таким образом, авторы актуализуют знания, основанные на реальном жизненном опыте, перенося свои представления об окружающей

действительности и совмещая их в единый композиционный блок, результатом чего является рассматриваемая нами коррелятивная метафорическая модель в структуре стихотворного текста.

В основе стихотворения с несколькими концептуальными метафорами может лежать одна центральная (базовая) область-мишень и группа вспомогательных областей-мишеней (две, три и т.д.) с относящимися к ним областями-источниками (схема 6).

Приведем примеры стихотворений из русскоязычных и немецкоязычных источников с концептуальной структурой, состоящей из центральной (базовой) и вспомогательной областей-мишеней:

(1) *Погас последний солнца луч / Устало голову склонило / Дневное жаркое светило / На мягкий холм из рыжих туч. // И веки сонные сомкнуло, / Накрылось тучею, заснуло...* (Курбатова. *Погас последний солнца луч*).

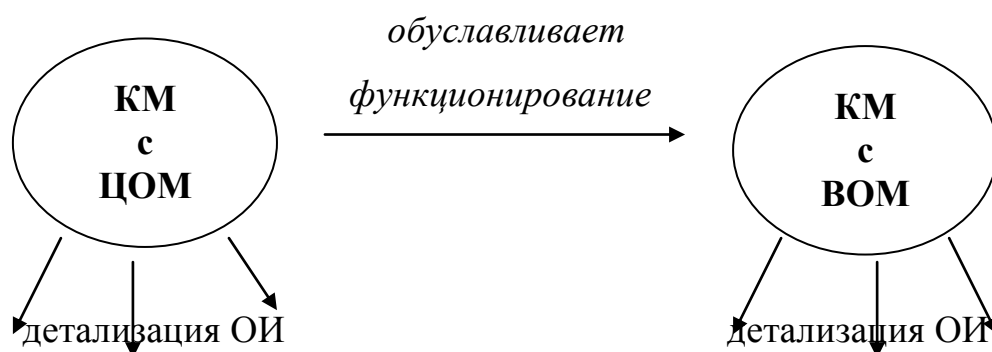
(2) *Jetzt sitzt die Königin (die Sonne) auf ihrem Throne, / Die Silberwolke Teppich ihrem Fuß, / Am Haupte flammt und quillt die Strahlenkrone* (Droste-Hülshoff. *Die Lerche*).

В результате контекстуального анализа можно заключить, что центральной областью-мишенью в рассматриваемых примерах является концепт *СОЛНЦЕ* (*die SONNE*), вспомогательной – концепт *ОБЛАКО / ТУЧА* (*die WOLKE*). *СОЛНЦЕ* (*die SONNE*) концептуализируется в качестве *ЧЕЛОВЕКА*. В первом случае его гендерная принадлежность не уточняется, однако подчеркивается, что перед нами уставший человек, склонивший голову и сомкнувший сонно веки. Во втором примере вырисовывается образ *СОЛНЦА – КОРОЛЕВЫ*, восседающей на троне, а на ее голове светится корона. *КОРОЛЕВА, ТРОН, КОРОНА* – все это области-источники с опорным (базовым) областью-источником *КОРОЛЕВА*, систематически привлекаемые для расширения представлений об области-мишени *СОЛНЦЕ* (*die SONNE*), то есть спектр метафоры. *ТУЧА* ассоциируется с неким артефактом (предметом). В примере, рассматриваемом в рамках русскоязычного поэтического дискурса, – это *ПОДУШКА*, на которую склоняет голову сонное светило и *ОДЕЯЛО*,

которым оно накрывается. В немецкоязычном примере данный артефакт - это *KOBER*, на который солнце-королева опускает свои ноги. При выделении центральных (базовых) и вспомогательных областей-мишеней нами принимались во внимание закономерности, наблюдаемые в природе, и теории естественных наук.

Схема 6

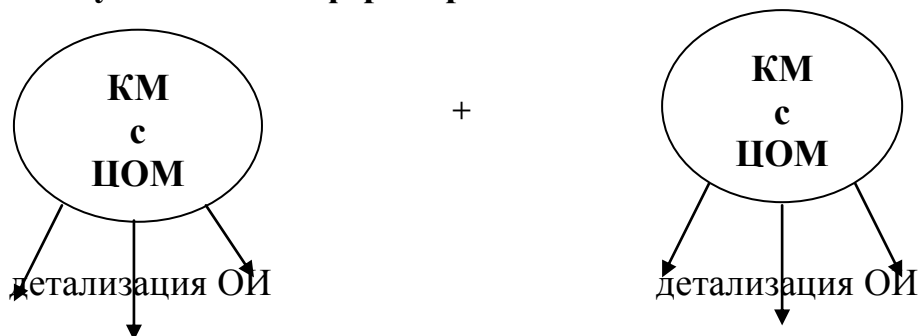
Концептуальные метафоры с центральной и вспомогательной областями-мишенями

Обратимся к контекстам, в которых используется связка центральных областей-мишеней, то есть те случаи, когда несколько (две или более) области-мишени, образуя целостную структуру, составляют концептуальное основание образности текста. Связка концептуальных метафор с центральными областями-мишенями отличается от ранее рассмотренных случаев тем, что среди входящих в неё областей-мишеней невозможно выделить одну ведущую, здесь наличествует множество равноправных.

Схема 7

Концептуальные метафоры с равнозначными областями-мишенями

Приведем пример стихотворения с концептуальной структурой, состоящей из группы центральных областей-мишеней: *Die Sonn' ist zwar die Königin der Erden. / Das sei hiermit höchstfeierlich erklärt! / Ich wäre ja von ihr beglänzt zu werden, / Verneint' ich dies, nicht eine Stunde wert. // Wer aber kann, wann sie im Strahlenwagen / Einher an blauer Himmelsstraße zieht, / Die Glorie in seinem Aug' ertragen, / Die ihre königliche Stirn umglüht? // Du, lieber Mond, bist schwächer zwar und kleiner, / Ein Kleid, nur recht und schlecht, bekleidet dich; / Allein du bist so mehr, wie Unsereiner, / Und dieses ist gerade recht für mich...* (Bürger. Auch ein Lied an den lieben Mond). В данном примере можно выделить две самостоятельные концептуальные метафоры КОРОЛЕВА → *die SONNE* 'СОЛНЦЕ' и НАШ БРАТ → *der MOND* 'МЕСЯЦ', которые сравниваются друг с другом и в рамках рассматриваемого нами поэтического произведения образуют целостный образ.

Необходимо отметить, что в немецком поэтическом дискурсе спектр областей-источников, систематически привлекаемых к той или иной области-мишени, является более устойчивым, что особенно отчетливо вырисовывается на примере коррелятивной метафорической модели.

Так, олицетворяя ОБЛАКА '*die WOLKE*' и ЗВЕЗДЫ '*die STERNE*' овцами, пасущимися под надзором МЕСЯЦА-ПАСТУХА, представители немецкой лингвокультуры первоначально видели на небе черты своего собственного пастушеского быта. Такое воззрение на ОБЛАКА '*die WOLKE*' и ЗВЕЗДЫ '*die STERNE*' как на ОВЕЧЬИ СТАДА, а на МЕСЯЦ '*der MOND*' как на ПАСТУХА часто актуализуется у немецких поэтов. Предположительно, это может быть связано и с особым отношением к данному животному, так как в конце XVIII века в результате Семилетней войны хозяйственная жизнь в Германии, в том числе и животноводство, пришла в упадок. Ввоз в страну мериносовых овец способствовал развитию животноводства [Мальцева 2002: 43].

Рассмотрим несколько примеров, в которых находят свою вербальную репрезентацию концептуальные метафоры ОВЕЧЬИ СТАДА → *die WOLKE* 'ОБЛАКА' или *die STERNE* 'ЗВЕЗДЫ' и ПАСТУХ → *der MOND* 'МЕСЯЦ', которые

отчетливо демонстрируют частотность и взаимосвязь данных областей-мишеней и областей-источников в рамках коррелятивной метафорической модели:

(1) Mond, der Hirt, lenkt seine Herde / Einsam übern Wald herauf, / Unten auf der stillen Erde / Wacht verschwiegne Liebe auf (Eichendorff. Der stille Freier);

(2) Die Welt ist rings entschlafen, / Es singt den Wolkenschafen / Der Mond ein Lied (Brentano. Nun, gute Nacht! mein Leben);

(3) Wie still ist's in der Welt, / Der Mond, der Sternenhirte / Auf klarem Himmelsfeld, / Treibt schon die Wolkenschafe / Zum Born des Lichtes hin (Brentano. Säusle liebe Mirte);

(4) Hoch führet durch die stille Nacht / Der Mond die goldnen Schafe (Eichendorff. Der wandernde Musikant);

(5) Auf einer großen Weide gehen / Viel tausend Schafe silberweiß, / Wie wir sie heute wandeln sehen, / Sah sie der allerältste Greis. // Sie altern nie und trinken Leben / Aus einem unerschöpften Born, / Ein Hirt ist ihnen zugegeben / Mit schön gebognem Silberhorn. // Er treibt sie aus zu goldnen Toren, / Er überzählt sie jede Nacht, / Und hat der Lämmer keins verloren, / Sooft er auch den Weg vollbracht. // Ein treuer Hund hilft sie ihm leiten, / Ein muntre Widder geht voran. / Die Herde, kannst du sie mir deuten? / Und auch den Hirten zeig mir an (Schiller. Auf einer großen Weide gehen).

В последнем примере ветер, как быстроногий охотничий пес, представляется гонящим перед собой облака, в результате чего вербализуется также концептуальная метафора СОБАКА → der WIND 'BETEP'.

Особенность немецкоязычного поэтического дискурса выражается и в том, что значительная роль в нем отводится мифотворчеству. Особенно отчетливо это также вырисовывается на примере коррелятивной метафорической модели.

По мнению А.Н. Афанасьева, каждое явление природы, при богатстве метафорических обозначений, изображается в чрезвычайно разнообразных формах. Так, олицетворяя природные явления в человеческих образах,

человек переносит на них и свои бытовые формы. Родственные связи божеств, которыми представлялись и представляются природные явления, являются плодом живого, поэтического воззрения на природу, и, смотря по тому, как меняется это воззрение – меняются и взаимные отношения обоготворенных светил и стихий: одно и то же божество может быть то супругом, то супругой другого [Афанасьев 2002: 22-23, 98-99]. Солнце и месяц рассматриваются в родственной связи – или как сестра и брат, или как супруги. Проанализируем следующий пример, в котором фигурируют три центральные области-мишени: *die SONNE 'СОЛНЦЕ'*, *die LUNA 'ЛУНА'*, *die STERNE 'ЗВЕЗДЫ'*, образующие в рамках стихотворного текста целостный композиционный образ: *Einst am Himmel glänzten, / Eh'lich vereint, / Luna, die Göttin, und Sol, der Gott, / Und es wimmelten um sie her die Sterne, / Die kleinen, unschuldigen Kinder. / Doch böse Zungen zischelten Zwiespalt, / Und es trennte sich feindlich / Das hohe, leuchtende Eh'paar. / Jetzt am Tage, in einsamer Pracht, / Ergeht sich dort oben der Sonnengott, / Ob seiner Herrlichkeit / Angebotet und vielbesungen / Von stolzen, glückgehärteten Menschen. / Aber des Nachts, / Am Himmel, wandelt Luna, / Die arme Mutter, / Mit ihren verwaisten Sternenkindern, / Und sie glänzt in stiller Wehmut, / Und liebende Mädchen und sanfte Dichter / Weißen ihr Tränen und Lieder. / Die weiche Luna! Weiblich gesinnt, / Liebt sie noch immer den schönen Gemahl. / Gegen Abend, zitternd und bleich, / Lauscht sie hervor aus leichtem Gewölk, / Und schaut nach dem Scheidenden, schmerzlich, / Und möchte ihm ängstlich rufen: „Komm! / Komm! die Kinder verlangen nach dir –,, / Aber der trotzig Sonnengott, / Bei dem Anblick der Gattin erglüht er / In doppeltem Purpur, / Vor Zorn und Schmerz, / Und unerbittlich eilt er hinab / In sein flutenkaltes Witwerbett (Heine. Sonnenuntergang). Из этого отрывка становится ясно, что *die SONNE 'СОЛНЦЕ'* и *die LUNA 'ЛУНА'* – это расставшаяся божественная супружеская пара, где *die STERNE 'ЗВЕЗДЫ'* – это невинные дети-малютки. *Die LUNA 'ЛУНА'* – богиня и их несчастная мать, которая все еще любит своего супруга и украдкой наблюдает за ним, желая крикнуть ему, чтобы он вернулся. Однако *die SONNE 'СОЛНЦЕ'*, ее божественный супруг,*

упрям. Краснея от гнева и боли, он спешит прочь. Таким образом, они никогда не встречаются. Уже в другом стихотворении Г. Гейне «*Untergang der Sonne*» *die SONNE* 'СОЛНЦЕ' осмысливается в качестве прекрасной женщины, супруги бога моря, за которого она вышла замуж по соглашению.

Итак, под коррелятивной метафорической моделью нами понимается схема связи между двумя или более группами соотносящихся между собой понятийных областей. В основе стихотворения с несколькими концептуальными метафорами может лежать либо одна центральная (базовая) область-мишень и группа вспомогательных областей-мишеней (две, три и т.д.) с относящимися к ним областями-источниками, либо связка центральных областей-мишеней. В связке концептуальных метафор с центральными областями-мишенями невозможно выделить одну ведущую. Инкорпорирующая модель может включаться в структуру полиметафорической коррелятивной модели.

2.3. Проблемы перевода метафоры в поэтическом дискурсе

В настоящем разделе диссертационного исследования нами устанавливается устойчивость концептуального наполнения и структуры метафоры при трансляции из одной лингвокультуры в другую.

Как известно, перевод метафоры требует особых когнитивных усилий. Переводчик всегда стоит перед проблемой восприятия и переработки чужого «ментального содержания», поскольку в своем переводном тексте он не излагает собственной идеи, но лишь вербализует идеи, сформированные автором оригинала. Не исключается, что переводчик, «проецируя» ИТ в свое ментальное пространство, обнаруживает неидентичность или несоотнесенность собственных ментальных структур с теми параметрами, которые «заданы» ИТ [Фесенко 2002б: 129-130]. При соответствии определенных участков ментальных сфер (и ментальных пространств) индивидов образуются участки пересечения, обеспечивающие появление

«зон» понимания. Чем шире участки пересечения ментальных сфер автора ИТ и переводчика (то есть чем обширнее их общий фонд знаний), тем обширнее актуализируемые у переводчика «зоны понимания», «отвечающие» за реконструкцию смыслового содержания ИТ [Фесенко 2002б: 139]. Следовательно, для успешного осуществления перевода необходимо, чтобы автор оригинала и переводчик обладали *общностью знаний об исходном языке, а также общностью знаний о мире в форме образов сознания в целом и о данной конкретной лингвокультуре в частности.*

Как отмечает Т.А. Фесенко, воспринимаемый переводчиком исходный текст никогда не будет наполнен для него тем смыслом, который вкладывал в него автор, поскольку каждая культура имеет в своей основе собственную систему социальных стереотипов, образов и когнитивных схем, а за каждым вербальным знаком стоит фрагмент образа мира данной конкретной культуры, репрезентируемый, в частности, концептами [Фесенко 2002б: 179]. По замечанию Дж. Лакоффа, различия, кроющиеся в концептуальных системах, подтверждают наличие трудностей при переводе с одного языка на другой, но, так как способности концептуализации одинаковы в разных лингвокультурных сообществах, предполагается возможность перевода и понимания между представителями различных лингвокультурных сообществ [Лакофф 2004: 404-405]. Так как перевод метафоры достаточно сложен, по нашему мнению, большую роль при этом должен играть концептуальный перевод, основу которого составляет положение, что переводу подвергаются не вербальные единицы, а стоящие за ними концепты. Процессуально концептуальный перевод реализуется в следующем режиме: переводчик к заданной вербальной единице в исходном языке исходного текста вызывает соответствующий ментальный образ (концепт), который, в свою очередь, репрезентируется вербальной единицей языка перевода [Фесенко 2002а: 67].

Итак, оптимальный перевод метафоры может иметь место в том случае, когда содержание, вкладываемое автором исходного текста, хорошо

согласуется с извлекаемой переводчиком информацией. Легче всего это достигается, если одинаковые концептуальные метафоры наличествуют и равнозначны в обыденном сознании представителей рассматриваемых лингвокультур, например концептуальная метафора *ПАСТЫРЬ, ПАСТУХ* → *der MOND (МЕСЯЦ)*:

Mond, der Hirt, lenkt seine Herde / Einsam über Wald herauf...

(Eichendorff. Der stille Freier)

Пастырь – месяц гонит смело / В небесах стада свои...

(Эйхендорф. Тихий жених (пер. П. Карна))

Данная метафора уходит корнями в мифологию, где месяц воспринимается как бог-облачитель, который покрывает небо дождевыми тучами, или, выражаясь метафорически, заволакивает его облачным руном, выгоняет на небесные пастбища облачные стада. Первоначально месяц заведовал небесными, мифическими стадами, был их владыкою и пастырем, но потом, с утратой народом сознательного отношения к своим старинным представлениям, ему было приписано покровительствовать и охранять обыкновенные земные стада [Славянские мифы 1998: 22]. В рассматриваемом примере концептуальная метафора *der HIRT (ПАСТЫРЬ, ПАСТУХ)* → *der MOND (МЕСЯЦ)* исходного текста (ИТ) и конечного текста (КТ) совпадает. Различие состоит в том, что в ИТ месяц – пастух земных стад, а в КТ – небесных.

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, в близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты оказываются неполностью совпадающими по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации [Попова, Стернин 2002: 20]. Данное положение актуально и для схожих концептуальных метафор рассматриваемых лингвокультур, различие которых состоит в частичном несовпадении их «наполнения» в рамках исходного и конечного поэтических текстов.

Метафорическое осмысление концептов *die SONNE / der SOL (СОЛНЦЕ)*, *der MOND / die LUNA (МЕСЯЦ / ЛУНА)*, *die STERNE (ЗВЕЗДЫ)* в исходных и конечных поэтических текстах немецкого и русского языков во многом совпадает, что объясняется схожим «фондом» культур. Однако наряду с «устойчивыми универсальными» выявляются и «национально-специфические» смыслы. При установлении этого основную роль играет концептуальный перевод, так как речь в данном случае идет о трансляции образов сознания из одной лингвокультуры в другую. Данный процесс обусловлен деятельностью переводчика, который, пропуская ИТ через свое ментальное пространство, вербализует конструкты как собственной лингвоментальной деятельности, так и своего лингвокультурного сообщества в целом.

В результате осмысления концептуальных метафор русской и немецкой лингвокультур, рассматриваемых в рамках ИТ и КТ, складывается образ *ЛУНЫ* как мягкой, кроткой, нежной и печальной *ЖЕНЩИНЫ*, которая все еще любит своего красавца мужа, как заботливой, но несчастной *МАТЕРИ*, *БОГИНИ*:

*Einst am Himmel glänzten, / Eh'lich vereint, Luna, die Göttin, und Sol, der Gott, /
Und es wimmelten um sie her die Sterne, / Die kleinen, unschuldigen Kinder...
Aber des Nachts, / Am Himmel, wandelt Luna, / Die Arme Mutter, / Mit ihren
verwaisten Sternenkindern.*

(Heine. Sonnenuntergang)

*Некогда в небе сияли, / В брачном союзе, Луна – богиня и Солнце – бог; / А
вкруг их роились звезды, / Невинные дети – малютки...
А ночью / По небу бродит луна, / Бедная мать, / Со своими сиротками-
звездами.*

(Гейне. Закат солнца (пер. М. Михайлова))

К образу *ЛУНЫ*, характерному для русской лингвокультуры, следует также добавить, что у нее есть сердце, через которое она «профильтровывает» все свои чувства:

Die weiche Luna! Weiblich gesinnt / Liebt sie noch immer den schönen Gemahl
(Женским незлобивым сердцем / Все ещё любит луна / Своего красавца
мужа). (Гейне. Закат солнца (пер. М. Михайлова))

В ИТ автор обращает особое внимание на различия между мужским и женским типом мышления («*weiblich gesinnt*»), в то время как автор КТ заостряет особое внимание на том, что ЛУНА любит «*женским сердцем*». При этом автор ИТ и переводчик репрезентируют образы сознания своего лингвокультурного сообщества. Если в немецком языке упор делается на рассудительность немецкого характера, то для русской ментальности характерно обращение к душе, сердцу.

Метафорическое осмысление концепта СОЛНЦЕ представителями двух лингвокультур во многом совпадает. Оно может быть гордым, упрямым и безутешно покорным, а также радовать окружающих своим теплым и светлым взглядом, за что воспето, хвалимо и любимо, например:

Die Sonne sei / Eine schöne Frau, die den alten Meergott / Aus Konvenienz
geheiratet...

Versteht sich! bricht dann aus in Tränen / Die stolze Sonne und klagt ihr Elend...

(Heine. Untergang der Sonne)

Солнце-Красавица, что ради почета / Вышла замуж за дряхлого бога
морей...

Конечно же, горько рыдает / Гордое солнце и жалуется на судьбу...

(Гейне. Закат солнца (пер. Г. Ратгауза))

Отметим, что в данном отрывке из стихотворения Г. Гейне «Закат солнца» авторы ИТ и КТ репрезентируют образы сознания своего лингвокультурного сообщества, так как автор КТ заостряет внимание на том, что солнце «*жалуется на судьбу*», в то время как автор ИТ обращает внимание на его беду, жалкое состояние («*ihr Elend*»). Если представители русского лингвокультурного сообщества часто ищут причину своих неудач в других и полагаются на случай, то представители немецкого социума не привыкли жаловаться на судьбу.

Рассмотрим еще один пример перевода вербализованных концептуальных метафор немецкой и русской лингвокультур и попытаемся выявить их национально-культурную специфику путем перевода.

Aus violetter Gewölk, unheimlich, / Schaut hervor der grasgelbe Mond.

(Heine H. Der Gesang der Okeaniden)

Месяц, как желтый лист осенью, - / Грустно сквозь сизого облака смотрит.

(Гейне Г. Песнь Океанид (пер. М. Михайлова))

В данном примере автор ИТ и переводчик репрезентируют образы сознания своего лингвокультурного сообщества, вербализуя концептуальные метафоры желтая ТРАВА → *der MOND* и желтый ЛИСТ → *МЕСЯЦ* соответственно. Так, для русского человека первый признак наступления осени и эквивалент желтого цвета – желтый лист, в то время как для человека, принадлежащего к немецкому языковому сообществу, осень, прежде всего, ассоциируется с желтеющей травой, которая для него же одновременно является и эквивалентом желтого цвета. Следовательно, содержание, вкладываемое автором исходного текста, не согласуется с извлекаемой переводчиком информацией, так как репрезентирует особенности лингвокультуры автора КТ, а не ИТ.

Относительно структурной устойчивости необходимо отметить, что существует несколько возможных способов перевода метафоры:

1. Метафора исходного языка (ИЯ) переводится эквивалентными конструкциями языка перевода (ПЯ):

- ***Der Mond ist mein Begleiter***, / ... / «*Ich danke dir, alter Vertrauter, ...*» (***Мой провожатый – месяц*** – / ... / «Спасибо, ***старый товарищ***, ...» (Heine H. Wie dunkle Traeume stehen / Гейне Г. Как темный ряд видений (пер. В. Гиппиус)),

- *Aber des Nachts, / Am Himmel, wandelt Luna, / Die Arme Mutter...* (*А ночью / По небу бродит луна, / Бедная мать...*) (Heine H. Sonnenuntergang / Гейне Г. Закат солнца (пер. М. Михайлова)),

- Тихо смотрит месяц ясный / В колыбель твою (Ruhig blickt der Mond ins Stuebchen) (Лермонтов М. Казачья колыбельная песня / Lermontow M. Wiegenlied einer Kosakenmutter (übers. von Andreas Ascharin)),
- Liebt sie (die Luna) noch immer / den schönen Gemahl (Все еще любит луна / Красавца мужа) (Heine H. Sonnenuntergang / Гейне Г. Закат солнца (пер. М. Михайлова)),
- И месяц, и звезды, и тучи толпой / Внимали той песне святой (Und Sterne und Mond und die Wolken all, / Sie lauschten dem heiligen Hall) (Лермонтов М. Ангел / Lermontow M. Der Engel (übers. von Uwe Gruening)),
- Mond, der Hirt, lenkt seine Herde / Einsam über Wald herauf... (Пастырь – месяц гонит смело / В небесах стада свои...) (Eichendorff J. von. Der stille Freier / Эйхендорф Й. Тихий жених (пер. Поэль Карн)) и т.д.

2. Метафора ИЯ транслируется другими структурными конструкциями в ПЯ:

- ... die Sterne, / Die kleinen, unschuldigen Kinder... (... звезды, / Невинные дети-малютки) (Heine H. Sonnenuntergang / Гейне Г. Закат солнца (пер. М. Михайлова)),
- Euch bedaur' ich, ungluecksel'ge Sterne, / Die ihr schoen seid und so herrlich scheinet, / Dem bedraengten Schiffer gerne leuchtet, / Unbelohnt von Goettern und von Menschen...(Вы мне жалки, звезды-горемыки! / Так прекрасны, так светло горите, / Мореходу светите охотно, / Без возмездья от богов и смертных...) (Goethe J. Nachtgedanken / Гёте И. Ночные мысли (пер. Ф. Тютчева)),
- Der Mond schaut immer blasser (Лик месяца бледнеет) (Heine H. Der Abend kommt gezogen / Гейне Г. Вечер пришел безмолвный (пер. А. Блока)),
- Wind ist Trost... (Ветер лечит...) (Rilke R.M. Sonette an Orpheus, III / Рильке Р.М. Сонеты к Орфею (пер. З. Миркиной)) и др.

3. Метафора ИЯ переводится не метафорическим выражением, а с помощью сравнения или перифразы:

- Aus violetter Gewölk, unheimlich, / Schaut hervor **der grasgelbe Mond** (**Месяц**, как **желтый лист** осенью, - / Грустно сквозь сизого облака смотрит) (Heine H. Der Gesang der Okeaniden / Гейне Г. Песнь Океанид (пер. М. Михайлова)) и пр.

4. Метафора ИЯ передается нейтральными языковыми единицами в ПЯ:

- Отуманен **лунный лик** (Nebel hat den Mond verummt) (Пушкин А.С. Зимняя дорога / Puschkin A.S. Winterreise (übers. von R.-D. Keil)),

- **Der Mond** von einem Wolkenhügel / **Sah kläglich** aus dem Duft hervor (Луна мерцала над полями, / Бледнея в дыме облаков)(Goethe J.W. von. Willkommen und Abschied / Гете И.В. Свидание и разлука (пер. М. Михайлова)) и т.д.

Итак, метафора способствует как выявлению «национальных смыслов» и, следовательно, выделению особенностей различных менталитетов, так и обнаружению «устойчивых универсальных смыслов», присущих ряду народов и способствующих их непосредственному сближению, что достигается благодаря концептуальному переводу. Следует отметить, что метафорическое осмысление концептов природных явлений в исходных и конечных поэтических текстах немецкого и русского языков во многом совпадает, что объясняется схожим «фондом» знаний. Касательно устойчивости концептуального содержания, необходимо отметить, что она может быть полной или частичной. Кроме того, концептуальное наполнение может полностью не совпадать в культуре-доноре и культуре-реципиенте. С точки зрения структурной устойчивости метафора ИЯ может переводиться эквивалентными, либо различными конструкциями ПЯ, транслироваться в культуру-реципиент не метафорическим выражением, а с помощью сравнения или перифраза или передаваться нейтральными языковыми единицами в ПЯ.

2.4. Фонетическая, грамматическая, графическая метафоры как вспомогательные способы репрезентации знаний о концептах природных явлений в русско- и немецкоязычном поэтических дискурсах

Анализ практического материала свидетельствует о том, что метафоризация концептов природных явлений осуществляется также на фонетическом и грамматическом уровнях. Кроме того, для репрезентации знаний о концептах природных явлений используется графическая метафора.

2.4.1. Фонетическая метафора

Поэзия, как известно, тяготеет к сжатости, к максимальной концентрированности словесной формы. Можно утверждать, что в стихах существует фонетическая или звуковая метафора, основанием которой, служит формальная ассоциативная связь. В этом случае учитываются ассоциации по означаемому: семантическое сближение на основе ассоциаций по сходству, смежности, или противопоставлению звуковой стороны языкового знака [Любимова, Пинежанинова, Сомова 1996: 34].

Основой фонетической метафоры служит эвфония (звуковая организация поэтической речи, особенно в тех ее элементах, правила повтора которых не канонизированы (как в случае метра или рифмы), - таковы, к примеру, звуковые повторы), полно и подробно исследованная в теории литературы [Любимова, Пинежанинова, Сомова 1996; Тростников 2000; Сулова 2001 и др.].

Фонетическая метафора возникает в том случае, когда эвфония становится образно и символически нагруженной, когда звуковая организация текста:

- 1) играет доминирующую роль в создании образа;

2) создает дополнительный ряд образов, сочетающихся с образами созданными чисто лексическими средствами [Тростников 2000: 21]. Показательными являются следующие примеры:

*Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.
(Цветаева. В огромном городе моем - ночь ...)*

Данное стихотворение одним своим фонетическим строем даже в отрыве от семантического наполнения текста рисует перед нами картину одиноко и тоскливо завывающего ветра путем повторения в последнем слове каждой строки (путь, чуть, дуть, грудь) буквосочетаний *уть*.

В следующем примере обилие гласных, в особенности звуков /i/ и /u/, также «озвучивает» ветер, однако в данном случае фонетическая метафора лишь дополняет образ ветра:

*Was treibst du, Wind,
Du himmlisches Kind?
Du flügelst und flügelst umonst in der Luft!
«Nicht Wanderscherz!
Ich nähre das Herz
Mit Erdgeruch und Waldesduft!»*

*Was bringst du, Wind,
Du himmlisches Kind?
«Einen Morgengruß, einen Schrei der Lust!»
Aus Vogelkehle nur?
Aus Lerchenseele nur?
«Nein, nein! Aus voller Menschenbrust!»*

*Was trägst du, Wind,
Du himmlisches Kind?
«Seeüber ein wallend, ein hallend Geläut!»
Senken sie ein
Den Totenschrein?
«Nein, nein! Sie halten Hochzeit heut!»*

(Meyer. Was treibst du, Wind)

В стихотворении Г.Р. Державина «Гром» картина грозы изображается автором не только словами-красками, но и словами-звуками, при этом

подчеркивается неравномерность раскатов грома во времени разбросом звуков /р/ и /т/, за счет чего расширяется наше представление о природном явлении. Кроме того, звук /р/ включает в круг ассоциаций нечто грозное, зловещее, быстрое, то есть не выходит за рамки общего настроения, передаваемого смыслом фрагмента:

*В тяжелой колеснице грома
Гроза, на тьме воздушных крыл,
Как страшная гора несомая,
Жмет воздух под собой, — и пыль...
Ревут берега и воет лес.
Средь тучных туч, раздранных с треском,
В тьме молнии багряным блеском
Чертят гремящих след колес...
Сверкнул, взревел, ударил гром;
И своды потряслися звездны;
Стократно отгласились бездны,
Гул восшумел, и дождь и град...*

Н.А. Любимова, Н.П. Пинежанинова, Е.Г. Сомова, рассматривая в книге «Звуковая метафора в поэтическом тексте» стихотворения А. Блока, отмечают, что в звукоподражании поэт использует и разнообразные способы создания монотонии звукового процесса [Любимова, Пинежанинова, Сомова 1996: 29]. Так, во фрагменте *И даль оделась в сети / И долгого и тонкого дождя* повтором /да/, /де/, /до/, /до/, /д'а/ звуковой состав усиливает семантику длительности и монотонности звуковой картины, напоминая падение дождевых капель.

Звук, приобретая значение, соотносимое со значением слова, в состав которого он входит, может вовлекаться в сложные ассоциативные связи со смыслом целого фрагмента:

*И как тихий дальний топот, за окном я слышу ропот,
Непонятный, странный шепот — шепот капель дождевых
(Бальмонт. Грусть)*

Так, звук /о/, соотносясь с семантикой тех слов, в которые он входит, передает динамику и интенсивность звука, производимого

каплями дождя: вырисовывается картина едва капающего и что-то шепчущего дождя.

Н.А. Любимова, Н.П. Пинежанинова, Е.Г. Сомова (1996) также развивают мысль о том, что поэзия превращает звуки в самостоятельные смысловые единицы.

Например, в стихотворении В. Брюсова «Облака» в создании метафоры участвуют доминанты «л», «о», «п», общая признаковая характеристика которых — «хороший», «неяркий», «большой» [Любимова, Пинежанинова, Сомова 1996: 92, 138-140]: *Облака опять поставили / Паруса свои. / В зыбь небес свой бег направили / Белые ладьи. // Тихо, плавно, без усилия / В даль без берегов / Вышла дружная флотилия / Сказочных пловцов. // И, пленясь теми сферами, / Смотрим мы с полей, / Как скользят рядами серыми / Кили кораблей* (Брюсов. *Облака*). Следовательно, представители русского лингвокультурного сообщества расширяют свои знания о таком природном явлении, как ОБЛАКА также и с помощью фонетических средств.

Разумеется, интерпретация фонетической метафоры во многом зависит и от эмоциональной подготовленности читателя, и от его настроения при восприятии стиха, и от тезауруса общекультурного и лингвистического плана. Кроме того, при оценке звуковой стороны, например, русского поэтического текста у представителей другого языка возникнут ассоциации, «воспитанные» системой их родного языка, а также присущими данной языковой общности культурными и социальными традициями [Любимова, Пинежанинова, Сомова 1996: 20, 76-77]. Однако фонетическая метафора, бесспорно, является дополнительным средством метафоризации концептов природных явлений.

2.4.2. Грамматическая метафора

В то время как фонетическая метафора - явление, относящиеся к известным и достаточно полно изученным, о грамматической метафоре

говорят лишь немногие исследователи, хотя образосозидающая и мыслеформирующая роль грамматической структуры поэтического текста отмечалась достаточно давно. Стала хрестоматийной основополагающая работа Р.О. Якобсона «Поэзия грамматики и грамматика поэзии». Кроме того, ряд работ, появившихся в последнее время, также затрагивает смежные проблемы. Однако термин «грамматическая метафора» и основы практической разработки этого типа метафоры заложены Е.И. Шендельс и Е.Г. Эткинсом. Е.И. Шендельс отмечает, что возможности грамматической метафоры несравненно беднее вследствие того, что словоформы ограничены в своей подвижности и сочетаемости; грамматическая образность менее ярка и индивидуальна, чем образность слов, так как грамматические значения отличаются своим обобщенным, абстрактным иногда нечетким характером [Шендельс 1972: 50]. В статье «Грамматическая метафора» она рассматривает грамматическую морфологическую метафору, которой можно считать перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой с целью создания образности [Шендельс 1972: 51]. М.В. Тростников, также затрагивающий в рамках своей работы грамматический тип метафоры, отмечает, что ее основой служит оригинальный морфологический и / или синтаксический строй стихотворения, образующий в поэтическом тексте особую образную структуру, параллельную семантической и независимо от нее [Тростников 2000: 26]. По его мнению, наиболее распространенной является синтаксическая метафора, появившаяся еще в поэзии XVIII века.

Н.Ф. Крюкова упоминает такой способ создания грамматической метафоры, как умолчание, которое представляет собой логическую и структурную незавершенность предложения. Как синтаксическое средство метафоризации оно не является приемом, выражающим нежелание продолжать (как в разговорной речи) или эвфемизмом (как нежелание называть что-то), а скорее рассчитано на риторический эффект (предупреждение, угроза). Часто информативная насыщенность текста достигается за счет его уплотненности, которая проявляется, прежде всего, в

повышенной предикативности. Бессоюзие придает изложению большую плотность, сжатость, компактность, энергический характер, ускоренный темп. Следующая группа синтаксических средств метафоризации, по мнению автора, связана с избыточным употреблением компонентов речи как различных видов повтора. Например, плеоназм – повторение сходных слов и оборотов, нагнетание которых создает тот или иной эффект; обрамление – повтор, при котором элемент, стоящий в начале речевого отрезка, повторяется в конце его, занимая, таким образом, психологически наиболее отчетливо выделенные синтаксические позиции; многосоюзие передает целеустремленность и единство перечисляемого (при этом, в отличие от простого перечисления, выделяется каждый компонент). Третья группа синтаксических средств метафоризации представлена инверсией как необычным размещением компонентов речи. При удачной инверсии резко меняющаяся интонация придает стиху большую выразительность [Крюкова 2000].

Итак, наиболее распространенный прием создания синтаксической метафоры – употребление разного рода несвойственных тому или иному языку конструкций, сложных синтаксических структур.

Приведем пример в качестве доказательства вышесказанного:

*Из душных туч, змеясь, зигзаг зубчатый
Своей трескучею стрелой,
Запламенясь, в разъятые Палаты
Ударил, как иглой.*

(Белый. Декабрь 1916 года)

Правомерно заключить, что образ молнии и наше осмысление данного природного явления создается в стихотворении не только лексическими, но и синтаксическими средствами. Сложная зигзагообразная синтаксическая структура (удаленность подлежащего и сказуемого, деепричастные обороты до и после подлежащего и др.) приведенного высказывания отображают невозможность быстро охватить и воспринять это сложное по своей природе

явление – лишь внимательно прочитав фразу, «всмотревшись» в «зигзаг зубчатый», можно осознать, что же именно предстает перед нашими глазами.

Сложная синтаксическая структура характерна для репрезентации концепта *МОЛНИЯ*:

И на утес понесся дальний, / Змеясь, пучок огнистых стрел

(Белый. Гроза в горах)

В следующем примере затяжной характер дождя подчеркивается и синтаксической структурой предложения, где подлежащее отделено от сказуемого, в результате чего предложение лишено динамичности, что усиливает семантику длительности и монотонности дождя.

И дождь, затяжной, как нужда, / Вывешивает свой бисер

(Пастернак. Пространство)

В отрывке из стихотворения В. Брюсова «Зерно» хаотичное движение ветра, его неуправляемость, подчиненность лишь собственным законам отражается и в синтаксической структуре за счет удаленности подлежащего и сказуемого:

*... В открытом поле надо мною
Гуляет, волен и беспутен,
Январский ветер ледяной.*

(Брюсов. Зерно)

Динамичность же и порывистый характер ветра подчеркиваются концентрированностью сказуемых, их повтором, как в следующем примере:

... а ветер ласкает, целует,

Целует меня без конца.

(Белый. Шатаясь, склоняется колос)

Интересным представляется также пример, рассматриваемый в рамках немецкой лингвокультуры:

Der Pfeile Wolken fliegen mit dem Winde...

(Heym. Der Pfeile Wolken fliegen mit dem Winde)

В данном случае не типично образование генитивной метафоры ‘*стрелы тучи*’. Имя существительное, стоящее в генитиве, как бы «вбирает» в себя имя существительное, стоящее в номинативе. Это еще раз

подчеркивает наличие в обыденном сознании образа *ТУЧИ – ВМЕСТИЛИЩА*, что достигается в данном случае благодаря грамматической метафоре.

Таким образом, пересечение лексического и синтаксического строя стихотворения позволяет говорить о «метафоричности» синтаксиса стихотворения, а также о наличии в приведенных примерах особой, синтаксической метафоры и, соответственно, о расширении представлений о концептах *ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ* носителями русского и немецкого языков с помощью грамматической синтаксической метафоры, которая раскрывает их особым образом.

2.4.3. Графическая метафора

По мнению И.В. Арнольд, «графику нельзя рассматривать как один из уровней языка, так как ее отношение к уровням не характеризуется интегративностью и иерархичностью. Предложение не сегментируется на знаки препинания, а только маркируется ими, фонемы не образуются буквами. Следовательно, мы имеем дело не с особым уровнем, а с особым кодом» [Арнольд 1990: 241-242]. К графической образности нужно отнести фигурные стихи. И.В. Арнольд пишет, что фигурные стихи не являются изобретением новой поэзии, а термин «фигурные» отражает их сущность. Так называются стихотворения, строки которых расположены таким образом, что весь текст имеет очертание какой-либо фигуры. Внешний вид стихотворения в какой-то мере соответствует его теме и содержанию [Арнольд 1990: 239].

Фигурный стих дает наглядное представление о том предмете, который описан в тексте словами, можно сказать, предлагает читателю-зрителю графический дубликат словесного образа. Например, И. Рукавишников текст собственного стихотворения о звезде и оформил в виде звезды:

и
кто
придя
в твои
запретныя
где б не был до того никто
найдет безмолвныя твои
и тайны света низведя
в тьме безответныя
родит тебе мечты
тот светлый ты
твоя звезда живая
твой гений двойника
его смиренно призывая
смутясь молись издалика
а ты а ты вечерняя звезда
тебе туда
глядеть
где я
я

Если в этом фигурном стихе и в подобных ему произведениях функция графического образа вторична, то в авангардистских образцах визуальной поэзии - в творчестве поэтов первой половины XX века В. Каменского, К. Моргенштерна, Э.Э. Каммингса, в немецкоязычной «конкрет-поэзии» 1950-х годов, в экспериментальном творчестве современных авангардистов В. Барского, Д. Авалиани, А. Горнона, Р. Никоновой, С. Сигея - формы графической композиции самоценны. Они уже не принадлежат исключительно литературе, а представляют собой новый вид творчества, в котором словесный ряд литературы равен предметному ряду изобразительного искусства.

Так, в следующем примере, где графическая метафора образуется за счет образного переосмысления графемы, созданный образ ветра осмысливается как нечто хаотичное и изменчивое. Его направление трудно предугадать.

w w
d i
n n n
i d i d
w w

(Eugen Gomringer. Wind)

Следует отметить, что семантика элементов графического уровня в структуре текста может вступать в разные отношения с семантикой

элементов других уровней: дублировать ее, корректировать ее, противопоставляться ей, даже ее отменять. Таким образом, авторы могут оперировать семантикой произведения с помощью графических средств. Такой точки зрения на потенциал графики придерживается М.Л. Гаспаров [Гаспаров 1993: 24]. В рассматриваемом далее примере наблюдается пересечение графической и синтаксической метафор как вспомогательных способов метафоризации концепта *der MOND* 'МЕСЯЦ / ЛУНА';

*Das Mondschaft steht auf weiter Flur.
Es harrt und harrt der großen Schur.
Das Mondschaft.*

*Das Mondschaft rupft sich einen Halm
und geht dann heim auf seine Alm.
Das Mondschaft.*

*Das Mondschaft spricht zu sich im Traum:
»Ich bin des Weltalls dunkler Raum.«
Das Mondschaft.*

*Das Mondschaft liegt am Morgen tot.
Sein Leib ist weiß, die Sonn ist rot.
Das Mondschaft.*

(Morgenstern. Das Mondschaft)

Анализ данного стихотворения позволяет благодаря переосмыслению графемы представить образ овцы, а синтаксическая метафора, вводимая обрамлением, то есть повтором, при котором элемент, стоящий в начале речевого отрезка, повторяется в конце его, занимая, таким образом, психологически наиболее отчетливо выделенные синтаксические позиции, поддерживает данный образ.

Следовательно, графические стилистические средства весьма разнообразны и тесно связаны с фонетическими, грамматическими, лексическими и другими выразительными средствами языка. Графической форме текста может быть придан особый семантический статус. Графика – это особая система знаков и правил их употребления, предназначенная для хранения и передачи вербального сообщения в виде, пригодном для

зрительного восприятия. Графика играет большую роль в создании особой выразительности и помогает с иной стороны подходить к осмыслению концептов природных явлений в рамках поэтического дискурса.

Выводы по главе II

Рассмотрение способов метафорического моделирования концептов природных явлений позволило выявить наличие как **монометафорических**, так и **полиметафорических** моделей, представляющих собой особым образом объединенные монометафорические модели. Обращение к изучению метафоризации концептов природных явлений на материале поэтического дискурса в рамках **монометафорической модели**, включающей в себя несвязанные между собой метафорически осмысленные концепты природных явлений, показало: если взять за основу понятийную дифференциацию областей-источников метафорического моделирования, то можно выделить пять основных типов моделей, актуализируемых в рамках проводимого нами исследования: антропоморфную, зооморфную, фитоморфную, натуроморфную и артефактную (предметную) метафоры. Самыми продуктивными метафорическими моделями, дополнительно структурирующими информационное содержание концептов природных явлений *ОБЛАКО / ТУЧА (die WOLKE)*, *МЕСЯЦ / ЛУНА (der MOND)*, *СОЛНЦЕ (die SONNE)*, *ЗВЕЗДА (der STERN)*, *БЕТЕП (der WIND)*, *ПАДУГА (der REGENBOGEN)*, *МОЛНИЯ (der BLITZ)*, *ГРОМ (der DONNER)*, *СНЕГ (der SCHNEE)*, *ДОЖДЬ (der REGEN)*, являются антропоморфные и артефактные (предметные) концептуальные метафоры.

Артефактная метафора, описывающая концепты природных явлений, охватывает несколько областей: постройки; домашняя утварь (осветительные приборы, церковная утварь и посуда); хозяйственный инвентарь; механизм; оружие (предназначенное не для охоты, а для битвы); музыкальные инструменты; средства передвижения; вместилище; поверхность (постилка, покрывало и т.д.); одежда; головной убор; украшения и драгоценные камни; металлы; материал; продукты питания, изготовленные человеком.

Постепенно на периферию уходит метафора орудия труда, связанная с разного рода хозяйственной деятельностью, – невод, сеть для ловли рыбы,

соха, молот. В русскоязычном поэтическом дискурсе происходит активизация языческих метафор, оттесненных на периферию (например, музыкальных метафор) в связи с отменой христианских запретов. Наиболее часто привлекаемыми областями-источниками для репрезентации концептов природных явлений представителями русской лингвокультуры являются также осветительные приборы, оружие, украшения и драгоценные камни. Для носителей немецкого языка характерны метафоры строительных сооружений и оружия.

Отмечается варьирование областей-источников, привлекаемых для метафоризации константных областей-мишеней, либо использование одинаковых областей-источников для метафорической экспансии в различные области-мишени в зависимости от лингвокультуры, в рамках которой происходит метафорическое осмысление рассматриваемых концептов природных явлений. Так, в русском языке *СОЛНЦЕ* концептуализируется в качестве *ОТЦА*. В немецкоязычном поэтическом дискурсе *die SONNE* '*СОЛНЦЕ*' представляется *МАТЕРЬЮ*. Процесс метафоризации затрагивает отображение из области-источника *СТРОЕНИЕ* на содержание концептов природных явлений *СОЛНЦЕ* (*die SONNE*), *РАДУГА* (*der REGENBOGEN*), *ОБЛАКО* / *ТУЧА* (*die WOLKE*) следующих признаков: «тип строения» – *ТЕРЕМ, ПАЛАТЫ, МОСТ, БАШНИ, РАЗВАЛИНЫ* (в русскоязычном поэтическом дискурсе) и *ДОМ, ХРАМ (СВЯТИЛИЩЕ), МОСТ, ЗАМОК, УКРЕПЛЕНИЕ* (в немецкоязычном поэтическом дискурсе). В русском языке в качестве *ПТИЦЫ* чаще осмысливаются *СОЛНЦЕ, ЛУНА / МЕСЯЦ, ОБЛАКО / ТУЧА*, в немецком – *der WIND* '*ВЕТЕР*', *der STERN* '*ЗВЕЗДА*'. В качестве *МУЗЫКАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА* (*СВИРЕЛИ, ФЛЕЙТЫ, ДУДКИ, БАРАБАНА, БУБНА, ГУСЛЕЙ, РОЖКА*) в русскоязычном поэтическом дискурсе концептуализируются *ВЕТЕР, СОЛНЦЕ, ЛУНА*. В немецкоязычном поэтическом дискурсе как *ОРГАН, ТРОМБОН, ГОРН* метафорически осмысливается *der DONNER* '*ТРОМ*', в чем также проявляется национально-культурная специфика.

На основании анализа фактического материала можно заключить, что на разных этапах своего развития общество манифестирует различные «программы» взаимоотношений с природными явлениями, поэтому в современном языке зафиксировано как современное, так и «реликтовое», архетипичное понимание природных явлений.

Основанием метафорической экспансии из области-источника в область-мишень, представленную концептами природных явлений служит: сходство формы, размера, динамичности, функций, тождество цвета, света и интенсивности блеска, производимого звука, а также температурных, реляционных характеристик и количественных параметров.

Анализ выявил следующее структурное превалирование рассматриваемых вербализованных метафор: субстантивная метафора – 64% / 58%, глагольная метафора – 24% / 28%, адъективная метафора – 12% / 14%. Необходимо отметить более высокий индекс употребления развернутых метафорических дескрипций с вербально выраженным компонентом сравнения в русскоязычном поэтическом дискурсе.

Полиметафорические модели подразделяются нами на **инкорпорирующую** (от позднелат. *incorporation* – включение в свой состав) и **коррелятивную** (от позднелат. *correlatio* – соотношение, взаимозависимость) **метафорические модели**, ибо концептуальные метафоры носителей конкретных лингвокультур часто взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, образуя сложные системы. Под *коррелятивной метафорической моделью* нами понимается наличествующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя или более группами непосредственно соотносящихся между собой понятийных областей и представляющих собой связанный метафорический образ двух или более природных явлений, то есть $(X - \text{это } Y) + (X1 - \text{это } Y1) \dots + (Xn - \text{это } Yn)$. *Инкорпорирующая модель* рассматривается нами как существующая и / или складывающаяся в сознании представителей той или иной

лингвокультуры сложная схема связи между понятийными областями, репрезентируемая формулой: $X - \text{это } Y + Y1 \dots + Yn$.

Простой расширенный метафорический образ является наиболее частотным в рамках **полиметафорической инкорпорирующей модели** и создается в результате конкретизации концептуальной метафоры, то есть он основан на объединении разных смысловых признаков одной реалии. В поэтическом дискурсе возможно также множественное метафорическое обозначение одной и той же реалии, что связано с ассоциативным мышлением.

Сложный расширенный метафорический образ состоит из нескольких областей-источников, привлекаемых для репрезентации одной области-мишени в рамках стихотворного текста, при этом возможны различные вариации комбинаций понятийной дифференциации областей-источников метафорического моделирования. Каждая из привлекаемых областей-источников может детализироваться за счет дополнительных «штрихов».

В конкретных вербализациях актуализируются не все знания и представления о том или ином концепте, а лишь те, которые релевантны для данной ситуации, что подкрепляется контекстом и актуально для **полиметафорической коррелятивной модели**. Наш исследовательский материал подтверждает, что связанная структура концептуальных метафор, где в качестве области-мишени рассматриваются концепты природных явлений, часто используется в русско- и немецкоязычном поэтических дискурсах, при этом привлекаются различные комбинации понятийной дифференциации областей-источников метафорического моделирования. Это могут быть как однотипные зооморфно-зооморфные, фитоморфно-фитоморфные, антропоморфно-антропоморфные, так и разнотипные метафорические модели, где в качестве источника используются концепты, заимствованные из разнообразных понятийных областей, например антропоморфно-артефактные, зооморфно-артефактные и т.д. Набор и количество концептуальных метафор в связке зависит, прежде всего, от индивидуальных предпочтений конкретного автора и от темы стихотворения.

В основе стихотворения с несколькими концептуальными метафорами может лежать либо одна центральная (базовая) область-мишень и группа вспомогательных областей-мишеней (две, три и т.д.) с относящимися к ним областями-источниками, либо связка центральных областей-мишеней. В связке концептуальных метафор с центральными областями-мишенями невозможно выделить одну ведущую.

Инкорпорирующая модель может включаться в структуру полиметафорической коррелятивной модели.

Исследование **устойчивости концептуального наполнения и структуры метафоры** при трансляции из одной лингвокультуры в другую подтверждает, что большую роль при переводе метафоры играет концептуальный перевод, основу которого составляет положение, что переводу подвергаются не вербальные единицы, а стоящие за ними концепты, тем самым уточняется сфера применения концептуального перевода. Оптимальный перевод метафоры может иметь место в том случае, когда содержание, вкладываемое автором исходного текста, хорошо согласуется с извлекаемой переводчиком информацией. Это достигается без затруднений, если одинаковые концептуальные метафоры наличествуют и имеют одинаковые номинации в обыденном сознании представителей рассматриваемых лингвокультур, например концептуальная метафора *ПАСТУХ*, *ПАСТЫРЬ* (*der HIRT*) → *МЕСЯЦ* (*der MOND*).

Касательно устойчивости концептуального содержания необходимо отметить, что она может быть полной или частичной. Кроме того, концептуальное наполнение может полностью не совпадать в культуре-доноре и культуре-реципиенте. С точки зрения структурной устойчивости метафора ИЯ может переводиться эквивалентными, либо различными конструкциями ПЯ, транслироваться в культуру-реципиент не метафорическим выражением, а с помощью сравнения или перифраза или передаваться нейтральными языковыми единицами в ПЯ.

Анализ практического материала свидетельствует о том, что **метафоризация концептов природных явлений** осуществляется помимо лексического также **на фонетическом и грамматическом уровнях**. Для репрезентации знаний о концептах природных явлений используется и **графическая метафора**.

Основой **фонетической метафоры** служит эвфония. Фонетическая метафора возникает в том случае, когда эвфония становится образно и символически нагруженной, когда звуковая организация текста:

- 1) играет доминирующую роль в создании образа;
- 2) создает дополнительный ряд образов, сочетающихся с образами созданными чисто лексическими средствами.

Наиболее распространенный прием создания **грамматической метафоры** – употребление разного рода несвойственных тому или иному языку конструкций, сложных синтаксических структур. Графическая метафора образуется за счет образного переосмысления графемы.

Интерпретация фонетической, грамматической и графической метафор во многом зависит от эмоциональной подготовленности читателя и его настроения при восприятии стихотворного текста, от тезауруса общекультурного и лингвистического плана. Кроме того, при оценке звуковой стороны русского поэтического текста у носителей другого языка могут, например, возникнуть ассоциации, «воспитанные» системой их родного языка, а также присущими данной языковой общности культурными и социальными традициями. Однако фонетическая, грамматическая и графическая метафоры, бесспорно, являются дополнительным средством метафоризации концептов природных явлений.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВ

Во второй главе нашей работы мы достаточно подробно останавливались на изучении вербальных репрезентаций концептов природных явлений в метафорическом осмыслении в контексте русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов. В настоящей главе мы ставим своей задачей верифицировать экспериментальным путем особенности метафоризации указанных концептов и выявить области-источники, привлекаемые для метафорической репрезентации концептов природных явлений, закрепленные в практическом сознании носителей русского и немецкого языков. Изучая концептуальные метафоры, выявленные в рамках русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов и зафиксированные на уровне коллективного сознания, и сравнивая их с концептуальными метафорами, отмеченными при опросе представителей рассматриваемых лингвокультур, можно проследить, как «срабатывает» коллективное, и что индивидуального привносится на уровне их обыденного сознания. Мы придерживаемся гипотезы, что концептуальные метафоры, существующие на уровне коллективного сознания (в поэтическом дискурсе конкретного лингвокультурного сообщества), закреплены также на уровне индивидуального сознания у представителей данного лингвокультурного сообщества.

Исходя из методологической рекомендации А.М. Шахнаровича, согласно которой психолингвистический «эксперимент должен быть задуман и разработан таким образом, чтобы его результаты либо отрицали, либо подтверждали предусматриваемые гипотезой положения» [Шахнарович 1991: 102], мы построили и провели психолингвистический эксперимент. Это указание было соотнесено нами с обсуждаемой гипотезой о привлечении в качестве областей-источников для метафорической экспансии в области-

мишени, представленные концептами природных явлений, только очень хорошо знакомых человеку артефактов, представителей фауны и флоры, а также наиболее характерные свойства и типичные физические действия людей.

Методика эксперимента должна соответствовать следующим требованиям с тем, чтобы его результаты были адекватными поставленным задачам:

1. Максимальное приближение экспериментальной ситуации к реальной при употреблении носителями языка интересующих языковых явлений.
2. Четкое формулирование заданий, исключающее двусмысленность толкования.
3. Возможность статистической обработки результатов.
4. Доступность и воспроизводимость результатов, «непротиворечивость», то есть соответствие исходных посылок и полученных результатов с уже имеющимися данными [Prideaux 1984, цит. по: Фесенко 2004: 164-165].

3.1. Экспериментальное изучение метафоризации концептов природных явлений в русском социуме

Для решения поставленной задачи при проведении психолингвистического эксперимента в качестве носителей русского языка к исследованию привлекались студенты 1-2 курсов Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, воспитатели и учителя г. Тамбова (для которых русский язык является родным):

а) студенты Института филологии, специальность «Русская филология» (16 человек) (1);

б) студенты Академии искусств, сервиса и рекламы, обучающиеся по специальностям «Социально-культурная деятельность» и «Актерское мастерство» (15 человек) (2);

в) студенты Института естествознания, специальность «Экология» (15 человек) (3).

г) студенты Института права (17 человек) (4).

д) воспитатели и учителя в возрасте от 40 до 55 лет (14 человек) (5).

Испытуемым предлагалось заполнить анкету с указанием ФИО, возраста и курса, института. Далее необходимо было предложить прилагательные, которые чаще всего употребляются со следующими словами (месяц, луна, солнце, звезда, облако, туча, радуга, гром, молния, снег, ветер, дождь), подходящие глаголы к указанным существительным и продолжить метафорический ряд.

Анализ результатов опроса испытуемых студентов 1-2 курсов института филологии специальности «Русская филология» (1) свидетельствует о начитанности и развитой способности вербализовывать свои мысли, то есть когнитивные структуры, стоящие за феноменами языка (приложение III, таблица 1).

Ответы испытуемых (2) - студентов, обучающихся по специальностям «Социально-культурная деятельность» и «Актерское мастерство» - отличаются эмоциональным отношением и творческим подходом в силу специфики выбранных ими специальностей (приложение III, таблица 2).

Ответы испытуемых (3) - студентов, обучающихся по специальности «Экология» - отличаются меньшей степенью образности и большей научностью актуализуемых ассоциаций, что не отражено в предлагаемой ниже таблице опроса испытуемых (3), так как это не является задачей проводимого исследования. Данный факт свидетельствует о влиянии выбранной специальности на специфику метафорического осмысления концептов и большей начитанности специальной литературы (приложение III, таблица 3).

Анализ результатов опроса испытуемых студентов 1-2 курсов института права (4) показывает, что палитра их ответов является обширной и

свидетельствует о большей соотнесенности областей-источников с реальной действительностью (приложение III, таблица 4).

Анализ ответов испытуемых группы (5) - воспитателей и учителей - показывает, что они представляют собой «концентрат», либо «ядро» метафорического осмысления концептов природных явлений и репрезентируют наиболее яркое сходство (приложение III, таблица 5). Отмечается, что на образование ядра большое влияние оказывает частота реакций на некоторый стимул. Ясно, что ассоциативное ядро взрослого с его «чувством языковой нормы, или языковой компетенцией», формируется десятилетиями, представляя собой синкретическое целое из социального, культурного, индивидуального опыта, и потому сильно отличается от ассоциативного ядра ребенка-дошкольника (а также школьника и студента), которое, в свою очередь, также представляет собой некоторое синкретическое целое, но пропорционально по-другому организованное, из индивидуальных (зачастую, инновативных) и подражательных составляющих языкового и неязыкового опыта [Фюнфштюк 2002: 39].

Метафорическое осмысление концептов природных явлений во многом совпадает в пяти группах испытуемых, различия обусловлены возрастным критерием, разным уровнем теоретических и профессиональных знаний, а также индивидуальной творческой активностью, воображением представителей русского лингвокультурного сообщества. Кроме того, огромную роль играет житейский опыт, опыт общения с другими представителями сообщества и явлениями реальной действительности. Прилагательные и глаголы, привлекаемые для расширения представлений о концептах природных явлений, конкретизируют метафорический образ или актуализируют определенные его свойства. Рассмотрим сводную таблицу, репрезентирующую наиболее частотные и совпадающие области-источники в анализируемых группах испытуемых (77 человек).

Метафоризация концептов природных явлений
в структуре сознания носителей русского языка (сводная таблица 1)

№ п/п	Область- мишень (концепт)	Наиболее частотные области-источники (метафора)	Прилагательные, конкретизирующие области-источники (метафорический образ)	Глаголы, конкретизирующие области-источники (метафорический образ)
1.	«месяц»	Серп 38 (Коса 2) Рог 25 Маг 5 (Фокусник 4; Колдун 3; Кудесник 4; Чародей 2) Молодец 6 (Юноша 5) Банан 11 Сторож 10 Лодка 10	рогатый 21 загадочный 13 (волшебный) молодой 22, красивый (прекрасный) 8	рождается (нaroждается, зарождается) 21 караулит 4 плывет 2 светит 21
2.	«луна»	Блин 16 (Лепешка 6) Сыр 16 Мяч 14 Сова 5 (Воробей 6; Аист 3; Гусь 3) Лицо 12 Колесо 7 Тарелка 7 Фонарь 8 Монета 4	желтая 27 романтическая 18, завораживающая 6, красивая (прекрасная, ослепительная, завораживающая) 19 яркая 15 золотая 14	смотрит 16 светит 19 плывет 13
3.	«солнце»	Апельсин (Мандарин) 23 Блин 16 Лампочка 8 (Светильник 4; Огонь 6; Костер 2; Факел 2) Подсолнух 10 (Цветок 4) Мать 10 Мяч 9	яркое 38, горячее 10, ослепительное 9, огненное 3, золотое 7, желтое 22, красивое 8	светит 22, сияет 6, горит 2, сверкает 3, потухает, освещает греет 2, согревает 7 встает 14, садится 5
4.	«звезда»	Огонь 30 (Пламя 3, Костер 4, Маяк 5, Лампочка 9, Светильник 5, Лампадка 2) Бриллиант 13, Алмаз 4	яркая 45, светящая 5, сверкающая 4, сияющая 4 блестящая 2	сияет 18, сверкает 7, мерцает 23, горит 14, светит 7, блестит 9

		Муха 8 (Светлячок 7, Мотылек 2)		глядит 8, говорит 2
5.	«облако»	Фигура 9 Животное 21 (Лошадка 15; Овечка 18; Барашек 9) Корабль 26 Перина 15, Подушка 9 Вата 14 Пух 7 Кудри 7 Птица 8 Самолет 5 Цветок 5	бегущее 3 плывущее 13 легкое 8, воздушное 5, пушистое 21, пышное 2, пуховое 2 белое 20, мягкое 13 перистое (перьевое) 20, парящее 5 (летающее 7)	движется 11, бежит 9, плывет 41 летит 15, парит 2
6.	«туча»	Звери (Животные) 14 Кит 12 (Скат 5) Птица 7 (Ворон 7) Страх 6 (Чудовище 2; Мачеха 2; Враг 3) Ковер 5 (Скатерть 6; Покрывало)	плывущая 6 черная 29, темная 26, грозная 27 (страшная и т.д.), хмурая (мрачная) 16, большая 5	ходит (бродит) 20, бежит (мчится) 23, летит (парит) 30, плывет 8, застилает (заслоняет) 6, плачет 15
7.	«радуга»	Мост 28 Лента 21 (Бант 3; Шарф 3; Тесьма 2) Ремень 6 Коромысло 20 Дорога 12 (Тропинка 2) Цветок 8 Зебра 7 Браслет 5 Змея 5 (Уж)	высокая 4, низкая 3 яркая 31, красивая 26 разноцветная 56, переливающаяся 2 дугообразная 8 веселая (улыбающаяся) 9	переливается 11, блестит 8, сверкает 12 радуется 9, веселит 2
8.	«гром»	Барабан 9 (Гонг 6; Набат 3) Кувалда 4 (Молоток 9; Топор 4; Наковальня 6) Оружие 6	страшный 45, сильный 33, громкий 11, раскатистый 7	гремит (грохочет) 57, ударяет 16, пугает 11
9.	«молния»	Оружие 10 Стрела 21 (Копье 2) Нож 2 (Меч 2, Сабля) Змея (Уж 19, Гадюка 3) Веревка (Канат 7, Лента 7, Лиана 5)	яркая 34, сверкающая 15, ослепительная 12, страшная 9, быстрая 7, беспощадная 4, длинная 3, извилистая, стрелообразная	сверкает (блестит) 45, бьет 12, разрушает (ломает) 3, ударяет 12, убивает 4
10.	«снег»	Вата 29 Муха 22, Стрекоза 8, Пчела 6, Светлячки 2, Паук 2 Пух 22	пушистый 36, легкий 13, мягкий 10, блестящий (сверкающий) 5,	кружится 23, летит 9, блестит 10

		Лебедь 12 Звездочка 10 Перина 8 (Подушка 3, Одеяло 3 , Покрывало 6) Жемчуг 11 (Серебро 6)	белый 29, серебристый	
11.	«ветер»	Птица 14 Сабля 3, Нож 17, Пуля 8	холодный 23, пронизывающий 12, порывистый 19, могучий 7, ласковый 2, нежный 5	бушует 3 воет 16, свистит 10 кочует 4
12.	«дождь»	Печаль 12 (Грусть 6) Алмаз 12 Слезы 24	плачущий 12	плачет 36

Необходимо подчеркнуть наличие областей-источников, которые не были выявлены нами при анализе русскоязычного поэтического дискурса. Их употребление объясняется закрепленностью в структурах индивидуального языкового сознания испытуемых, и эта закрепленность может быть мотивирована развитием науки и техники, приводящим к появлению механических метафор, расширением кругозора познающего окружающий мир субъекта:

Таблица 20

Метафоризация концептов природных явлений
в структуре сознания носителей русского языка (сводная таблица 2)

№ п/п	Область-мишень (концепт)	Области-источники, обнаруженные в структурах индивидуального сознания носителей русского языка
1.	«месяц»	Банан 11 Бумеранг 3 Рогалик 2 Клешня 1 Кресло-качалка 1
2.	«луна»	Сыр 16 Монета 4 Зеркало 2 Бумеранг 2 Колобок 2 Бубен 1 Пуговица 1
3.	«солнце»	Апельсин (Мандарин) 23 Блин 16 Мать 10

		Стекло 2 Прорубь 2 Сосуд 1
4.	«звезда»	Одуванчик 4 Елка 2
5.	«облако»	Самолет 5 Губка 2 Пирожное 2 (Безе) Пьеро
6.	«туча»	Корыто 2 Автомат 2 Крыша 1
7.	«радуга»	Дорога 12 (Тропинка 2) Зебра 7 Хамелеон 4 Конфетти 2 Салют 2
8.	«гром»	Молоток 9 (Кувалда 4; Топор 4) Кулак 2 Слон 2 Бочка 1
9.	«молния»	Канат 7, Лиана 5 Ручей, река 2 Пантера 1
10.	«снег»	Вертолет 2 Сахар 2 Яйцо, цыпленок 1
11.	«ветер»	Пуля 8
12.	«дождь»	

Следующий раздел посвящен экспериментальному изучению метафоризации концептов природных явлений в немецком социуме.

3.2. Экспериментальное изучение специфики метафоризации концептов природных явлений в немецком лингвокультурном сообществе

Для выявления областей-источников, привлекаемых для метафорической репрезентации концептов природных явлений, закрепленных в практическом сознании представителей немецкого лингвокультурного сообщества, к исследованию привлекались студенты I-II

курсов факультета лингвистики и литературоведения университета г. Билефельд (для которых немецкий язык является родным) (20 человек) (6).

Испытуемым предлагалось заполнить аналогичную анкету на немецком языке с указанием прилагательных, которые чаще всего употребляются со следующими словами (*die Wolke* ‘облако / туча’, *der Mond* ‘месяц’, *die Sonne* ‘солнце’, *der Stern* ‘звезда’, *der Wind* ‘ветер’, *der Regenbogen* ‘радуга’, *der Blitz* ‘молния’, *der Donner* ‘гром’, *der Schnee* ‘снег’, *der Regen* ‘дождь’), подходящих глаголов, которые могут употребляться с указанными существительными, а также продолжить метафорический ряд, например: *der Wind* → *der Hund, weil der Wind heult u.s.w.* В результате проведенного эксперимента становится очевидным, что в обыденном сознании представителей немецкой лингвокультуры вместо концептов МЕСЯЦ / ЛУНА, употребляющихся в русском языке, наличествует один – *der MOND* (*der zunehmende Mond* ‘молодой месяц’, *der abnehmende Mond* ‘месяц на ущербе’, *der Vollmond* ‘полный месяц’, *der Halbmond* ‘полумесяц’, *der Neumond* ‘новолуние’, *die Scheibe des Mondes* ‘диск луны’, *die Sichel des Mondes* ‘серп луны’ и т. д.).

Анализ результатов опроса испытуемых (6) показывает, что их ответы свидетельствуют о соотнесенности областей-источников с реальной действительностью. На метафорическое осмысление концептов природных явлений огромную роль оказывает житейский опыт, опыт общения с явлениями реальной действительности и социумом (на что, к примеру, указывает использование в качестве области-источника концепта *das KOKAIN* ‘КОКАИН’). На метафоризацию концептов природных явлений оказывает влияние и окружающий природный мир, являющийся таким же элементом национальной культуры, как и все прочее. Так, лес всегда играл большую роль в жизни немцев, ибо был источником пищи и топлива для сельского населения и являлся естественным пастбищем для свиней. Буковые леса покрывали раньше Северо-Германскую низменность в холмистой полосе побережья Балтийского моря. От этих лесов сохранились лишь небольшие

участки. Для западной части низменности были характерны дубовые леса, которые в настоящее время почти истреблены. В средней и южной частях Германии были также широко распространены буковые леса. Сейчас лесные массивы преобладают в горах [Мальцева 2002: 9]. В современном немецком языке в качестве *LECA* (*der WALD*) концептуализируется, например, *der REGEN* 'ДОЖДЬ'. Результаты опроса испытуемых (6) описаны в таблице 21.

Таблица 21

Метафоризация концептов природных явлений
в структуре сознания носителей немецкого языка (испытуемые 6)

№ п/п	Область-мишень (концепт)	Наиболее частотные области-источники (метафора)	Прилагательные, конкретизирующие области-источники (метафорический образ)	Глаголы, конкретизирующие области-источники (метафорический образ)
1.	«der Mond 'месяц'»	die Zitrone 'лимон' 9 die Lampe 'лампа' 7 das Horn 'рог, горн' 6 der Hirt 'пастух, пастырь' 5 der Begleiter 'сопровождающий, проводящий' 2	leuchtend 'светящийся, сияющий' 10, mild-scheinend 'мягко светящийся' 2	leuchten 'светиться, сиять' 11, scheinen 'светиться' 10, strahlen 'сиять' 8
2.	«die Sonne 'солнце'»	das Feuer, die Flamme 'огонь, пламя' 12 die Lampe 'лампа' 10 die Orange 'апельсин' 8 der Gott / die Göttin 'бог, богиня' 7 die Sonnenanbetung поклонение (боготворение, культ, обожание) солнца die Mutter 'мать' 6 die Blume 'цветок' 4 die Rose 'роза' 3 das Gold 'золото' 2 der goldene Vogel 'сказочная птица' 1	heiß 'горячее' 12, sengend 'палящее, жгущее' 6, wärme- spendend 'приносящее в дар тепло' 2, strahlend 'сияющее' 7, glühend 'горячее, пылающее' 7, hell 'яркое, ясное' 4	brennen 'гореть' 12, wärmen 'греть, согревать' 6, scheinen 'светить, сиять' 10, strahlen 'сиять' 7 auf- und untergehen 'всходить, заходить' 11
3.	«der Stern 'звезда'»	die Kerze 'свеча' 11 das Kind 'ребенок' 7 der Engel 'ангел' 7 das Gewimmel 'толпа' 4 die Biene 'пчела' 3	leuchtend 'светящаяся, сияющая' 8, funkelnd 'сверкающая, искрящаяся' 6 klein 'маленькая' 11 zahllos	leuchten 'светиться, сиять' 12, funkeln 'сверкать, искриться' 5

		die Decke 'покрыв; одеяло, покрывало; скатерть' 3 der Diamant 'алмаз' 3	'бесчисленные' 7, unendlich 'бесконечные' 5 Wegweisend 'указывающая путь' 3	
4.	«die Wolke (die Regenwolke) 'облако / туча'»	das Schaf 'овца' 14 das Lamm 'ягненок, барашек' 6 die Herde 'стадо, табун' 6 der Schwan 'лебедь' 5 der Riese 'великан, гигант, исполин, колосс, титан', 5 der / die Heimatlose 'человек без родины', der Wanderer 'путешественник, путник, странник' 5 die Türme 'башни' 5 das Meer 'море' 4 das Segel 'парус' 3 der Hügel 'холм' 3 der Fels 'скала; утес' 2 die Decke 'покрыв; одеяло, покрывало; скатерть' 2 der Teppich 'ковер' 2	groß 'большая / большое' 10 beweglich 'подвижная / подвижное' 6 dunkel 'темная / темное' 11, gefährlich 'опасная / опасное' 6 weich 'мягкая / мягкое' 7	schweben 'парить, висеть в воздухе' 5 auftürmen 'громоздиться' 4 verdunkeln 'затемнять' 3
5.	«der Regenbogen 'радуга'»	die Brücke 'мост' 11 das Tuch 'платок, косынка' 3 der Edelstein 'драгоценный камень' 1		scheinen 'светить, сиять' 5, strahlen 'сиять' 3
6.	«der Donner 'гром'»	das Horn 'рог, горн' 4 die Posaune 'тромбон' 3 die Glocke 'колокол; гонг' 3 die Pauke 'литавры' 2	laut 'громко' 12	hallen 'звучать' 10, krachen 'трещать, грохотать' 8, grollen 'громохатать, сердиться, питать неприязнь' 7, donnern 'гремять' 6
7.	«der Blitz 'молния'»	die Schlange 'змея' 10 der Pfeil 'стрела' 8 der Krieg 'война' 1	schnell 'быстро' 5 hell 'ярко' 4	schlängeln 'извиваться, изгибаться, виться' 9 einschlagen 'ударять' 7 zucken 'сверкать' 5, erhellen 'освещать' 6
8.	«der Schnee 'снег'»	die Watte 'вата' 8 der Flaum, die Daune 'пух, пушинка' 7	weich 'мягкий' 6, weiß 'белый' 8	

		die Decke 'покрыв; одеяло, покрывало; скатерть' 5 der Teppich 'ковер' 5 das Meer 'море' 5 der Diamant 'алмаз' 3 der Kristall 'кристалл' 2 das Kokain 'кокаин' 2 die Biene 'пчела' 1		be-, zudecken 'накрывать, покрывать' 6 tanzen 'танцевать' 3, wirbeln 'кружиться' 2
9.	«der Wind 'ветер'»	der Trost 'утешение' 7 der Hund 'собака' 6 der Vogel 'птица' 4 der Musiker 'музыкант' 4 die Pflife 'дудка, свирель' 3 das Messer 'нож' 2	heulend 'ревуший, воющий, завывающий, рыдающий' 7	heulen 'реветь, выть, завывать, рыдать' 9 wehen 'дуть, веять' 11, pfeifen 'свистеть, насвистывать' 7
10.	«der Regen 'дождь'»	die Tränen 'слезы' 14 der Wald 'лес' 7 das Getränk 'напиток' 6 das Silber 'серебро' 5 die Perle 'жемчужина' 2	dunkel 'темный' 3	gießen 'литься' 7, tröpfeln 'капать' 5, fallen 'падать' 11

Нами также отмечены области-источники, не выявленные при дискурсивном анализе немецких поэтических текстов, но присутствующие в языковой картине мира испытуемых и, следовательно, зафиксированные в их индивидуальном сознании, например: *der KRIEG* 'война' → *der BLITZ* 'молния', *das KOKAIN* 'кокаин' → *der SCHNEE* 'снег', *der WALD* 'лес' → *der REGEN* 'дождь' и т.д.

Рассмотрим частотные показатели и степень продуктивности антропоморфной, зооморфной, фитоморфной, натуроморфной и артефактной (предметной) метафорических моделей в структурах индивидуального сознания носителей русского и немецкого языков:

Таблица 22

Тип метафоры	Частотность и степень продуктивности рассматриваемых моделей в структуре индивидуального сознания носителей русского языка	Частотность и степень продуктивности рассматриваемых моделей в структуре индивидуального сознания носителей немецкого языка
Антропоморфная	12%	18%
Зооморфная	22%	15%
Фитоморфная	7%	8%
Натурморфная	4%	8%
Артефактная (предметная)	56%	51%

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в обыденном сознании представителей русского и немецкого лингвокультурных сообществ артефактная (предметная) метафорическая модель, структурирующая концепты перечисленных природных явлений, стоит на первом месте по показателям частотности и многообразию областей-источников, привлекаемых для метафорической экспансии в область-мишень. Продуктивность антропоморфной метафорической модели уменьшается, что, на наш взгляд, свидетельствует о произошедшей смене на данном этапе развития общества господствующей концептуальной метафоры и ориентации на предметный мир.

Итак, выявление экспериментальным путем особенностей метафоризации концептов природных явлений является одним из наиболее доступных источников получения сведений об интересующих нас концептах, а также о когнитивной основе, обеспечивающей вербальные репрезентации данных концептов в метафорическом осмыслении. Анализ свидетельствует о том, что наличествующий на уровне коллективного сознания (в поэтическом дискурсе) спектр областей-источников, проецируемых на области-мишени,

репрезентированные концептами природных явлений, во многом совпадает (68,3% / 87,1%) со спектром областей-источников, зафиксированных на индивидуальном уровне сознания как в русском, так и в немецком языках (приложение I, II). В немецком практическом сознании закреплены в большей степени регламентированные области-источники. В русском языке, напротив, присутствуют как регламентированные, так и креативные области-источники, основанные на интуиции, ассоциации, воображении, что обеспечивается большей подвижностью мыслительных моделей и преобладанием среди них латеральных у представителей русской лингвокультуры.

Выводы по главе III

Метафорическое осмысление концептов природных явлений в поэтическом дискурсе, а также в обыденном сознании представителей русской и немецкой лингвокультур во многом совпадает, что подтверждается экспериментальным исследованием. Различия обусловлены возрастным критерием, разным уровнем теоретических и профессиональных знаний, а также индивидуальной творческой активностью и проявляются, прежде всего, на индивидуальном уровне сознания.

Анализ ответов испытуемых подтверждает гипотезу о привлечении в качестве областей-источников для метафорической экспансии в области-мишени, представленные концептами природных явлений, наиболее релевантных и хорошо знакомых человеку артефактов, признаков материальных неодушевленных объектов, представителей фауны и флоры, а также наиболее характерные свойства и типичные физические действия людей.

Как показывает анализ экспериментальных данных, большая часть областей-источников, получающих вербальную репрезентацию, носит общий и обязательный характер для каждого представителя лингвокультурного сообщества. Следовательно, актуализация и вербализация той или иной области-источника, в большей степени, обусловлены коллективным (общенациональным) уровнем сознания, чем индивидуальным. Иначе говоря, они контролируются общественным сознанием, закреплены в памяти носителей языка, обеспечивая понимание и трансляцию знаний о мире и языке. Области-источники, обусловленные работой индивидуального сознания, единичны, отражают степень индивидуального языкового творчества, но в то же время они национальны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе предпринято лингвокультурологическое и лингвокогнитивное изучение метафоризации концептов природных явлений на материале русско- и немецкоязычного поэтических дискурсов. Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд основополагающих положений.

Фрагмент языковой картины мира, репрезентирующий такие сложные ментальные структуры, как концепты природных явлений, являет собой результат синтеза разных типов знаний индивидуального и коллективного происхождения.

Анализ метафоризации концептов природных явлений в поэтическом дискурсе позволяет утверждать, что в сознании носителей русского и немецкого языков актуализируются определенные компоненты области-источника, отражающие наиболее характерные свойства и типичные физические действия людей, представителей фауны и флоры, признаки материальных неодушевленных объектов. Обращаясь к описанию природных явлений в метафорическом осмыслении, поэты отражают также образы национального ландшафта. В связи с этим метафорическое проецирование на концепты-мишени *ОБЛАКО* / *ТУЧА* (*die WOLKE*), *МЕСЯЦ* / *ЛУНА* (*der MOND*), *СОЛНЦЕ* (*die SONNE*), *ЗВЕЗДА* (*der STERN*), *БЕТЕР* (*der WIND*), *РАДУГА* (*der REGENBOGEN*), *МОЛНИЯ* (*der BLITZ*), *ГРОМ* (*der DONNER*), *СНЕГ* (*der SCHNEE*), *ДОЖДЬ* (*der REGEN*) происходит по следующим моделям: антропоморфной, зооморфной, фитоморфной, натуроморфной и артефактной (предметной).

В процессе развития общества и языка наблюдается постепенное усиление роли артефактной модели. Продуктивной метафорической моделью, дополнительно структурирующей информационное содержание концептов природных явлений, является и антропоморфная метафорическая модель. Зооморфная модель, которая в целом схожа с антропоморфной, поскольку и та, и другая описывают реальные, во многом внешне схожие

поступки живых существ в целом, также достаточно частотна в рамках исследуемого материала в отличие от фитоморфной и натуроморфной метафорических моделей. Продуктивность рассматриваемых метафорических моделей подтверждает правомерность выделения их в качестве конвенциональных способов репрезентации знаний о природных явлениях, общих для большинства носителей русского и немецкого языков.

Анализ фактического материала позволил выявить, что субстантивная метафора является доминирующей в русском и немецком языках. Это можно объяснить тем, что для представителей данных лингвокультур релевантным является весь «пакет» знаний об области-источнике, а не только характеризующие его признаки, свойства или действия.

Основанием метафорической экспансии из области-источника в область-мишень, представленную концептами природных явлений, служит сходство формы, размера, динамичности, функций, тождество цвета, света и интенсивности блеска, производимого звука, а также температурных, реляционных характеристик и количественных параметров.

Материал диссертационного исследования подтверждает, что особенность метафоризации концептов природных явлений в поэтическом дискурсе отражается в специфике их моделирования, проявляющейся в использовании как монометафорической, так и полиметафорической моделей, в последней из которых нами выделяются коррелятивная и инкорпорирующая модели, что обусловлено особенностью взаимоотношений области-мишени и области-источника.

Анализ исследовательского материала свидетельствует о том, что в русско- и немецкоязычном поэтических дискурсах для вербализации знаний об области-мишени, репрезентированной концептами природных явлений, одновременно может привлекаться несколько областей-источников. Простой объемный метафорический образ является наиболее частотным и создается в результате конкретизации концептуальной метафоры до более частной, ее детализации. Сложный объемный метафорический образ состоит из нескольких областей-

источников, привлекаемых для репрезентации одной области-мишени в рамках стихотворного текста, при этом возможны различные комбинаторные вариации областей-источников метафорического моделирования. В ряде случаев можно выделить базовые и вспомогательные области-источники. Данные способы репрезентации знаний о концептах природных явлений рассматриваются в рамках инкорпорирующей модели.

Под коррелятивной метафорической моделью нами понимается схема связи между двумя или более группами непосредственно соотносящихся между собой понятийных областей и представляющих собой связанный метафорический образ двух или более природных явлений. Наш исследовательский материал показывает, что связанная структура концептуальных метафор, где в качестве области-мишени рассматриваются концепты природных явлений, используется в русско- и немецкоязычном поэтических дискурсах, при этом возможны различные комбинации понятийной дифференциации областей-источников метафорического моделирования.

Метафоризация концептов природных явлений может осуществляться как на лексическом, так и на фонетическом, а также грамматическом уровнях. Кроме того, для репрезентации знаний о концептах природных явлений привлекается графическая метафора, ибо все уровни поэтического дискурса являются средствами репрезентации его когнитивного содержания, что объясняется компрессией и интенсивностью поэтической речи. Интерпретация названных вспомогательных способов метафоризации концептов природных явлений во многом зависит и от эмоциональной подготовленности читателя, и от его настроения при восприятии поэтического текста, и от тезауруса общекультурного и лингвистического плана.

Большую роль при трансляции метафоры играет концептуальный перевод, основу которого составляет положение, что переводу подвергаются не вербальные единицы, а стоящие за ними концепты. Метафорическое осмысление концептов природных явлений в исходных и конечных поэтических текстах немецкого и русского языков в большинстве случаев совпадает, что объясняется схожим «фондом» знаний представителей рассматриваемых

лингвокультур. С точки зрения структурной устойчивости метафора ИЯ переводится эквивалентными, либо различными конструкциями ПЯ, транслируется в культуру-реципиент не метафорическим выражением, а с помощью сравнения или перифразы или передается нейтральными языковыми единицами в ПЯ.

В работе экспериментально верифицируется специфика метафорической репрезентации концептов природных явлений и их вариантов, закрепленных в практическом сознании носителей русского и немецкого языков.

В обыденном сознании представителей русского и немецкого лингвокультурных сообществ артефактная (предметная) метафорическая модель стоит на первом месте по показателям частотности и многообразию областей-источников, привлекаемых для метафорической экспансии в области-мишени, представленные концептами природных явлений. Продуктивность антропоморфной метафорической модели уменьшается, что, на наш взгляд, свидетельствует о произошедшей смене господствующей концептуальной метафоры на данном этапе развития общества и его ориентации на предметный мир.

Экспериментальные данные подтверждают гипотезу о том, что концептуальные метафоры, зафиксированные коллективным сознанием (в поэтическом дискурсе конкретного лингвокультурного сообщества), закреплены также на уровне индивидуального сознания у представителей данного лингвокультурного сообщества.

Перспективными, на наш взгляд, могут в дальнейшем стать работы, выполненные в зоне интересов лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнологии и переводоведения, посвященные детальному изучению эволюции метафоризации концептов природных явлений не только в рамках поэтического, но и прозаического дискурса.

В целом методика проведенного исследования может быть использована для изучения метафоризации других концептов, не подвергавшихся ранее анализу, в рамках поэтического дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, К.И. Эскиз теории метафоры [Электронный ресурс] / К.И. Алексеев // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. стат. – М.: ИнЯз, 1998. – Режим доступа: <http://www.ihst.ru/personal/common/esquisse.php>
2. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
3. Анисимова, Н.В. Особенности формирования целостного представления о форме облаков в научном тексте / Н.В. Анисимова // Res philologica: Ученые записки. Вып. 3 / Под науч. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2002. – С. 27-31.
4. Анисимова, Н.В. Особенности выражения представлений о форме облаков в художественном тексте / Н.В. Анисимова // Проблемы культуры, языка, воспитания: Сб. науч. тр. Вып. 5 / Под науч. ред. Т.В. Симашко. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 152-159.
5. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т.4. – 780 с.
6. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. – СПб.: Азбука, 2000. – 346 с.
7. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
8. Арсентьева, Е.Ф. Расширенная метафора и фразеологический каламбур как действенные средства семантического преобразования фразеологических единиц английского и русского языков / Е.Ф. Арсентьева // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 84-89.

9. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: Сборник. - М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
10. Арутюнова, Н.Д. Метафора // Языкознание. БЭС. – М., 1998. – С. 296-297.
11. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
12. Архипов, И.К. Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия / И.К. Архипов // Филология и культура: Мат-лы. III Междунар. науч. конф. 16-18 мая. В 3 ч. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – Ч. I. – С. 13-15.
13. Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. / С.А. Аскольдов. – М., 1997. - С. 267-280.
14. Афанасьев, А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Т. 1. / А.Н. Афанасьев. - М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. - 800 с.
15. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург, 2000. – 534 с.
16. Бабина, Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Бабина Людмила Владимировна. – Тамбов, 2003. – 38 с.
17. Бабурина, Е.В. Явление интерференции в сознании и переводе метафоры (на материале англоязычных и русскоязычных текстов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бабурина Елена Викторовна. – Пермь, 2001. – 22 с.
18. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 103 с.
19. Бабушкин, А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языков. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 86 с.
20. Балашова, Л.В. Социальная метафора в диахронии (на материале лексики, противопоставленной по шкале «свой» - «чужой») / Л.В. Балашова //

III Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований: Мат-лы всерос. науч. конф.: В 2 ч. – Челябинск, 1999. – Ч. II. – 196 с.

21. Баранов, А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А.Н. Баранов // Вопр. языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73-94.

22. Баранов, А.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.

23. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

24. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153-172.

25. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – 123 с.

26. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1. - С. 18-36.

27. Борискина, О.О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О.О. Борискина, А.А. Кретов. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 211 с.

28. Брутян, Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании / Г.А. Брутян // Методологические проблемы анализа языка: Сб. стат. – Ереван: Ереванский гос. ун-т, 1976. – С. 57-64.

29. Будагов, Р.А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого / Р.А. Будагов // Русская речь. – 1973. - № 1. – С. 26-31.

30. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

31. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 44-87.
32. Валгина, Н.С. Теория текста: Учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
33. Васильев, В.П. Концепт *ДОЖДЬ* и особенности его организации / В.П. Васильев // Мир человека и мир языка: Коллективная монография. Сер. Концептуальные исследования. Вып. 2 / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С. 184-229.
34. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
35. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133-152.
36. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Вопр. языкознания. – 1953. – № 5. – С. 8-15.
37. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
38. Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М.: Высш. школа, 1971. – 240 с.
39. Виноградова, С.Г. Категориальные и субкатегориальные значения английских экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Виноградова Светлана Григорьевна. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 179 с.
40. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
41. Гальперин, И.Р. О понятии «текст» // Вопр. языкознания. – 1974 – № 6. – С. 68-77.
42. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.

43. Гаспаров, М.Л. Русские стихи 1890-х–1925-го годов в комментариях. М.: Высш. школа, 1993. – 272 с.
44. Гачев, Г. Национальные образы мира: Курс лекций / Г. Гачев. – М.: Academia, 1998. – 432 с.
45. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 190 с.
46. Гольдберг, В.Б. Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: методы исследования: Учеб. пособие / В.Б. Гольдберг. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 92 с.
47. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Вып 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
48. Гудмен, Н. Метафора - работа по совместительству / Н. Гудмен // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. - С.194-201.
49. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 388 с.
50. Гучинская, Н.О. К построению поэтической теории языка / Н.О. Гучинская // Языковая система и социокультурный контекст. – СПб.: Тригон, 1997. – С. 110-121.
51. Дейк, Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
52. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопр. языкознания. – 1994. – №4. – С. 17-34.
53. Дехнич, О.В. Концептуальная метафора People are trees в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Дехнич Ольга Витальевна. – Белгород, 2004. – 157 с.
54. Дехнич, О.В. К вопросу о корреляции метафоры и языковой картины мира / О.В. Дехнич // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 562-565.

55. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 172 - 193.
56. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 400 с.
57. Жирмунский, В.М. Метафора в поэтике русских символистов [Электронный ресурс] / В.М. Жирмунский // НЛЮ. - 1999. - №35(1). – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/./classics/zhirm-metaphor.htm>
58. Жоль, К.К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении / К.К. Жоль. – Киев: Научная думка, 1984. – 302с.
59. Залевская, А.А. Текст и его понимание: Монография / А.А. Залевская. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. – 177 с.
60. Карасик, В.И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) / В.И. Карасик // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Архангельск, 1997. – Вып. 2. – С. 154-173.
61. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
62. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
63. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33-43.
64. Кемаева, И.А. Метафорические концепты в языке английской и американской поэзии: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Кемаева Инна Анатольевна. – М., 2003. –192 с.
65. Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии) / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1972. – 312 с.
66. Кожевникова, Н.А. Метафора в поэтическом тексте / Н.А. Кожевникова // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 145-165.

67. Кожевникова, Н.А. Эволюция тропов в языке русской поэзии XX века / Н.А. Кожевникова // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформации. – М.: Наука, 1995. – С. 6-79.
68. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 148 с.
69. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 105 с.
70. Кононова, О.А. Отображение религиозно-мифологических представлений лексико-фразеологическими средствами в языковой картине мира немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Кононова Ольга Александровна. – СПб., 2001. – 219 с.
71. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как отражения национального менталитета: Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19. / Корнилов Олег Александрович. – М.: 2000. – 43 с.
72. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
73. Красавский, Н.А. Русские номинанты эмоций и метафора / Н.А. Красавский // Аксиологическая лингвистика: проблемы теории дискурса, стилистики, семантики и грамматики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Колледж, 2002. – С. 176-194.
74. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352с.
75. Крюкова, Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста: Дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19. / Крюкова Наталия Фёдоровна. – Тверь: Тверской гос. ун-т., 2000. – 288 с.

76. Кубрякова, Е.С. Языковое сознание и картина мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: Тез. II Междунар. конф.: В 3 ч. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – Ч. I. – С. 3-5.
77. Кубрякова, Е.С. Сознание человека и его связь с языком и картиной мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: Тез. IV Междунар. науч. конф. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 32-34.
78. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
79. Кураш, С.Б. Метафора и её пределы: микронконтекст – текст – интертекст / С.Б. Кураш. – Мозырь: МозГПИ, 2001. – 121 с.
80. Лагута, О.Н. Лингвометафорология: основные подходы / О.Н. Лагута. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003а. – 114 с.
81. Лагута, О.Н. Метафорология: проникновение в реальность / О.Н. Лагута. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003б. – 112 с.
82. Лагута, О.Н. Метафорическое «мировидение» русскоговорящих (ассоциативно-когнитивный подход) / О.Н. Лагута // Мир человека и мир языка: Коллективная монография. Сер. Концептуальные исследования. Вып. 2 / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003в. – С. 120-166.
83. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
84. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415.
85. Левин, Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика / Ю.И. Левин. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
86. Левкиевская, Е.А. Мифы русского народа / Е.А. Левкиевская. – М.: Астель: АСТ, 2005. – 526 с.

87. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка / Лихачёв Д.С. // Известия АН: Серия литературы и языка. – 1993. - №1. – С. 3-9.
88. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю.М. Лотман. - Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.
89. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
90. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб: Искусство, 2001. – 848 с.
91. Любимова, Н.А. Звуковая метафора в поэтическом тексте / Н.А. Любимова, Н.П. Пинежанинова, Е.Г. Сомова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 144 с.
92. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. 1. - С. 11-35.
93. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М: Прогресс, 1990. – С. 358-387.
94. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208с.
95. Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия; АН СССР Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
96. Миллер, Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры / Дж. Миллер // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236-283.
97. Милосердова, Е.В. Прагматика речевого общения: Учеб. пособие / Е.В. Милосердова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – 122 с.
98. Монгилева, Н.В. Семантическое пространство поэтического дискурса: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Монгилева Наталья Викторовна. – Челябинск, 2004. – 168 с.
99. Москвин, В.П. Русская метафора / В.П. Москвин. – Волгоград, 1997. – 240 с.

100. Москвин, В.П. Русская метафора: параметры классификации / В.П. Москвин // Филол. науки. – 2000. – № 2. – С. 66-74.
101. Мостовская, И.Ю. Миф и время. (Опыт анализа дистантных связей поэтического текста.) / И.Ю. Мостовская // Язык и стиль английского художественного текста: Сб. науч. работ. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1977. – С. 88-96.
102. Никитин, М.В. О семантике метафоры / М.В. Никитин // Вопр. языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91-102.
103. Никитин, М.В. Метафора: уподобление vs. интеграция концептов / М.В. Никитин // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.; В.: ИЯ РАН; ВГУ, 2002. – С. 255-270.
104. Никитин, М.В. Основания когнитивной семантики / М.В. Никитин. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.
105. Огнева, Е.А. Художественный перевод: проблема передачи компонентов переводческого кода: Монография / Е.А. Огнева. – Белгород: Белгородский гос. ун-тет, 2004. – 228 с.
106. Опарина, Е.О. Концептуальная метафора / Е.О. Опарина // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 65-57.
107. Опарина, Е.О. Концептуальная метафора и ее функции в языке (на примере субстантивных метафор): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Е.О. Опарина – М., 1990. – 169 с.
108. Опарина, Е.О. Исследование метафоры в последней трети XX века / Е.О. Опарина // Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров. – М., 2000. – С. 186-204.
109. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.
110. Ортони, Э. Роль сходства и уподобления в метафоре / Э. Ортони // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 219-235.

111. Осколкова, Н.В. Сопоставительный анализ образа ветра в русской поэзии XVIII-XIX веков / Н.В. Осколкова // Славянское слово в литературе и языке / Отв. ред. А.В. Петров. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 164-171.
112. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
113. Павилёнис, Р.И. Язык смысл. Понимание / Р.И. Павиленис // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиотический анализ: Сб. статей. – Вильнюс, 1986. – С. 240-263.
114. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
115. Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В.В. Петров // Вопр. языкознания. – 1990. – №3. – С. 135-146.
116. Пименова, М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека / М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с.
117. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004а. – 386 с.
118. Пименова, М.В. Душа сквозь призму народных представлений (космос души) / М.В. Пименова // Языки и транснациональные проблемы: Мат-лы I междунар. науч. конф. 22-24 апреля 2004 года. Т. II. / Отв. ред. Т.А. Фесенко. – М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2004б. – С. 307-313.
119. Пименова, М.В. Символы культуры и способы концептуализации внутреннего мира человека (концептуальная метафора дома) / М.В. Пименова // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004в. – С. 35-60.
120. Пименова, М.В. Субсфера «артефакты» как источник концептуализации внутреннего мира человека (диахронический аспект) /

- М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 26-37.
121. Пищальникова, В.А. Метафора как когнитивная структура / В.А. Пищальникова // V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте: Мат-лы. Всеросс. науч. конф. 28-29 мая. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2001. – С. 94-100.
122. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.
123. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 60 с.
124. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
125. Расторгуева, Г.В. Концептуальная интеграция как способ смыслообразования: поэтический текст / Г.В. Расторгуева // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Н.Н. Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 354-362.
126. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Изд-во «Русские словари», 2000. – 416 с.
127. Рикер, П. Метафорический процесс как познание, воображение, ощущение / П. Рикер // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990а. – С. 416 - 434.
128. Рикер, П. Живая метафора / П. Рикер // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990б. – С.435-455.
129. Ричардс, А.А. Философия риторики / А.А. Ричардс // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44 - 67.

130. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова, Е.С. Кубряковой, В.И. Постоваловой и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
131. Самосудова, Г.Г. Метафоризация концептуальной картины мира и её языковые экспоненты: (На примере английских сказок Л. Кэролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье»): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Самосудова Галина Григорьевна. – Барнаул, 1999. – 185 с.
132. Сафонова, Н.В. Концепт благо/добро как сегмент ментального поля нации (на материале русского языка): Монография / Н.В. Сафонова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 357 с.
133. Серль, Дж.Р. Метафора // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 307 - 341.
134. Симашко, Т.В. Языковая картина мира в кумулятивном аспекте / Т.В. Симашко // Мир человека и мир языка: Коллективная монография. Сер. Концептуальные исследования. Вып. 2 / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С. 32-57.
135. Скидан, О.П. Математический концепт и его категориальная структура / О.П. Скидан // Концепты. – Вып. 1. – Архангельск, 1997. – С. 36 - 68.
136. Складеревская, Г.Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания / Г.Н. Складеревская // Вопр. языкознания. – 1987. – № 2. – 58-65.
137. Складеревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складеревская – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.
138. Снисаренко, А.Б. Третий пояс мудрости: Блеск языческой Европы / А.Б. Снисаренко. – Л.: Лениздат, 1989. – 286 с.
139. Соловьева, Е.А. Концепты MIND, HEART, SOUL в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Соловьева Елена Александровна. – Тамбов, 2005. – 192 с.
140. Сорокин, Ю.А. Введение в этнопсихоллингвистику / Ю.А. Сорокин. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 1998. – 138 с.

141. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
142. Сулова, С.В. Звуковая метафора в немецкой романтической поэзии (на материале лирики Клеменса Брентано): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Сулова Светлана Владимировна. – СПб., 2001. – 185 с.
143. Тарасов, Л.Ф. К вопросу о лингвистической природе метафоры / Л.Ф. Тарасов // Русский язык в школе. – 1980. - № 4. – С. 64-67.
144. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова, Е.С. Кубряковой, В.И. Постоваловой и др. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.
145. Теория метафоры: Сб. / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
146. Толочин, И.В. Системность поэтической метафоры и ее эволюция: (На материале англо-американской поэзии XX века): Дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / И.В. Толочин. – СПб, 1997. – 375 с.
147. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 334.
148. Тростников, М.В. Метафора / М.В. Тростников // Несытые слова: Сборник памяти М.В. Тростникова / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2000. – С. 7-46.
149. Туранина, Н.А. Именная метафора в русской поэзии начала XX века: Дисс. д-ра. филол. наук: 10.02.01. / Туранина Неонила Альфредовна. – Белгород, 2000. – 340 с.
150. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. – М.: Сов. писатель, 1965. – 196 с.
151. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – С. 574.

152. Уилрайт, Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 82 -109.
153. Улыбина, Е.В. Психология обыденного сознания / Е.В. Улыбина. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.
154. Уорф, Б. Наука и языкознание / Б. Уорф // Языки как образ мира. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 202-219.
155. Урубкова, Л.М. Роль метафоры в концептуализации // Когнитивная семантика: Мат-лы II Междунар. shk.-семинара по когнитивной лингвистике: В 2 ч. – Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. – Ч. 2. – С. 137-139.
156. Фесенко, Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19. / Фесенко Тамара Александровна. – М., 1999. – 52 с.
157. Фесенко, Т.А. Перевод в зеркале когнитивной науки / Т.А. Фесенко // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.; Воронеж: ИЯ РАН; ВГУ, 2002а. – С. 65-72.
158. Фесенко, Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: Учеб. пособие / Т.А. Фесенко. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002б. – 228 с.
159. Фесенко, С.Л. Лингвокогнитивные модели эмоций в контексте национальных культур: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Фесенко Стела Леонидовна. – М., 2004. – 212 с.
160. Фурс, Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Монография / Л.А. Фурс. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – 166 с.
161. Фюнфштюк, К. Метафоризация у русских и немецких детей (на материале загадок, образных названий и визуальных образов): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Фюнфштюк Карстен. – М., 2002. – 319 с.
162. Ханевская, А.Г. Русская ментальность в зеркале метафорического слова И.В. Бунина / А.Г. Ханевская // Язык. Культура. Человек. Этнос. – Кемерово: Комплекс «Графика». – 1999. – С. 34-38.

163. Харченко, В.К. Функции метафоры / В.К. Харченко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.
164. Холшевников, В.Е. Стихovedение и поэзия / В.Е. Холшевников. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 357 с.
165. Хромов, С.П. Метеорология и климатология для географических факультетов / С.П. Хромов. – Л.: Гидрометеиздат, 1983. – 455 с.
166. Хромов, С.П. Метеорология и климатология / С.П. Хромов, М.А. Петросянец. – М.: МГУ, 2001. – 528 с.
167. Чекулай, И.В. Мотивационно-деятельностный подход к изучению языковой оценки / И.В. Чекулай // Единицы языка и их формирование. – Саратов: Научная книга, 2004. – Вып. 10. – С. 66-70.
168. Черкасова, Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов / Е.Т. Черкасова // Вопр. языкознания. – 1968. – № 2. – С. 28-38.
169. Чернявская, В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости / В.Е. Чернявская // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 106-111.
170. Чернявская, В.Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? / В.Е. Чернявская // Вопр. когнитивной лингвистики. 2005. – № 2. – С. 77-83.
171. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. – 238 с.
172. Чудинов, А.П. Методика сопоставления метафорических моделей / А.П. Чудинов // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт: Мат-лы I Всеросс. науч.-практич. конф. Ч. 3: Межкультурная коммуникация и современные лингвистические теории. – Нижний Тагил, 2003. – 158-163.
173. Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 91-105.

174. Чудинов, А.П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000-2004) / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев // *Вопр. когнитивной лингвистики*. – 2005. – № 2. – 41-50.
175. Шахнарович, А.М. Экспериментальное исследование реализации эмотивности в речевой деятельности / А.М. Шахнарович, Т.А. Графова // *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности*. – М.: Наука, 1991. – С. 99-113.
176. Шендельс, Е.И. Грамматическая метафора / Е.И. Шендельс // *Филол. науки*. – 1972.- № 3. – С. 48-57.
177. Шитикова, Е.В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Шитикова Елена Викторовна. – Барнаул, 2002. – 176 с.
178. Шкловский, В.Б. О теории прозы / В.Б. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1983. – 384 с.
179. Эртнер, Д.Е. Метафорический концепт в поэтических текстах Роберта Бернса и их русских переводах: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. / Эртнер Дарья Евгеньевна. – Тюмень, 2004. – 190 с.
180. Эткинд, Е.Г. Разговор о стихах / Е.Г. Эткинд. – М.: Дет. лит., 1970. – 240 с.
181. Black, M. Models and metaphors: Studies in language and philosophy / M. Black. – N.Y.: Ithaca, Cornell University Press, 1962. – 267 p.
182. Black, M. More about metaphor / M. Black // *Metaphor and Thought*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 19-46.
183. Clark, H. Understanding what is meant from what is said / H. Clark, P. Lucy // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. – 1975. – № 3. – P. 10-24.
184. Kittay, E. Metaphor: Its Cognitive Force and Linguistic Structure / E. Kittay. – Oxford: Clarendon Press. 1987. – 358 p.

185. Kövecses, Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling / Z. Kövecses. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 223 p.
186. Kövecses, Z. Metaphor: A Practical Introduction / Z. Kövecses. – L.: Oxford University Press, 2002. – 285 p.
187. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – XIII. – 242 p.
188. Lakoff, G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
189. Lakoff, G. More Than Cool Reason / G. Lakoff, M. Turner – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 237 p.
190. Noppen, J.-P. van. Metaphor. A Bibliography of Post-1970 Publications / J.-P. van Noppen. – Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1985. – 497 p.
191. Paivio, A. Psychological process in the comprehension of metaphor / A. Paivio // Metaphor and thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 26-41.
192. Pielenz, M. Argumentation und Metapher / M. Pielenz. – Tübingen: Narr, 1993. – 226 s.
193. Rothbart, D. Semantics of metaphor and the structure of science / D. Rothbart // Philosophy of science. – № 4. – 1984.
194. Shibles, W.A. Metaphor. An Annotated Bibliography and History / W.A. Shibles. – Whitewater: Language Press, 1971. – 167 p.
195. Turner, M. Death is the mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism / M. Turner. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 208 p.
196. Turner, M. Conceptual Integration and Formal Expression / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Symbolic Activity, 1995. – P. 183-204.
197. Turner, M. Blending as a Central Process of Grammar / M. Turner, G. Fauconnier // Conceptual Structure, Discourse and Language. / Ed. by A.E Goldberg. – Stanford: CSLI Publications, 1996.

198. Turner, M. Conceptual Integration Networks / M. Turner, G. Fauconnier // Cognitive Science. – Vol. 22 (2). – 1998. – P. 133-137.
199. Turner, M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / M. Turner, G. Fauconnier. – N.Y.: Basic Books, 2002. – 440 p.
200. Wilss, W. Kognition und Übersetzen: Zu Theorie und Praxis der menschlichen und maschinellen Übersetzung / W. Wilss. – Tübingen: Niemeyer, 1988. – 111 s.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. БЭС – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. – 685 с.
2. СЯП – Иванова, Н.Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.): Более 4500 образных слов и выражений / Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство «Русские словари»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 666 с.
3. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
4. Мальцева, Д.Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. Die deutschen Redensarten und Sprichwörter im Spiegel der Geschichte und Kultur: Около 1300 фразеологических единиц / Д.Г. Мальцева. – М.: Азбуковник; Русские словари, 2002. – 350 с.
5. СМ – Славянская мифология: Словарь-справочник / Сост. Л.М. Вагурина. – М.: Линор & Совершенство, 1998. – 320 с.
6. СЭС – Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 1600 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Анненский, И.Ф. Стихотворения / И.Ф. Анненский. – М.: Сов. Россия, 1987. – 272 с.
2. Ахматова, А.А. Стихотворения. Поэмы / А.А. Ахматова. – М.: Дрофа, 2003. – 368 с.
3. Бальмонт, К.Д. Лирика / К.Д. Бальмонт. – Мн; М.: Харвест; АСТ, 2001. – 479 с.
4. Баратынский, Е.А. Полн. собр. стихотворений / Е.А. Баратынский. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 412 с.
5. Белый, А. Солнце: Избр. стихотворения / А. Белый. М.: Дет. лит., 1992. – 255 с.
6. Блок, А.А. Избр. соч. / А.А. Блок. – М.: Художественная литература, 1988. – 687 с.
7. Боков, В. Избранное / В. Боков. – М.: Изд-во «Худ. лит.», 1970. – 480 с.
8. Брюсов, В.Я. Стихотворения / В.Я. Брюсов. – К.: Дніпро, 1990. – 302 с.
9. Волошин, М.А. Избр. стих. / М.А. Волошин. – М.: Сов. Россия, 1988. – 384 с.
10. Вознесенский, А.А. Стихотворения / А.А. Вознесенский. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 48 с.
11. Гейне, Г. Избр. соч. / Г. Гейне. – М.: Худ. лит., 1989. – 702 с.
12. Гумилев, Н. Стихотворения и поэмы / Н. Гумилев. – СПб.: Сов. писатель, 1988. – 632 с.
13. Державин, Г.Р. Стихотворения / Г.Р. Державин. – Л.: Худ. лит., 1981. – 285 с.
14. Есенин, С.А. Избр. соч. / С.А. Есенин. – М.: Худ. лит., 1983. – 432 с.
15. Заболоцкий, Н. Избранное / Н. Заболоцкий. – М.: Сов. писатель, 1960. – 239 с.
16. Золотые сны былого: Поэзия Германии XVIII-XIX веков / И.В. Гёте, Н.Ленау, Т. Шторм // Пер. с нем. Петра Абрамова. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 320 с.

17. Иванов, Г. Стихотворения / Г. Иванов. – М.: Эксмо, 2002. – 288 с.
18. Курбатова, Т. «За горизонтом души...»: Избранные стихи / Т. Курбатова. – Тамбов.: Пролетарский светоч, 2001. – 169 с.
19. Лермонтов, М.Ю. Стихотворения и поэмы / М.Ю. Лермонтов. – М.: Сов. Россия, 1974. – 304 с.
20. Майков, А.Н. Стихотворения / А.Н. Майков. – М.: Сов. Россия, 1980. – 224 с.
21. Мандельштам, О.Э. Стихотворения. Проза / О.Э. Мандельштам. – М.: АСТ; Фолио, 2001. – 735 с.
22. Маяковский, В.В. Избр. соч. В 2 т. / В.В. Маяковский. – М.: Худ. лит., 1981. – Т. 1. – 543 с.
23. Мей, Л.А. Стихотворения / Л.А. Мей. – М.: Сов. Россия, 1985. – 256 с.
24. От «Ниbelунгов» до Рильке: Нем. поэзия и русские переводы / Сост.: Н. Любимова, Н. Шляпина. – М.: Изд-во МАРТ, 2000. – 395 с.
25. Поэзия второй половины XX века / Сост.: И.А. Ахметьев, М.Я. Шейнкер. – М.: Слово, 2002. – 693 с.
26. Поэты тютчевской плеяды / Сост.: В. Котинов, Е. Кузнецова. – М.: Сов. Россия, 1982. – 400 с.
27. Пушкин, А.С. Стихотворения / А.С. Пушкин. – М.: Худ. лит., 1970. – 208 с.
28. Рильке, Р.М. Сонеты к Орфею / Пер. с нем. З.А. Миркиной / Р.М. Рильке. – М.; СПб.: Летний сад, 2002. – 57 с.
29. Рильке, Р.М. Стихотворения: Сб. / Пер. с нем. В. Куприяного / Р.М. Рильке. – М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. – 416 с.
30. Русская поэзия первой половины XIX века / Сост.: В.Д. Рак, И.С. Чистова. – М.: Слово, 2001. – 766 с.
31. Русская поэзия XVIII века: Стихотворения / Сост.: В.И. Коровина. – М.: Дет. лит., 2001. – 298 с.
32. Твардовский, А.Т. Стихотворения. Поэмы / А.Т. Твардовский. – М.: Худ. лит., 1984. – 559 с.

33. Тютчев Ф.И. Стихотворения / Ф.И. Тютчев, А.А. Фет. – М.: АСТ; Олимп, 2002. – 557 с.
34. Хлебников, В.В. Избр. соч. / В.В. Хлебников. – СПб.: Азбука, 1998. – 384 с.
35. Ходасевич, В.Ф. Стихотворения / В.Ф. Ходасевич. – СПб.: Академический проект, 2001. – 268 с.
36. Цветаева, М.И. Стихотворения. Поэмы / М.И. Цветаева. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 863 с.
37. Цветаева, М.И. О любви: Стихотворения, поэмы, проза / М.И. Цветаева. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 352 с.
38. Brentano, Cl. Romanzen vom Rosenkranz: Gedichte / Cl. Brentano. – М.: Raduga, 1985. – 576 s.
39. Braun, V. Gedichte / V. Braun. – Lpz.: Vrl. Philipp Reclam jung, 1972. – 128 s.
40. Brecht, B. Gedichte / B. Brecht. – Lpz.: Vrl. Philipp Reclam jung, 1980. – 137 s.
41. Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka. Basisbibliothek [Электронный ресурс] / Herausgegeben von Mathias Bertram. Digitale Bibliothek, Band 1: Deutsche Literatur. – Berlin, 2000. – 1 электронный опт. диск (CD-ROM).
42. Eichendorff, J. von. Das Marmorbild. Erzählungen und Gedichte / J. von. Eichendorff. – Berlin: Verlag «Neues Leben», 1984. – 381 s.
43. Flügel der Zeit. Deutsche Gedichte. 1900-1950 / Auswahl und Nachwort von Curt Hohoff. – Frankfurt a/M.: Fischer Bücherei, 1956. – 163 s.
44. Goethe, J.W. Gedichte / J.W. Goethe. – Brl. und Weimar: Aufbau-Verlag, 1986. – 587 s.
45. Heine, H. Gedichte / H. Heine. – Brl. Und Weimar: Aufbau-Verlag, 1982. – 724 s.
46. Lermontow, M. Einsam tritt ich auf den Weg: Gedichte russisch und deutsch / M. Lermontow. – Lpz.: Philipp Reclam, 1985. – 319 s.

47. Meyer, C.Fr. Der römische Brunnen. Gedichte / C.Fr. Meyer. – Berlin: Verlag der Nation, 1986. – 125 s.
48. Morgenstern, Ch. Heimlich träumen. Mensch und Erde. Grotesken. Lieder, Phantasien / Ch. Morgenstern. Brl.: Henschelverlag, 1972. – 159 s.
49. Rilke, R.M. Gesammelte Gedichte / R.M. Rilke. – Frankfurt a/M.: Insel-Verlag, 1962. – 587 s.
50. Ritter, A. Gedichte / A. Ritter. – Stuttgart, 1900. – 227 s.
51. Schiller, Fr. Gedichte / Fr. Schiller. – Lpz.: Philipp Reclam jung, 1972. – 379 s.
52. Trakl, G. Gedichte / G. Trakl. – Lpz.: Philipp Reclam jung, 1975. – 119 s.

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

№ п/п	метафора / концепт	облако	туча	луна	месяц	солнце	звезда	ветер	радуга	молния	гром	снег	дождь
1.	Антропоморфная метафора												
	Человек	+	+	+	+	+	+	+	-	+/-	+/-	+/-	+
	Странник, путник кочевник, беглец скиталец и т.д.	+	+	+	+		+	+				+	
	Семья (родственные отношения)	+	+	+	+	+	+						
	Ребенок, младенец	+	+	+	+		+						+
	Женщина	+	+	+		+/-	+						
	Мужчина	+			+	+		+					
	Бог, ангел			+	+	+							+
	Властелин, царь, хозяин, владыка, господин, вождь, правитель и т.д.			+	+	+		+					
	Гость			+		+		+					+
	Армия, рать	+	+				+	+					
	Страж, пастух	+		+	+	+							
	Посол, предвестник и т.д.	+					+	+					
	Друг			+	+			+					
	Наездник				+	+		+					
	Разбойник, шалун хулиган и т.д.		+				+	+					
	Певец					+		+					+
	Фея, волшебник, чародей и т.д.				+								+
	Великан, титан, богатырь, гигант, исполин и т.д.	+				+							
	Утешитель							+					+
	Паяц				+			+					

	Сеятель, землемер							+					+
	Музыкант							+					+
	Танцор							+					+
	Художник					+		+					
	Богомолец	+											
	Наставник							+					
	Ветреник							+					
	Хитрец							+					
	Полотер					+							
2.	<i>Зооморфная метафора</i>												
<i>а)</i>	<i>Животное</i>	+	+	+	+	+	-	+	-	+	-	-	-
	Конь, кобыла	+	+		+	+				+			
	Змея	+		+		+				+			
	Собака / волк		+	+				+					
	Стадо, караван	+	+										
	Ягненок, барашек, овца	+			+								
	Рог животного				+								
	Шкурка животного	+											
	Бык					+							
	Верблюд		+										
	Слон		+										
	Жираф					+							
	Лев					+							
	Жало									+			
<i>б)</i>	<i>Рыба, обитатели водоемов</i>	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
	Стерлядь								+				
	Осетр								+				
	Акула		+										
	Кит		+										
	Тюлень	+											
	Медуза			+									
	Лягушка			+									
<i>в)</i>	<i>Птица</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-
	Крыло птицы	+	+					+		+			
	Стая птиц (горлинок)	+										+	
	Лебедь	+		+									
	Орел			+		+							
	Сказочная птица (жар-птица)					+			+				
	Пух птицы											+	

	Гусь				+								
	Голубь	+											
	Ласточка						+						
	Перепелка							+					
	Малиновка						+						
	Ворон		+										
	Сокол							+					
	Фазан					+							
	Павлин						+						
г)	<i>Насекомое</i>	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-	+	-
	Стрекоза	+										+	
	Пчела						+					+	
	Божья коровка					+							
	Паук					+							
	Муха											+	
	Мотылек						+						
	Светляк						+						
	Цикада							+					
3.	Фитоморфная метафора												
	Растение	+	-	+	-	+	+	-	-	-	-	+	-
	Цветок			+		+	+					+	
	Дебри	+											
	Дерево	+											
	Тополь	+											
	Ветка дерева	+											
	Букет						+						
	Лепесток						+						
	Мак					+							
	Колокольчик											+	
	Ландыш											+	
	Гвоздика						+						
	Озимый сев						+						
	Виноград						+						
	Дыня			+									
4.	Натуроморфная метафора	+	+	-	-	+	+	-	-	+	-	+	-
	Остров	+	+										
	Огонь, пламя					+				+			
	Пустыня											+	
	Холм плавучий	+											
	Океан											+	
	Море											+	
	Река						+						
	Волна											+	

5. *Артефактная метафора*

а) <i>Постройки, строительные сооружения</i>	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+
Ступеньки	+											
Башни	+											
Палаты					+							
Колонна												+
Столб												+
Арка								+				
Ворота								+				
Мост								+				
Окно					+							
Гнездо	+											
б) <i>Осветительный прибор</i>	-	-	+	+	+	+	-	-	+	-	-	-
Лампадка			+		+	+						
Фонарь			+	+	+							
Лучина				+		+						
Свеча					+	+						
Факел			+		+							
Светильник			+			+						
Маяк			+			+						
Кадило					+							
Лампа					+							
Люстра						+						
Пир электричества									+			
Вольтовая дуга									+			
в) <i>Посуда</i>	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Кувшин			+									
Сверкающий кубок					+							
Чаша				+								
Ложка			+									
Лоханка			+									
Таз				+								
Кастрюля					+							
Ведрышко (ведро)					+							
г) <i>Хозяйственный инвентарь</i>	+	-	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+
Игла									+			+
Гвоздь						+					+	
Сеть						+						

	Невод						+						
	Поплавок			+									
	Спица									+			
	Молот											+	
	Соха				+								
	Жатвенный серп				+								
	Метла												+
	Коромысло									+			
	Утюг	+											
д)	<i>Механизм</i>	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
	Часы			+		+							
	Маятник				+								
	Циферблат			+									
е)	<i>Оружие</i>	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+
	Меч				+	+		+		+			+
	Стрела					+				+			+
	Щит			+		+							
	Палица										+		
	Пика						+						
	Острие копья									+			
	Кинжал				+								
	Нож				+								
	Бритва							+					
	Лук								+				
ж)	<i>Музыкальный инструмент</i>	-	-	+	+	+	-	+	-	-	+	-	+
	Пастушеский, охотничий рожок			+	+								
	Аккорд							+					
	Струны												+
	Гусли					+							
	Арфа							+					
	Барабан					+							
	Бубен					+							
	Язык колокола				+								
	Труба										+		
	Дудка							+					
з)	<i>Средство передвижения</i>	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-
	Челн		+	+									
	Лодка	+		+									
	Корабль	+	+										
	Повозка					+					+		
	Паруса	+											
	Ладья				+								

	Галера	+											
	Колесница					+							
	Тележка										+		
и)	<i>Вместилище</i>	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
	Могила	+										+	
	Мешок		+										
	Чехол		+										
	Наволочка	+											
	Ложё											+	
	Постель											+	
к)	<i>Поверхность</i>	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
	Пеленка	+											
	Простынь	+											
	Одеяло											+	
	Саван	+											
	Скатерть											+	
	Ковер											+	
л)	<i>Одежда</i>	-	+	-	-	+	+	-	+	+	-	+	+
	Плащ						+					+	+
	Платье		+									+	
	(с кружевом)												
	Рукава		+									+	
	Пояс								+	+			
	Шуба											+	
	Мантия						+						
	Риза						+						
	Накидка												+
	Сарафан											+	
	Рубашка											+	
	Шаль		+										
м)	<i>Головной убор</i>	-	-	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-
	Лента								+	+			
	Венец									+		+	
	Косынка, платок											+	
	Фата											+	
	Чепчик											+	
	Шапка											+	
	Шлем					+							
	Ободок								+				
	Гребень			+									
	Диадема											+	
	Корона											+	
н)	<i>Украшения и драгоценные камни</i>	+	-	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+

	Кольцо					+			+	+			
	Бусы	+											
	Булавка						+						
	Жемчуг, перл	+		+			+					+	+
	Бисер, стеклярус						+					+	+
	Опал			+	+		+						
	Хрусталь						+					+	
	Алмаз						+					+	
	Аметист					+	+						
	Блестки											+	
	Бриллиант						+						
	Изумруд						+						
	Лазурит						+						
	Яхонт						+						
	Янтарь						+						
	Кристалл			+									
	Коралл				+								
	Рубин					+							
o)	Металл	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+
	Серебро											+	+
	Золото			+									+
	Железо												+
	Олово												+
	Ртуть												+
	Свинец												+
n)	Материал	+	-	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+
	(для изготовления чего-либо)												
	Паутина						+					+	+
	Пена	+										+	
	Вата	+										+	
	Ткань					+			+				
	(ситец и т.д.)												
	Сетка											+	+
	Хлопок											+	
	Пух											+	
	Нить											+	
	Волокна											+	
	Пряжа											+	
	Шерсть											+	
	Кружево											+	
p)	Продукт питания	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+
	Напиток												+
	Бальзам												+
	Вино												+

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

№ п/п	метафора	die Wolke 'облако / туча'	der Mond 'месяц'	die Sonne 'солнце'	der Stern 'звезда'	der Wind 'ветер'	der Regenbogen 'радуга'	der Blitz 'молния'	der Donner 'гром'	der Schnee 'снег'	der Regen 'дождь'
	концепт										
1.	Антропоморфная метафора	+	+	+	+	+	-	+/-	+/-	-	+/-
	der Mensch 'человек'	+	+	+	+	+			+		
	das Kind 'ребенок'	+			+	+		+			
	die Frau (die LUNA) 'женщина'	+	+	+							
	der Mann 'мужчина'	+	+	+							
	der Gemahl / die Gattin (die Windesbraut)	+	+	+							
	der / die Buhle 'возлюбленный, возлюбленная'		+	+		+					
	der Gott / die Göttin (die LUNA) 'бог, богиня'	+	+						+		
	der Musiker 'музыкант' (der Pfeifer 'свистун, городской музыкант', der Trompeter 'трубач, горнист', der Tambour 'барабанщик')					+			+		+
	die Verwandtschaft 'родство'		+	+							
	die Mutter 'мать'		+	+							
	die Tochter 'дочь'	+		+							

der Engel				
‘ангел’	+			+
der Riese	+		+	
‘великан, гигант, исполин, колосс, титан’,				
der Koloß				
‘колосс, гигант’				
die Armee	+			+
‘армия’				
der Knappe		+		+
‘оруженосец’				
der Held			+	+
‘герой’				
der Hirt,		+		+
der Schäfer				
‘пастух, пастырь’				
der / die	+		+	
Heimatlose				
‘человек без родины’,				
der Wanderer				
‘путешественник, путник, странник’				
der Freund ‘друг’,		+	+	
der Vertrauter				
‘доверенный’,				
der Gespieler				
‘друг детства’				
der Bursche			+	
‘парень, малый’				
der Greis		+		
‘старик, старец’				
unsereiner		+		
‘наш брат’				
die Schwester		+		
‘сестра’				
die Geister				+
‘духи’				
der König /			+	
die Königin				
‘король, королева’				
der Friedensbote				+
‘вестник мира’				

	das Gewimmel												+
	‘толпа’												
	die Soldaten												+
	‘солдаты’												
	die Wache												+
	‘стража, караул, охрана’												
	der Trauergast	+											
	‘печальный гость’												
	der Begleiter			+									
	‘сопровождающий , провожатый’												
	der Arzt			+									
	‘врач’												
	der Sänger												+
	‘певец’												
	der Tänzer	+											
	‘танцор’												
	der Maler					+							
	‘художник’												
	die Tränen												+
	‘слезы’												
	das Glück					+							
	‘счастье’												
	der Trost									+			
	‘утешение’												
2.	Зооморфная метафора	+	+	+	+	+	-	+/-	+/-	+	-		
	Lebende Wesen	+											
	sehr verschiedner Gestalt												
	‘живые существа в различных обликах’												
a)	<i>das Tier</i>	+	+	+	+	+	-	-	-	+	-		
	‘Животное’												
	das Schaf	+	+		+					+			
	‘овца’												
	die Herde	+			+					+			
	‘стадо, табун’												
	das Horn		+										
	‘рог’												
	das Roß				+								
	‘конь, кобыла’												

	der Rappe	+									
	‘вороной, лошадь вороной масти’										
	das Lamm	+									
	‘ягненок, барашек’										
	der Hund								+		
	‘собака’										
	der Widder							+			
	‘баран’										
	das Kalb			+							
	‘теленок’										
б)	der Fisch	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-
	‘рыба’										
	der Goldfisch		+		+						
	‘золотая рыбка’										
в)	der Vogel	+	+	+	+	+	-	-	-	+	-
	‘птица’										
	der Flügel	+			+	+			-	+	
	des Vogels										
	‘крыло птицы’										
	der Schwan	+	+								
	‘лебедь’										
	der Vogelsang					+					
	‘пение птиц’										
	die Nachtigall				+						
	‘соловей’										
	der Wanderfalke					+					
	‘сокол’										
	der goldene Vogel			+							
	‘сказочная птица’										
г)	das Insekt	-	-	+		-	-	-	-	+	-
	‘насекомое’										
	die Biene				+					+	
	‘пчела’										
	der Schmetterling			+							
	‘бабочка, мотылек’										
3.	Фитоморфная метафора	+	+	+	+	-	-	-	-	+	-
	die Blume	+	+	+	+		-			+	
	‘цветок’										
	die Pflanze	+		+	+		-			+	
	‘растение’										

	die Rose ‘роза’	+		+							
	der Wald ‘лес’	+									
	die Sternblume (die Aster) ‘астра’				+						
	die Sonnenblume ‘подсолнечник’			+							
	die Schneeglöckchen ‘подснежник’								+		
	das Gras ‘трава’		+								
	die Orange ‘апельсин’			+							
	die Zitrone ‘лимон’				+						
4.	Натуроморфная метафора	+	-	+	+	-	-	+	-	-	-
	der Hügel ‘холм’	+		+							
	das Meer ‘море’			+	+						
	das Feuer, die Flamme ‘огонь, пламя’			+				+			
	der Fels ‘скала; утес’	+									
	die Welle ‘волна’	+									
5.	Артефактная метафора	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
a)	<i>die Anlage und die Einrichtung ‘постройка, строительное сооружение и обстановка комнаты’</i>	+	-	+	+	-	+	-	-	-	-
	die Brücke ‘мост’	+					+				
	der Thron ‘трон, престол’	+		+							
	das Haus ‘дом’			+							

	der Tempel											+
	‘храм, святилище’											
	das Schloß	+										
	‘замок’											
	die Türme	+										
	‘башни’											
	das Zelt											+
	‘палатка, шатер’											
	die Schanze											+
	‘укрепление’											
	die Halle											+
	‘зал’											
	das Gewölbe,											+
	der Dom											
	‘свод, купол’											
	die Wand	+										
	‘стена’											
	der Bogen											+
	‘арка, свод’											
	der Ofen											+
	‘печь’											
b)	die Beleuchtung	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
	‘освещение’											
	die Lampe		+	+	+							
	‘лампа’											
	die Kerze				+							
	‘свеча’											
	die Fackel			+								
	‘факел’											
v)	das Geschirr	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
	‘посуда’											
	der Eimer ‘ведро’		+	+								
	der Becher			+								
	‘кубок’											
z)	der Mechanismus	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
	‘механизм’											
	die Uhr ‘часы’			+								
d)	die Haushaltswaren	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	
	‘хозяйственный											
	инвентарь’											
	der Hammer							+	+			
	‘молот, молоток’											
e)	die Waffe	-	+	+	-	+	+	+	+	-	+	
	‘оружие’											
	der Pfeil			+				+				+

	‘стрела’										
	die Lanze			+				+			
	‘копье, пика’										
	der Schild	+		+							
	‘щит’										
	der Waffenklang					+					
	‘звон оружия’										
	das Geschütz								+		
	‘орудие’										
	das Schwert							+			
	‘меч’										
	der Bogen							+			
	‘лук’										
	das Pulver										+
	‘порох’										
	die Kugel										+
	‘пуля’										
жс)	das	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-
	Musikinstrument										
	‘музыкальный										
	инструмент’										
	das Horn					+			+		
	‘рог, горн’										
	die Posaune								+		
	‘тромбон’										
	die Orgel								+		
	‘орган’										
	die Glocke								+		
	‘колокол; гонг’										
	die Pfeife					+					
	‘дудка, свирель’										
	die Trompete					+					
	‘труба’										
	die Saite					+					
	‘струна’										
з)	das Verkehrsmittel	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-
	‘средство										
	передвижения’										
	das Segel	+									
	‘парус’										
	der Kahn				+						
	‘лодка,										
	плоскодонка,										
	челн’										

	das Schiff	+										
	‘судно, корабль’											
	der Wagen					+						
	‘экипаж, коляска, повозка’											
	der Karren					+						
	‘тележка’											
и)	<i>der Behälter</i>	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	
	‘вместилще’											
	die Hülse									+		
	‘оболочка, гильза; футляр’											
	der Schoß	+										
	‘лоно, чрево’											
	der Brunnen			+								
	‘колодец’											
к)	<i>die Oberfläche</i>	+	-	-	-	-	+	-	-	+	+	
	‘поверхность’											
	die Hülle	+										
	‘покров, пелена’											
	das Tuch ‘сукно’										+	
	der Schleier						+					
	‘покрывало, пелена, завеса’											
	die Decke									+		
	‘покров; одеяло, покрывало; скатерть’											
	der Teppich	+										
	‘ковер’											
л)	<i>die Bekleidung</i>	+	-	-	+	+	-	-	-	+	-	
	‘одежда’											
	der Mantel	+			+							
	‘плащ, пальто, шинель, шуба’											
	das Gewand									+		
	‘одеяние, одежда, платье’											
	die Hosen					+						
	‘брюки, штаны’											
	das Kleid	+										
	‘платье’											
м)	<i>die Kopfbedeckung</i>	+	+	-	+	+	-	-	-	+	+	
	‘головной убор’											

	der Kamm		+			+					
	‘гребень’										
	der Kranz	+				+					
	‘веннок, венец’										
	das Tuch										+
	‘платок, косынка’										
	die Krone	+									
	‘корона, венец’										
n)	<i>der Schmuck und die Edelsteine</i>	-	+	+	+	-	+	-	-	+	+
	‘украшения и драгоценные камни’										
	der Ring			+							
	‘кольцо’										
	die Perle		+		+		+				
	‘жемчужина’										
	der Edelstein			+							
	‘драгоценный камень’										
	das Kristall			+							
	‘хрусталь’										
	der Diamant									+	+
	‘алмаз’										
	der Kristall									+	+
	‘кристалл’										
	der Rubin			+							
	‘рубин’										
o)	<i>das Metall</i>	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+
	‘металл’										
	das Silber		+								+
	‘серебро’										
	das Gold ‘золото’		+	+							+
	das Kupfer		+								
	‘медь’										
n)	<i>das Geld</i>	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
	‘деньги’										
	der Taler			+							
	‘талер’										
p)	<i>das Material</i>	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-
	‘материал’										
	der Flaum,	+								+	
	die Daune										
	‘пух, пушинка’										

	der Flor	+									
	‘газ, креп (ткань)’										
c)	<i>das Getränk</i>	-	-	+	-	+	-	-	-	-	+
	‘напиток’										
	der Balsam					+					
	‘бальзам’										
	der Wein			+							
	‘вино’										
m)	<i>Kugelförmiger</i>	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+
	<i>Gegenstand</i>										
	‘предмет круглой										
	<i>формы’</i>										
	der Ball		+	+							
	‘мячик’										
	die Kugel			+							+
	‘шар’										
	der Knopf			+							
	‘пуговица’										
	das Rad			+							
	‘колесо’										
	das Loch	+									
	(am Himmel)										
	‘дыра на небе’										

Приложение III

Таблица 1

Метафоризация концептов природных явлений
в структуре сознания носителей русского языка (испытуемые 1)

№ п/п	Область- мишень (концепт)	Наиболее частотные области-источники (метафора) (кол-во испытуемых)	Прилагательные, конкретизирующие области-источники (метафорический образ) (кол-во испытуемых)	Глаголы, конкретизирующие области-источники (метафорический образ) (кол-во испытуемых)
1.	«месяц»	Молодец 6 Брат 2 Сторож 5 Царь, король (корона) 5 Рыцарь 2 Гость (непоседа) 4 Маг 3 Сказочник 4 Банан 5 Краюшка 2 Серп 10 Лодка 5 Мяч 6	молодой 10 загадочный 5	стоит 9, видит 5, спит 4, рождается 11 караулит 4, поджидает 3
2.	«луна»	Девушка 2, богиня 1 (лицо 3, красавица 2, шалунья 1) Колыбель, люлька 5 Банан 2 Лепешка 6 Мяч 8 Зеркало 2 Монета 1 Животное 1	сонная 2, романтичная 7, завораживающая 4, красивая 2, прекрасная 6, ослепительная 3, загадочная 3, молодая 7, веселая 1	смотрит 12 выплыла 2, плывет 5 охраняет 2
3.	«солнце»	Подсолнух 2 Блин 2 Свет (лампочка 6, огонь 2, костер) Цветок 4 Апельсин, мандарин 7 Человек 1 Мяч 4	золотое 5, желтое 7 ослепительное 2, огненное 1 красивое 8	греет 2, согревает 7 встает 4, садится

4.	«звезда»	Свет (маяк 2, огонек 4) Бриллиант 5, алмаз 2 Мотылек 2 Снежинка 9	яркая 10, светящая 5, мерцающая 4, сверкающая 3, гаснущая, потухающая, переливающаяся	сияет 7, сверкает 5, блестит 3, зажглась, мерцает 6, горит 4, светит 2, пылает глядит 8, говорит 2
5.	«облако»	Фигура 3 Животное 6 (лошадка 4, верблюд, кот) Птица 4 Ангелочек 3 Вата 3 Перина 4, подушка 3 Губка 2 Корабль 9 Замок 1 Самолет 2 Пирожное 2	маленькое 3, большое (огромное) 9 перистое 6, парящее 5 милое 1 белое 7, легкое 4, воздушное 4, пушистое 5, пышное 2, пуховое 2	движется 5, бежит 4, идет летит 3, парит 2 плывет 6
6.	«туча»	Звери 5 Ворон 2 Чудовище 2 Ковер 5 Гора 2 Крыша 1	черная 6, темная 6, грозная 4, большая 3, страшная 2, хмурая	идет 9, бежит 5, бродит 2, ходит 2, летит 6, надвигается, застилает, нависает 2, плывет 2, плачет 10
7.	«радуга»	Мост 11 Арка 6 Ворота 3 Дорога 5 Ожерелье 2 Лента 10 Шарф 3 Браслет 2 Коромысло 3 Зебра 4 Хамелеон 2 Акварель 2 Цветник 2	высокая 4, низкая 3 яркая 8, разноцветная 8, переливающаяся, красивая 6	переливается 8, блестит 5, ослепляет, сверкает радует 6, веселит
8.	«гром»	Барабан 5 Кувалда 4 Топор 2 Кастрюля 1 (грохот 2, удар, стук)	сильный 5, раскатистый 5, страшный 4, устрашающий 6, грозный, громкий 2, гроыхающий, звонкий, шумный	гремит 10, грохочет 4, ударяет 5, пугает 2

9.	«МОЛНИЯ»	Огонь 7 Стрела 7, зигзаг Уж 6, ящерица, варан Гнев, страх	яркая 8, сверкающая 5, ослепительная 3, внезапная, страшная 2, устрашающая, пронзающая, быстрая	сверкает 12, блестит, ослепляет, бьет 6, разрушает 2, ударяет, убивает, пугает
10.	«СНЕГ»	Вата 12 Пух 7 Светлячки 2, мухи 9, Мотыльки Цветы 3 Люди 1	пушистый 6, легкий, мягкий 3 блестящий 2, сверкающий, серебристый	кружится 4, летит 3, блестит 3
11.	«ВЕТЕР»	Птица 9 Сабля, нож 5 Музыка 5 Кофта 3 Покрывало 2 Могущество, мощь	холодный 7, пронизывающий 4, порывистый 4, жаркий 2, ласковый 4, нежный 3, суровый 3, могучий 2, буйный	бушует 2 воет 5, кочует 4, плачет 2
12.	«ДОЖДЬ»	Стена 4 Печаль, тоска, разочарование 8 Очищение 3		плачет 10

Таблица 2

Метафоризация концептов природных явлений
в структуре сознания носителей русского языка (испытываемые 2)

№ п/п	Область-мишень (концепт)	Наиболее частотные области-источники (метафора) (кол-во испытываемых)	Прилагательные, конкретизирующие области-источники (метафорический образ) (кол-во испытываемых)	Глаголы, конкретизирующие области-источники (метафорический образ) (кол-во испытываемых)
1.	«месяц»	Юноша 5 Серп 5 Коса 2 Мышь 1	молодой 3, красивый 2	народился 2, растет 2
2.	«луна»	Сыр 6 Лицо 5 Колесо 5 Мяч 4 Тарелка 3 Монета 2	желтая 5 красивая 3, загораживающая 2	смотрит 4, задумалась, загораживает 3, растет 2

3.	«солнце»	Подсолнух 6 Блин 4 Мать 4 Апельсин 3 Бубен 2	ослепительное 7	садится, встает 2
4.	«звезда»	Огонь 5 Человек 2 (девочка) Одуванчик 4 Елка 2	яркая 8, блестящая, остроконечная 5	искрится, горит 7, светит 3, пылает
5.	«облако»	Вата 6 Пух 3 Перина 3 Безе Фигурки 6 Пьеро Овечка 4 Лошадка 3 Кошка	белое 3, пушистое 2, перьевое 2, перистое 2, легкое, воздушное, нежное бегущее 3	бегаёт 2, движется 5 плывёт 4, летит 3
6.	«туча»	Ворона 5 Мачеха 2 Корыто 2	черная 3, серая, темная, страшная 2, хмурая, мрачная, грозная, тяжелая, большая	плачет 4, движется 3, парит 2, летит 5, плывет 4
7.	«радуга»	Дорога 4 Коромысло 2 Цветок 3 Хамелеон 2	яркая 4, разноцветная 5, семицветная, цветная 2, красивая веселая 2, влюбленная	пылает 4, блестит, радует 3, веселится, мечтает
8.	«гром»	Враг 3 (страх 2) Оружие 2 (взрыв, удар) Зверь 1	страшный 5, ужасный 3, пугающий 2, громкий 3, сильный 3, раскатистый, обиженный	нападает 4, прогремел 6, грянул 3, раскатывается, злится 2, обижается
9.	«молния»	Стрела 5 Пуля 2 Нож 2 Веревка, лиана 5 Свет, электричество 2 Пантера (страх) 1	быстрая, меткая, беспощадная 4, длинная 3, ослепляющая 4, яркая 3, страшная 2, ужасающая, строгая	убивает, ударяет 5, бьет 2 блещет, сияет, сверкает, освещает, озаряет
10.	«снег»	Пушинка, пух 6 Подушка 3 Шуба 2 Стрекоза 2 Звездочка 5	белый 6, пушистый 4, легкий 3, мягкий 2, нежный 3	лежит 2 кружится 4, летит 3, витает

11.	«ветер»	Плетка 4 Слез (плач) 6	сильный 6, порывистый 2, могущественный, проворный, нежный, теплый 2, приятный	буйствует, пугает, свистит 4, дует 6, воет
12.	«дождь»	Музыка 3 Горох 2 Печаль, расставание, Грусть 6	противный 2, приятный 4	плачет 7, бьет 2

Таблица 3

Метафоризация концептов природных явлений
в структуре сознания носителей русского языка (испытываемые 3)

№ п/п	Область- мишень (концепт)	Наиболее частотные области-источники (метафора) (кол-во испытуемых)	Прилагательные, конкретизирующие области-источники (метафорический образ) (кол-во испытуемых)	Глаголы, конкретизирующие области-источники (метафорический образ) (кол-во испытуемых)
1.	«месяц»	Ребенок 3 Фокусник 4 Серп 10 Рог 9	красивый 2, прекрасный, молодой 3	зарождается 4
2.	«луна»	Голубь 2 Воробей Гусь Аист 2, Журавль, Зверь 2 Бриллиант 6 Блин 3 Цветок 2 Бумеранг 2	полная 4, маленькая, красивая яркая 2	чувствует , тоскует
3.	«солнце»	Птица (феникс) 3 Царь (любовь) 2 Светильник 4 Апельсин 8 Стекло 2 Прорубь 2 Сосуд 1	Яркое 6, пылающее, горячее 6 веселое, играющее, блаженное	радуется, улыбается садится, встает 2
4.	«звезда»	Светильник 5 Огонь, пламя 3 Алмаз 2	яркая 6, сияющая 2	искрится, горит 3, светит, мерцает 3, сияет 2

5.	«облако»	Лошадка 3 Медвежонок Собака Шкурка 5 Подушка 4 Корабль 5 Дрожжи 4 Мука 3 Подснежник 2	нежное, пушистые 2, мягкие 3, плывущие, белое 5	плывет 7, улетело
6.	«туча»	Кит 4 Слоник 2 Самолет 5 Автомат 2	плывущая 6, хмурая 3, черная 3, темная 3, серая могучая, большая	плывет 2, бежит 4 чернеет, громыхает
7.	«радуга»	Мост 4 Тропинка 2 Дорога 3 Змея 2 Ремень 3 Акварель 1 Нож 1	дугοобразная 8, разноцветная 3, цветная 2, переливающаяся, красивая 2, улыбающаяся, веселая 3, радостная 3	переливается 2
8.	«гром»	Взрыв 5 Молоток 4 (удар, грохот)	грохочущий, громкий 2, сильный 6, оглушительный 5, гремящий 3	стучит гремит 9, ударяет 2, громыхает, пугает 3
9.	«молния»	Нитка, веревка, канат 7 Уж 2, гадюка 2, кобра 1	сверкающая 5, ослепительная, сияющая, светящаяся, внезапная, страшная	ударяет 3, бьет, ломает сверкает 10
10.	«снег»	Пух 3 Вата 3 Оса 2, стрекоза шмель Одеяло 3 Вертолет 2 Звездочка 3 Яйцо, цыпленок 1	Белый 6, пушистый 5, легкий, воздушный	кружится 4
11.	«ветер»	Сабля 2 Лук 2 Пуля 4 Друг 3	злой, порывистый 2, быстрый 2, могучий 2, пронизывающий, сильный 3 нежный, веселый, ласковый	ласкает, веселит, играет, воет
12.	«дождь»	Алмаз 5	крупный плаксивый, ласкающий	

Метафоризация концептов природных явлений
в структуре сознания носителей русского языка (испытываемые 4)

№ п/п	Область- мишень (концепт)	Наиболее частотные области-источники (метафора) (кол-во испытываемых)	Прилагательные, конкретизирующие области-источники (метафорический образ) (кол-во испытываемых)	Глаголы, конкретизирующие области-источники (метафорический образ) (кол-во испытываемых)
1.	«месяц»	Серп 13 Рог 16 Банан 6 Колыбелька 4 Тарелка 2 Рогалик 2 Бумеранг 3 Клешня 1 Кресло-качалка 1 Колдун (фея) 3 Друг 5 Улыбка 2	рогатый 14, острый 3, волшебный, загадочный 8, молодой 6, красивый 3, романтичный	рождается 4, улыбается, светит 13, сияет 5, блестит 3, мерцает, плывет 2
2.	«луна»	Ворона, грач, сова, воробей 5, аист, утка, гусь 3 Сыр 11 Блин 8 Лимон 5 Яблоко 4 Фонарь 7 Колесо 2 Колобок 2 Голова, лицо, облик 2 Мяч 2 Барабан 2 Бубен 1 Монета 1 Пуговица 1	привлекательная, романтическая 11, волшебная, хмурая 1, грустная 12, красивая, красная 5, желтая 14, золотая 14, яркая 8	светит 17, освещает 2, мерцает 2
3.	«солнце»	Блин 10 Лампочка 2, лампа, факел 2, огонь 4, костер Тарелка 2, блюдо, сковородка, решето Золото, монеты 3, деньги Мяч 5	яркое 17, огненное 2, светящееся, сияющее, красное 3, блестящее	светит 17, сияет 3, горит 2, сверкает 2, потухает, освещает

		Барабан 2 Печка 3 Подсолнух 2 Колесо Дом Родители	желтое 15, золотое 2	встает 6, садится 2
4.	«звезда»	Огонь 15, костер 4 Муха 8, светлячок 7 Лампочка 9 Лампадка 2 Бриллиант 8 Изумруд 1 Глаза 5	яркая 17, сияющая 2, мерцающая 5, меркнушая, догорающая, сверкающая 2, блестящая	мерцает 11, светит 9, сияет 7, блестит 6, мигает 2, сверкает 2, гаснет, угасает, догорает, меркнет
5.	«облако»	Животные (млекопитающие, травоядные) 15 Лошадка 5 Овца 7 Барашек 4 Коза Дракон Заяц Птица 4 Рыба 2 Перина 8 Подушка 2 Корабль 8 Море, волны 3 Вата 5 Самолет 3 Кудри, волосы 2 Цветок 3	Фигурное 10, перистое 10, летящее 7, пушистое 7, легкое 3, мягкое 10 плывущее 12	бежит 4, пробегает, несется, плачут, летает 8, плывет 17
6.	«туча»	Животное 9 Бык Птица 7 Кит 3, дельфин 2, щука 2, скат, пескарь, лещ, окунь Море, океан 2 Водоросли 3, трава 2 Цветок 3 Гора 2 Покрывало, полотно, Скатерть 6 Враг 3 Приведение 2	темная 13, черная 12, грозная 7, хмурая 7, страшная 2, угнетающая, могучая, пугающая 4, ужасающая 2	мчится 9, бежит 5, пролетает 7, хмурятся 3

7.	«радуга»	Коромысло 8 Мост 7 Дорога 5 Браслет 3 Лента 6 Ремень 3 Ободок 3 Зебра 3 Уж 3 Конфетти 2 Салют 2 Цветы 5	красивая 17, яркая 14, разноцветная 17, цветная 3, пестрая, многоцветная, семицветная 2, красная, фиолетовая, оранжевая, желтая	сверкает 5, сияет 3, блестит 2, переливается
8.	«гром»	Гонг 6 (удар 12) Молоток 5 Оружие 4 (взрыв 15) Топор 2 Кулак 2 Бочка 1 Слон 2	сильный 15, страшный 12, громкий 4, грозный 3, шумный, мощный, продолжительный, ужасный, пугающий, устрашающий 3, звонкий, оглушительный 5	гремит 15, ударяет 7, пугает 5, шумит 2, грохочет 2, устрашает, долбит
9.	«молния»	Оружие 10 Меч 2, сабля, стрела 2, копье 2 (зигзаг) Уж 11, гадюка, удав, червь, ящерица 2 Нитка 3 Ручей, река 2	яркая 16, сверкающая 4, быстрая 4, пугающая 3, опасная 3, устрашающая, страшная, извилистая, стрелообразная	сверкает 15, горит, освещает 2, ударяет 7, бьет 2, убивает 2, гремит, пугает 2
10.	«снег»	Муха 8, стрекоза 5, пчела 3, бабочка 2, паук, жук, муравей, комар Лебедь 8 Кристаллы 12 Жемчуг 6 Серебро 3 Вата 14 Пух 9 (перья) Перина 8 Покрывало 6 Мука 2 Сахар 2 Звезда 2	белый 17, пушистый 15, легкий 7, мягкий 5, воздушный	падает 16, кружится 8, летает 2, накрывает, сверкает, мерцает
11.	«ветер»	Оружие 3 Нож 8, лезвие Ткань, шелк, бархат 15	сильный 16, холодный 16, порывистый 8, пронизывающий 7, могучий, приятный	дует 8, шумит 6, воет 5, свищет (свистит) 5, гуляет 5, пронизывает 3
12.	«дождь»	Эликсир 5 Слезы 16 Печаль 10	плачущий 12	плачет 12

Метафоризация концептов природных явлений
в структуре сознания носителей русского языка (испытываемые 5)

№ п/п	Область- мишень (концепт)	Наиболее частотные области-источники (метафора) (кол-во испытываемых)	Прилагательные, конкретизирующие области-источники (метафорический образ) (кол-во испытываемых)	Глаголы, конкретизирующие области-источники (метафорический образ) (кол-во испытываемых)
1.	«месяц»	Кудесник 4 Маг 2 Чародей 2 Сторож 5 Лодка (челн) 5	рогатый 7	Светит 8
2.	«луна»	Блин 5 Тарелка 4 Сова 4 Фонарь 4	яркая 5, желтая 8	плывет 6
3.	«солнце»	Мать 6 (жизнь 7) Апельсин 5	яркое 5, горячее 4, жгучее 3, теплое 2, жаркое 2	светит 5, сияет 3, сверкает
4.	«звезда»	Огонь 5, маяк 3	Яркая 4, блестящая 2, сверкающая	мерцает 3, сияет 2, светит
5.	«облако»	Кудри 4 Пух 4 Барашек 5 Овечка 7 Кораблик 4	белое 5, пушистые 5, легкое 3	плачет плывет 7
6.	«туча»	Кит 5 Скат 4 Пасть 4 Страх 6	черная 5, темная 3, серая, синяя, грозная 3, хмурая 3, большая	заволокла 3, заслонила, плачет, движется, надвигается 2
7.	«радуга»	Мост 6 Лента 5 Тесьма 2 Бант 3 Коромысло 7	яркая 5, цветная 2, семицветная 3, разноцветная 2	перекинулась 5, сверкает 3
8.	«гром»	Барабан 4 (звон, удар) Наковальня 6 Набат 3	страшный 4, сильный 4, громкий 2, продолжительный, оглушительный	гремит 8, грохочет 2, ворчит
9.	«молния»	Стрела 7 Лента 7	яркая 7, ослепительная 4, красивая, сверкающая, быстрая, стремительная	сверкает 7, освещает, ударяет 2, бьет

10.	«снег»	Муха 5, паук, жук Жемчуг 5, серебро 3 Пух 6 Лебедь 4	белый 5, пушистый 4, легкий, ажурный	падает 7, кружится 3, блестит 3, сияет, искрится 2, сверкает
11.	«ветер»	Нож 3 Пуля 4 Птица 5	порывистый 3, сильный 4, могучий озорной, ласковый	дует 6, воет 4, завывает, свищет, ласкает
12.	«дождь»	Алмаз 7 Слезы 8	слепой 4	плачет 7, барабанит 6